Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

Хрестоматия по истории отечественного государства и права XI-XVI вв.

Учебно-методическое пособие

Электронное издание

Красноярск
СФУ
2016

УДК 94(470+571)"10/13"(07)
ББК 63.3(2)4я73+63.3(2)5я73
Х917

Составители: С.А. Бердникова
О.В. Богунова

Х917 **Хрестоматия по истории отечественного государства и права XI-XVI вв.** : учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] / сост. С.А. Бердникова, О.В. Богунова. – Электрон. дан. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 238 с. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 128 Mb RAM; Windows 98/XP/7/8/10; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.

Историко-документальный материал книги с комментариями и вводными статьями хронологически охватывает период с XI по XVI вв. Подбор документов осуществлен в соответствии с учебной программой курса «История отечественного государства и права» на основе научных и учебных изданий.

Материалы предназначены студентам первого курса очной и заочной форм обучения направления 40.03.01 подготовки «Юриспруденция».

УДК 94(470+571)"10/13"(07)
ББК 63.3(2)4я73+63.3(2)5я73

© Сибирский федеральный университет, 2016

Электронное учебное издание

Подготовлено к публикации издательством
Библиотечно-издательского комплекса

Подписано в свет 26.02.2016. Заказ № 4671
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; http://bik.sfu-kras.ru
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru

Важнейшую роль в профессиональной подготовке будущих юристов в вузе играет преподавание цикла историко-правовых дисциплин, включающего в себя историю отечественного государства и права. Освоение этой дисциплины предполагает знание основных правовых и государственных институтов российского государства в их историческом развитии.

Одной из основных задач преподавания истории отечественного государства и права является изучение и анализ студентами-юристами конкретных источников права, что позволяет выработать навык работы с действующим законодательством.

Представленная хрестоматия содержит тексты важнейших правовых актов Русского государства периода Киевской Руси, феодальной раздробленности и эпохи Московского государства. Читателю представлены основные средневековые памятники права России XI – XVI вв.: Русская Правда, Псковская судная грамота, Судебник 1497 г. и Судебник 1550 г. Отбор текстов и форма их представления в хрестоматии определялись значимостью актов, а в отдельных случаях - трудностью понимания оригиналов памятников права на древнерусском языке. Все акты представлены в адаптированном виде, снабжены комментариями и вводными статьями.

Хрестоматия ориентирована на студентов первого курса очной и заочной форм обучения направления подготовки «Юриспруденция». Акты русского права XI – XVI вв. предназначены для подготовки студентов к семинарским занятиям по истории отечественного государства и права, к зачету и экзамену по дисциплине.

Также публикуемые правовые акты могут быть использованы обучающимися при написании контрольных работ, рефератов, курсовых и выпускных квалификационных работ.

РУССКАЯ ПРАВДА

ВВЕДЕНИЕ

«Русская Правда» - важнейший памятник права восточных славян, занимавший центральное место среди нормативно-правовых актов Древней Руси. Этот сборник права включал в себя нормы различных отраслей права периода становления и развития Древнерусского государства, но большинство ее норм было все-таки посвящено уголовному и процессуальному праву.

«Русская Правда» является официальным светским актом. В самом ее тексте содержатся указания на князей, принимавших или изменявших закон. Основным источником «Русской Правды» являлось обычное право. Вместе с тем она обобщила отдельные законы, принимавшиеся князьями, то есть означала определенную систематизацию права. С течением времени «Русская Правда» изменялась и дополнялась.

«Русская Правда» – документ сложного состава. В ее основе лежит несколько княжеских грамот, дополненных отдельными статьями и с течением времени объединенных в единое целое.

Первоначальный текст Правды назывался протографом. И переписчики делали с него копии-списки. А поскольку подлинные тексты протографов не сохранились до наших дней, исследователи пользовались сравнительно поздними списками. Для удобства эти списки назывались или по имени владельца, исследователя или по месту нахождения.

Однако списки, близкие по содержанию, различались внутренним расположением материала, особенностями терминологии, наличием или отсутствием в тексте тех или иных фрагментов. Такие списки впоследствии исследователями были объединены в редакции, включавшие в себя и деятельность законодателя, и работу переписчика.

«Русская Правда» представлена в Краткой, Пространной и Сокращенной редакциях.

Древнейшей редакцией признана Краткая Правда. Известно два списка этой редакции: Академический и Археографический.

Важность «Русской Правды» как одного из основных источников для изучения Древней Руси, сложность и разнообразие ее текстов породили обширную литературу. За два с половиной века появилось более 200 работ, посвященных этому уникальному памятнику древнерусского права.

Краткая редакция «Русской Правды» была открыта В.Н. Татищевым в 1738 г. и издана впервые А. Шлецером. Пространную редакцию ввел в науку В.В. Крестинин, опубликовав ее в 1788 г. Сокращенная редакция впервые была издана Н.В. Калачовым в 1846 г.

Первые же исследования «Русской Правды» были проведены В.Н. Татищевым, Ф. Штрубе де Пирмонтом, Н.М. Карамзиным.

Серьезное исследование Правды было связано с именем дерптского ученого И.Ф. Эверса (1826 г.). Эверс рассматривал нормы Правды как местное, русское право, выросшее из древнего обычая. В истории памятника Эверс выделял три этапа: первые 18 статей Краткой Правды – законодательство Ярослава; расширение ее сыновьями Ярослава (Правда Ярославичей) и Пространная Правда Владимира Мономаха. Концепция славянского происхождения норм Правды также была развита польским исследователем И. Раковецким (1822-1826 гг.).

Важные исследования истории текста Правды принадлежали дерптскому ученому Э.С. Тобину (1840, 1844 гг.). По его мнению, Правда как славянское право в первоначальном виде возникла до появления на Руси княжеской власти. Тобин считал Древнейшую Правду, Правду Ярославичей, как и Пространную Правду, особыми юридическими памятниками, которые отражали последующие этапы развития русского права. Правда Ярославичей была выработана на княжеском съезде с участием «мужей», причем таких съездов было два. Начальные статьи Правды Ярославичей, по Тобину, примыкают к Древнейшей Правде. Пространную Правду исследователь рассматривал как результат слияния Древнейшей Правды и добавленных к ней законов, принятых Владимиром Мономахом в связи с восстанием в Киеве в 1113 г. Одна часть Устава Мономаха является изменением и развитием статей Краткой Правды, а другая представляет новое законодательство. В состав Пространной Правды, по его мнению, вошли и более поздние статьи, относящиеся к XIII в.

Историк Н.В. Калачов в 1846 г. объединил списки Правды в четыре «фамилии», соответствующие Краткой и Пространной редакциям. С именем Н.В. Калачова также было связано составление программы дальнейшего изучения памятника, которая включала в себя издание его по всем спискам, филологическое и юридическое исследования. Относительно происхождения Правды Калачов считал ее частным сборником законов, обычаев и судебных решений, размещенных без особой системы. При издании текстов Правды он использовал большое число известных ему рукописей. И очень важным было его предложение о разделении текста на статьи.

В.И. Сергеевич (1904 г.) следовал в своей классификации за Тобиным, выделив, однако, в качестве особой «фамилии» Сокращенную Правду, время создания которой он относил примерно к XIII в. В.И. Сергеевич предложил деление памятника на статьи, значительно меньшие по объему и включавшие только один казус.

Если все предшествовавшие исследователи рассматривали Правду как светский, государственный или частный сборник права, то В.О. Ключевский (1904 г.) видел в ней церковный судебник, предназначенный для суда над церковными людьми по делам, не входившим в компетенцию церкви. И при этом он ссылался на то, что в Правде среди судебных доказательств отсутствует поле – судебный поединок, осуждаемый церковью, и

сам текст Правды помещен в сборниках церковного права – Кормчих и Мериле Праведном. В.О. Ключевский связывал нормы Правды в основном с городом.

Наиболее крупное по объему исследование Правды принадлежит боннскому профессору Л. Гётцу (1910-1913 гг.). Он рассматривал Древнейшую Правду как запись восточно-славянского обычного права доваряжского времени. Вторая редакция Правды, по мнению Л. Гётца, возникла при Ярославе в Киеве и включает законы князей Владимира и Ярослава. А некоторые нормы Древнейшей редакции – такие, как процедуры установления виновных в похищении имущества (свод) и в драке, вира, штраф за убийство в пользу государственной власти, Гётц считал заимствованными из германских законов, в частности из Салической правды.

В советское время уделялось большое внимание изучению Русской Правды. Русская Правда была тогда основным источником каждой работы, посвященной истории общественного строя и права Древней Руси.

Полное издание Правды по всем выявленным спискам было осуществлено С.В. Юшковым в 1935 г., где он разделил списки Правды в зависимости от содержания и объема.

Результатом труда коллектива историков и археографов явилось академическое трехтомное издание Правды под редакцией Б.Д. Грекова, осуществленное в 1940-1963 гг. Его авторы впервые смогли выполнить определенную часть большой программы изучения памятника, которая была намечена еще в XIX в. Н.В. Калачовым.

Выдающийся советский историк академик Б.Д. Греков относил ранние нормы Правды ко времени задолго до утверждения на Руси феодального способа производства, во всяком случае к VIII-IX вв. Б.Д. Греков считал, что Древнейшая Правда записана и дана Новгороду в начале XI в. Правда Ярославичей, составленная в Киеве после смерти Ярослава, отражала уже дальнейший шаг в развитии общественного строя Руси, однако и в ней были представлены отношения не только момента записи, но и более раннего времени. Б.Д. Греков характеризовал эту Правду как специальный закон, призванный оберегать интересы княжеских владений от враждебно настроенных соседних крестьянских миров. Пространная Правда, по Грекову, - памятник начала XII в.

М.Н. Тихомиров (1940 г.) подробно обосновал условия, время и место возникновения отдельных обработок Правды, представленных в этом издании. Однако Краткую, Пространную и Сокращенную Правды он считал не редакциями одного памятника, а тремя отдельными памятниками, связанными содержанием и происхождением. К тому же М.Н. Тихомиров тесно увязывал этапы создания Правды с народными движениями на Руси. Возникновение Правды он относил к Новгороду. Краткая Правда, по М.Н. Тихомирову, была составлена в начале XII в. в среде новгородского духовенства на базе новгородской же Древнейшей Правды 1036 г. и киевской Правды Ярославичей, появившейся после восстаний 1068-1071 гг. Про-

странная Правда возникла после новгородского восстания 1209 г. и была основана на Краткой Правде, Уставе Владимира Мономаха и других источниках. В составлении этой Правды принимали также участие церковные круги во главе с архиепископом. Сокращенная Правда, по М.Н. Тихомирову, - судебник, составленный в конце XIV – начале XV в. для Пермской земли в результате компиляции нескольких текстов Правды. М.Н. Тихомирову принадлежит и учебное издание Правды (1953 г.), снабженное комментариями, терминологическим словарем и вводными статьями.

Особое место в литературе о Русской Правде занимают также работы С.В. Юшкова. С.В. Юшков считает возникновение Правды Ярослава (более обширной, чем Древнейшая Правда в составе Краткой редакции) результатом деятельности Ярослава по отбору норм, защищавших интересы феодалов. Он датирует ее 30-ми гг. XI в. Правда Ярославичей с новыми нормами права – привилегиями для администрации княжеского домена, объединенная с предшествующим законодательством в Краткую Правду, была составлена в Киеве в конце XI в.

В составе Пространной Правды С.В. Юшков видит два разновременных памятника, объединенных писцами, - Суд Ярослава Владимировича и Устав Владимира Мономаха. Первый из них был приписан имени Ярослава, но сложился он в конце XI – начале XII в. в результате развития норм Краткой Правды и пополнения ее новыми нормами. Устав Владимира Мономаха был связан с киевским восстанием 1113 г. Сокращенную Правду С.В. Юшков относил к XV в.

В выпущенной под редакцией С.В. Юшкова серии «Памятники русского права» издание Русской Правды с переводами и комментариями подготовил А.А. Зимин. Одним из основных источников Правды Ярославичей, Пространной Правды и поздней части Древнейшей Правды А.А. Зимин считает не дошедший до нас устав, принятый в последние годы княжения Ярослава его сыновьями. Всю Пространную Правду А.А. Зимин связывает с деятельностью Владимира Мономаха, а Сокращенную датирует началом XVII в.

Л.В. Черепнин (1948, 1965 гг.) видел в Древнейшей Правде, вызванной к жизни событиями 1015-1016 гг., результат подбора существовавших ранее на Руси правовых норм, способных обеспечить сосуществование в Новгороде двух политических сил. Новгородцам этим законом гарантировалась охрана от притеснений со стороны княжеских дружинников и особенно варяжских наемников, а княжеской дружине обеспечивались условия для защиты от выступлений против них новгородцев. Основное внимание Л.В. Черепнин обращал на установление связи статей Правды с социальными движениями в различных частях Руси и деятельностью отдельных князей, выделяя в составе Пространной Правды несколько разновременных кодексов. Таким образом, по Черепнину, сложение обеих редакций Правды шло попеременно и параллельно в Киеве и Новгороде, за-

вершившись созданием в Новгороде Краткой редакции в 1136 г. и Пространной – в 1209 г.

Важным событием в истории отечественного государства и права явилось издание в 1984-1994 гг. «Российского законодательства X-XX веков» в девяти томах под общей редакцией О.И. Чистякова. Русская Правда в Краткой и Пространной редакциях также была опубликована в первом томе этого издания. Введение к Русской Правде было написано Я.Н. Щаповым, а комментарий к ней был дан Я.Н. Щаповым и Т.Е. Новицкой.

Правда Краткой редакции (сокращенно – Краткая Правда) – результат деятельности древнерусских князей по систематизации права. В ее составе исследователями выделены древнейшая часть (ст.ст. 1-18), которая носит в науке название **Правда Ярослава** или Древнейшая Правда, и **Правда Ярославичей** с дополнительными статьями (ст.ст. 19-41). Кроме того в состав Краткой Правды входят два самостоятельных закона: **Покон вирный** (ст. 42) **и Урок мостникам** (ст. 43).

Нормы Древнейшей Правды регулировали взаимоотношения лично свободных и вооруженных «мужей» внутри «мира», дружины или другого социального коллектива. Эти нормы выросли из обычаев родового строя, а затем они стали правовыми нормами раннефеодального государства. В Древнейшей Правде не упоминались феодально-зависимые крестьяне, но здесь вполне определенно фиксировалось положение челяди – патриархальных рабов, появившихся в процессе формирования феодального общества. Это, конечно, не означает, что отсутствовали такие крестьяне, живущие в соседской общине – верви.

Нормы Древнейшей Правды отражали раннее время истории Руси, еще до установления государственной власти и принятия христианства. В советской исторической науке о сохранении в составе Правды норм VIII-IX вв. писал Б.Д. Греков, а о соответствии норм Правды нормам договоров с Византией X в. упоминал Л.В. Черепнин. С.В. Юшков также считал, что многие нормы Древнейшей Правды сложились задолго до ее составления Ярославом. В Древнейшей Правде нашли отражение и архаичные нормы права, которые в течение XI-XII вв. отмирали или изменяли свой характер.

Вопрос о времени составления Древнейшей Правды спорен. Важнейшим аргументом в пользу написания ее Ярославом в 1016 г. для Новгорода Греков, Черепнин, Зимин считают то, что вся Краткая Правда включена в состав Новгородской Первой летописи (в обработке середины XV в.) под 1016 г. В этой летописи говорится, что новгородцы подняли восстание против варягов, находившихся на службе у князя Ярослава, и посекли их; Ярослав в ответ на это самоуправство казнил многих новгородцев, виновных в гибели его дружинников, но вскоре получил извещение о смерти отца, князя Владимира, в Киеве и для похода в Киев был вынужден обратиться к новгородцам с просьбой об участии в этом предприятии. После победы над братом Святополком, заняв киевский стол, Ярослав щедро

расплатился с участниками похода. Ярослав отпустил новгородцев домой и дал им Правду Русскую.

Правда Ярославичей представляла собой отдельный от Древнейшей Правды законодательный акт, принятый князьями Изяславом, Святославом и Всеволодом вместе с боярами. И в этом законе значительно сильнее, чем в Древнейшей Правде, выступала нормотворческая деятельность князей, которая изменяла традиционные нормы уголовного и процессуального права в интересах феодальных земельных собственников.

Большинство исследователей связывают возникновение Правды Ярославичей с подавлением крестьянских и городских восстаний 1068-1071 гг. Вслед за М.Н. Тихомировым исследователи считают, что Правда Ярославичей была принята во время съезда князей в Вышгороде в 1072 г. по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба в новую церковь. А.А. Зимин относит составление этой Правды ко времени жизни Ярослава, между 1036 и 1054 гг.

Объем законодательства Ярославичей исследователи определяют по-разному. М.Н. Тихомиров и С.В. Юшков включают в его состав ст.ст. 19-27, выделяя остальные в качестве добавочных, возникших после съезда Ярославичей. А.А. Зимин считает, что Ярославичами был издан Устав, охватывающий ст.ст. 19-41 Краткой Правды. Л.В. Черепнин также относит к этому закону все статьи между заглавием Правды Ярославичей и Поконом вирным, за исключением ст.ст. 29, 30 и 41. И при этом он выделяет в его составе устав князя Изяслава, посвященный делам об убийствах, разбое, коллективной краже (ст.ст. 19-28, 31, 38-40), и устав князя Святослава о правонарушениях, подрывающих различные отрасли княжеского дворцового хозяйства (ст.ст. 32, 34-37, 39 и, вероятно, 33). Последний был включен в устав Изяслава уже во время съезда Ярославичей.

Покон вирный и **Урок мостникам** большинство советских исследователей (С.В. Юшков, А.А. Зимин, Л.В. Черепнин) связывает с Древнейшей Правдой и датирует временем княжения Ярослава - 20-е или 30-е годы XI в. М.Н. Тихомиров указывает на более позднее время.

Существует вопрос о том, когда в целом была создана Краткая Правда. Если связывать эту Правду с Киевом, как делают большинство исследователей, то время ее возникновения нужно относить к 60-70-ым гг. XI в. после создания Правды Ярославичей. С.В. Юшков относил сложение Краткой Правды к концу XI в. По мнению Т.Е. Новицкой, как целостный памятник Краткая Правда оформилась в 1076-1093 гг. во время княжения сына Ярослава – Всеволода. Другие исследователи создание Правды относят от середины XI до 30-х гг. XII в. Составление же Правды в годы княжения Ярослава, как считают Л. Гётц и А.А. Зимин, маловероятно.

Веским аргументом в пользу создания Краткой Правды в Новгороде в 30-х гг. XII в. для М.Н. Тихомирова, А.А. Зимина и Л.В. Черепнина является предполагаемое ими включение ее в состав новгородского летописания уже в XII в. Однако столь раннее объединение этого закона, тогда еще

действующего, с летописью не находит подтверждения в истории летописания XII-XIV вв. Краткая Правда, как утверждают М.Д. Приселков, Д.С. Лихачев, С.В. Юшков и Я.Н. Щапов, была создана в Киеве и включена в свод, источник Археографического и Академического списков, в Новгороде в первой половине XV в.

Пространная редакция сохранилась в большом числе списков (более 100). Текст ее дошел до нас в составе многочисленных юридических сборников. К наиболее древним относятся списки, помещенные в сборниках, известных под названием Кормчих и Мерил Праведных. Кормчая, что означает руководящая, направляющая, или Номаканон (закон, правило), включала в себя нормы церковного и светского права. Мерило Праведное состояло из поучения о праведных судах и различных правовых норм, заимствованных из Кормчей.

Структурно в **Пространной Правде** переписчиками выделяются две части: **Суд Ярослава** (ст.ст. 1-52) и **Устав Владимира Мономаха** (ст.ст. 53-212). Источниками Суда Ярослава Владимировича называют: 1) Краткую Правду; 2) судебную практику и дополнительные статьи. Временем появления этой части Пространной Правды считают конец XI – начало XII в., до княжения Владимира Мономаха. Устав Владимира Всеволодовича Мономаха состоит из целого ряда законов, направленных на реорганизацию, реформирование существующих социально-экономических отношений. Большинство исследователей выделяют в нем Устав о резах (ст. 53), Банкрутский устав (ст.ст. 54, 55), Устав о закупах (ст.ст. 56-62, 64) и Устав о холопах (ст.ст. 63, 110 и др.) Как единое целое Пространная Правда оформляется к середине XII в.

Мнение об объединении в составе Пространной Правды двух самостоятельных памятников – Суда Ярослава Владимировича и Устава Владимира Мономаха, которое отстаивал С.В. Юшков, не убедительно. Выделение киноварными заглавиями отдельных частей памятников составителями и переписчиками сборников XIV-XV вв. обычно. Оно облегчает читателю использование ранних памятников права в сложных по составу сборниках. А появление нумерации отдельных таких частей в составе сборников относится уже к концу XV в.

По Л.В. Черепнину, начальные статьи Пространной Правды (1-46) могли быть приняты на княжеском съезде в Любече в 1097 г. А статьи 47-52 приписывались им князю Святополку Изяславичу, покровительствовавшему ростовщикам. К Уставу Владимира Мономаха, появившемуся в Киеве после восстания 1113 г., Л.В. Черепнин относил статьи 53-66. В этих статьях речь шла о долговых обязательствах и кабальных отношениях. Далее Л.В. Черепнин выделял Устав черниговского князя Всеволода Ольговича (1138-1146 гг.), регулирующий социальные отношения в феодальных вотчинах (ст.ст. 67-73, 75-85). Статьи 90-95, 98-106, представляющие собой самостоятельный устав о наследстве, Л.В. Черепнин также связывал с деятельностью князя Всеволода Ольговича. Статьи 74, 86-89, 107-109 бы-

ли посвящены деятельности судебно-административного аппарата, а статьи 96-97 касались денежного довольствия лиц, занятых некоторыми общественными делами. Наконец, последняя часть Пространной Правды (ст.ст. 110-121) представляла собой устав о холопстве. Л.В. Черепнин относил статьи о судебно-административном аппарате и устав о холопстве к деятельности владимирского великого князя Всеволода Юрьевича. И причем последний он связывал с восстанием 1174-1175 гг., приведшим к гибели его брата Андрея Боголюбского.

Создание Пространной Правды в целом большинство исследователей относит к первой четверти XII в., вскоре после восстания 1113 г. в Киеве и вокняжения Владимира Мономаха. М.Н. Тихомиров и Л.В. Черепнин считают, что эта редакция Правды составлена в Новгороде в связи с восстанием 1209 г. Первый исследователь полагает, что она была создана во время княжения в Новгороде Мстислава Мстиславича Удалого (1210-1215 гг.), второй же – видит в ней «уставы старых князей», которые князь Всеволод дал новгородцам за участие их в войне с Рязанью. Мнение о новгородском происхождении Пространной Правды основывается главным образом на сохранении ее древних списков в новгородских рукописях.

Среди списков Пространной Правды выделяются три текстологические группы. **Синодально-Троицкая** группа объединяет большую часть списков, которые сохраняют состав, наиболее близкий к первоначальному тексту памятника. В эту группу входят Синодальный, Троицкий (XIV в.) и другие списки. В **Мусин-Пушкинской** (или просто Пушкинской) **группе** объединены списки, в которых Пространная Правда имеет добавочные статьи и соединена с другим юридическим памятником – Законом Судным людем или со Словом Василия Великого о справедливых судьях. Наконец, **Карамзинская группа** включает списки, содержащие значительную вставку в текст Правды.

Сокращенная Правда, по мнению большинства исследователей, представляет собой памятник, возникший в результате значительного сокращения текста Пространной редакции. Работа редактора нового текста Правды заключалась в отборе из древнего памятника тех статей и норм, которые могли сохранить характер действующих. Это время определяется различно. С.В. Юшков относил такую обработку к XV в. до издания Белозерской грамоты и общерусского Судебника 1497 г. П.Н. Мрочек-Дроздовский, Н.А. Максимейко и А.А. Зимин датировали этот памятник XVI или XVII в., а М.Н. Тихомиров концом XV – первой половиной XVI в. Юридическое значение Сокращенной Правды невелико, до нас дошло только два ее списка.

Особое мнение о происхождении Сокращенной Правды отстаивал М.Н. Тихомиров. Он не считал ее сокращением Пространной, но утверждал, что в ее основе лежит ранний текст второй половины XII в., который был использован при создании Пространной Правды.

В данном пособии даны только две редакции Русской Правды – Краткая и Пространная. Тексты их подготовлены по академическому изданию: Правда Русская / Под ред. Б.Д. Грекова. М.-Л., 1940.

В основе издания Краткой редакции **лежит Академический список середины XV в.**, переписанный в Новгороде и хранящийся ныне в Библиотеке Российской Академии наук. Основной же список при издании Пространной редакции **– Троицкий второй половины XIV в.** – хранится в Российской государственной публичной библиотеке в Москве.

(Российское законодательство X-XX веков
/ Под ред. проф. О.И. Чистякова. М., 1984)

ПРАВДА РУССКАЯ
КРАТКОЙ РЕДАКЦИИ
(По академическому списку) с комментариями

1. Если муж убьет мужа, то мстит брат за убийство брата, сын за отца или племянник со стороны брата, или племянник со стороны сестры; если никто не будет мстить, то взыскивается 40 гривен за убитого. Если убитый – русин, гридин, купец, ябетник, мечник, или же изгой, или словенин, то уплатить за него 40 гривен.

Допущение **кровной мести** в Правде Ярослава говорит о влиянии на нее обычного права. Ко времени составления этого закона кровная месть во многом потеряла свой первоначальный характер. Теперь был ограничен круг возможных мстителей, что связано с превращением родовой общины в соседскую, распадом кровно-родственных связей. Правда Ярослава, по-видимому, зафиксировала эту практику.

В литературе различные мнения по вопросу, был ли названный в статье круг родственников исчерпывающим или нет. В.И. Сергеевич отстаивал точку зрения, что здесь дан примерный перечень мстителей, а П.Н. Мрочек-Дроздовский, напротив, доказывал исчерпывающий характер этого перечня.

Много споров в литературе вызывает вопрос о правовом основании кровной мести – досудебная эта расправа или послесудебная. Русская Правда прямого ответа на этот вопрос не дает. С.В. Юшков, например, считая кровную месть в Древнерусском государстве явлением невероятным, приходит к выводу о ее послесудебном характере. А И.Ф. Эверс, напротив, видел в кровной мести непосредственную реакцию варвара, т.е. досудебную месть.

Исторически кровная месть сложилась как непосредственная обязанность рода потерпевшего лица расправиться с преступником. Процесс

феодализации Древнерусского государства, увеличение роли князя и княжеского суда внесли изменения и в применение обычая кровной мести. Появилась возможность выкупать себя при посредничестве князя. Выделяется категория лиц, которая нуждается в особой защите князя (купцы, изгои, а также служащие князя, дружинники – гридни, ябетники, мечники). Княжеский суд постепенно вытесняет общинный. Одновременно исчезает практика самовольной расправы с преступником: кровная месть, личная месть и некоторые разновидности самосуда. Можно предположить, что князь дает свою санкцию на кровную месть, и это положение впервые закрепляется первой статьей Правды Ярослава. Кровная месть по Русской Правде, таким образом, носит характер переходный от непосредственной расправы рода к наказанию, налагаемому и исполняемому государственным органом.

Упоминаемая в статье дважды 40-гривенная плата рассматривается исследователями двояко: как штраф в пользу князя (вира) или как платеж родственникам убитого в случае их отказа от мести (головничество). Иногда различают платеж, о котором говорится в первой части статьи, от такового во второй ее части. А.А. Зимин, например, в первом случае видит головничество, а во втором – виру.

2. Если придет на суд человек, избитый до крови или в синяках, то не надо искать свидетеля, но если не будет на нем никаких следов побоев, то он должен привести свидетеля. Если он не может привести его, то делу конец. Если потерпевший не может мстить за себя, то пусть возьмет с виновного 3 гривны и сверх того плату лекарю.

Статья содержит нормы уголовного, гражданского и процессуального права. Некоторые положения статьи являются, по-видимому, общими для нескольких последующих статей. Таковы доказательства совершения преступного деяния. Статья дает два вида доказательств: **внешний вид потерпевшего** и **наличие свидетеля**. Обращает на себя внимание техническое несовершенство статьи. Закон считает достаточным один вид доказательства. Однако наличие синяков и кровоподтеков еще ничего не говорит о том, кто нанес эти телесные повреждения. Поэтому альтернатива в выборе доказательств не оправдана. В статье говорится об одном свидетеле, в то время как в других статьях требуется не менее двух.

Допускается возможность мести; как и в первой статье, месть стоит на первом плане и лишь потом говорится о штрафе за обиду. Штраф назначается только в том случае, если по какой-то причине не мстят.

3-гривенное взыскание с ответчика по Правде Ярослава представляется здесь вознаграждением обиженному. Статья содержит также норму, согласно которой обидчик должен был уплатить лекарю за услуги, оказанные потерпевшему.

3. Если кто ударит кого-либо палкой, жердью, рукой, чашей, рогом или мечом плашмя, то он платит 12 гривен; если потерпевший не настигнет его и не отомстит, то виновный платит штраф, и этим дело кончается.

Если в ст. 2 основное внимание уделено характеру телесных повреждений, то ст. 3 рассматривает **орудия**, какими наносятся побои: батог, жердь, ладонь, чаша, рог, тупая сторона острого орудия. Этот перечень предметов говорит о том, что для закона не имеет значения степень опасности для здоровья потерпевшего орудия, которым наносятся побои. Важен не столько сам удар, сколько обида, им нанесенная. Поэтому и ответный удар (то есть месть) должен был следовать сразу за **оскорблением**. Чаще всего, по-видимому, местом совершения преступления являлись пиры: статья говорит о чаше и о роге (сосудах для напитков) как о возможных орудиях совершения преступления. В случае если обиженный по той или иной причине не мог сразу же отомстить, обидчик подвергался денежному взысканию в размере 12 гривен.

4. Если ударит мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью меча, то платит 12 гривен штрафа.

Статья является логическим продолжением предшествующей статьи. Удар мечом в ножнах или рукоятью меча рассматривался так же, как **оскорбление**. Этим обусловлен и столь высокий штраф.

5. Но если кто кого ударит по руке, и рука отвалится или отсохнет, то платить 40 гривен.

6. Если же ударит мечом по руке или по ноге и отсечет руку или она станет сохнуть, или нога останется цела, но начнет хромать, тогда пусть мстят его дети или с виновного взыскивается 40 гривен.

7. Если кто отсечет какой-нибудь палец, то платит 3 гривны штрафа.

Членовредительству посвящено в Правде Ярослава три статьи. Выделяются три вида членовредительства: **травма руки**, **ноги**, **пальца**. Отнятие руки или лишение возможности ею пользоваться рассматривалось наравне с лишением жизни: за это преступление полагалась плата в 40 гривен, равная штрафу за убийство.

Хотя текст ст. 6 дефектен, М.Н. Тихомиров предполагает, что в ней содержались те же положения, что в предшествующей. Можно присоединиться к точке зрения Б.А. Романова и М.Н. Тихомирова о допущении в этой статье кровной мести. Такое разрешение логически вытекает из всего

духа Правды Ярослава. Кровная месть разрешается в случае убийства, оскорбления и побоев. Было бы странным, если бы в случае увечья, которое приравнивалось к убийству, месть была был запрещена. Однако если в случае нанесения побоев и оскорбления мстить должен был лично сам оскорбленный, то в случае причинения увечья мстить могли близкие потерпевшего, поскольку сам он это сделать был не в состоянии.

8. А кто вырвет усы или бороду, платит 12 гривен.

Особо выделяет Правда Ярослава оскорбление, выражавшееся в **повреждении бороды и усов**. Статья содержит только указание на размер штрафа за это действие. Понятно, что здесь подразумеваются и условия, при которых можно осудить обидчика (они изложены в ст. 2).

9. Если кто обнажит меч, но не ударит, платит гривну.

Статья трактовалась по-разному. Одни исследователи видели в ее диспозиции покушение на совершение преступления; другие – оконченное преступление (угроза, оскорбление).

Оценивать статью нужно исходя из характера Правды Ярослава в целом. Это памятник раннего, неразвитого права. Допустить возможность, что законодательная техника тогда выделяла стадии совершения преступления, вряд ли будет обосновано: учение о стадиях совершения преступления появляется позже. Скорее всего правы М.Ф. Владимирский-Буданов, В.И. Сергеевич, А.Е. Пресняков и другие историки, рассматривавшие упомянутые деяния как оконченное преступление. И очевидно, имелась в виду именно угроза, а не оскорбление. Обнаженным мечом можно угрожать, нанести же оскорбление им, по понятиям того времени, было нельзя.

10. Если пихнет муж мужа от себя или к себе, то должен платить 3 гривны, если на суд приведет двух свидетелей. При этом варяг или колбяг не приводит свидетелей, но сам идет к присяге.

Обида, о которой идет речь в статье, может рассматриваться двояко: или оскорбление действием, или нанесение побоев. Если все же рассматривать эту статью в контексте Правды Ярослава, то здесь скорее всего **физическое насилие**.

Статья интересна как первая статья, определяющая статус иностранцев. Терминами варяг и колбяг здесь обозначались иностранцы вообще, независимо от их национальной принадлежности. Хотя они и жили в древнерусских городах, в частности в Новгороде, они не всегда находи-

лись в равных условиях с коренными жителями. Найти свидетеля им было труднее. Вину обидчика иностранцам разрешалось поэтому доказывать личной присягой.

11. Если челядин сбежит и скроется у варяга или у колбяга и тот не вернет его в течение трех дней, то господин, опознав его на третий день, может отобрать челядина, а с укрывателя взыскивается 3 гривны штрафа.

Статья говорит об укрывательстве иностранцами челядина. Челядин – термин, не получивший в современной литературе единого толкования. Челядь у Б.Д. Грекова не только рабы, но и все подвластные хозяину зависимые люди. Для С.В. Юшкова челядь – рабы. А.А. Зимин видит в челяди X – начала XI в. рабов, пленных, а в XI-XII вв. – совокупность феодально-зависимых людей.

Варяги и колбяги могли жить особыми общинами, а это затрудняло поиски беглых. Позднее норма была распространена на всех подданных. В статье наказывается именно укрывательство беглого.

Порядок истребования челядина предполагает применение заклича, то есть объявления на торгу о пропавшей вещи и обязанности незаконного владельца в трехдневный срок вернуть вещь (в том числе челядина). В случае невозвращения виновный платил 3 гривны за обиду.

12. Если кто поедет на чужом коне без спросу, пусть уплатит 3 гривны.

В какой-то степени статья является продолжением предыдущей. Если в ст. 11 речь идет о незаконном укрывательстве чужого челядина, то в ст. 12 говорится о незаконном пользовании имуществом. Для законодателя здесь важен лишь сам факт незаконного пользования имуществом.

13. Если кто украдет чужого коня, оружие или одежду и хозяин опознает пропавшее в своем миру, то он берет свое, а вор платит 3 гривны штрафа.

14. Если кто опознает у кого-либо свою пропавшую вещь, то нельзя отобрать ее, и не говори: «это мое», но скажи ему так: «пойди на свод, укажи где ты ее взял». Если тот не пойдет, пусть представит поручителя в том, что явится на свод не позднее 5 дней.

Статьи 13 и 14 определяют порядок изъятия собственником своей вещи у владельца. Можно рассматривать первую статью как статью, содержащую норму материального права, в то время как во второй налицо

норма процессуального права. И на это указывает то, что штрафную санкцию содержит только первая статья.

Существует точка зрения, что обе статьи содержат нормы процессуального права. Считают, что в Правде Ярослава предусмотрено два варианта: 1) когда вещь найдена внутри общины и 2) когда владелец не является членом данной общины.

Однако возможна и иная трактовка ст. 13. В первом случае речь идет о недобросовестном владельце: вещь изымается без свода не потому, что дело происходит в одном миру, а потому, что свод не нужен – правонарушитель известен. В ст. 14 говорится о добросовестном владельце. Свод необходим, ибо нужно выявить истинного правонарушителя. Поскольку до его обнаружения вещь находится у добросовестного владельца, то для обеспечения интересов собственника должен быть выставлен поручник.

15. Если где будет иск к кому-либо об уплате займа, то идти ему на судебное разбирательство при 12 свидетелях. И если окажется, что должник злонамеренно не отдавал деньги, как следовало по условию, то с него взыскивается 3 гривны штрафа.

Статья вызывала множество толкований. Можно согласиться с точкой зрения Н.М. Карамзина, развитой А.А. Зиминым. Речь в статье идет о том случае, когда в результате свода похититель найден, но помимо обнаруженной вещи им были похищены и другие вещи, еще не найденные, которые также требует возвратить истец. Такой вывод соответствует и помещению статьи после статьи о своде.

12 мужей, о которых говорит статья, рассматриваются или как общинный суд, или как послухи. Если считать 12 мужей общинным судом, то следует признать, что этому суду подлежали все дела о кражах имущества, расследуемые при помощи свода. Территориально такой суд был ограничен землями общины. Общинный суд вряд ли в данном случае имеется в виду. Скорее всего, названные 12 мужей здесь свидетели доброй славы – послухи.

В случае невозвращения ответчиком вещи он должен был возместить ущерб и заплатить штраф.

16. Если господин узнает своего пропавшего челядина и захочет его взять, то вести его к тому, у кого он был куплен, а тот пусть ведет к предыдущему продавцу, и когда дойдут до третьего, то скажи ему: «отдай мне своего челядина, а ты ищи своих денег при свидетеле».

В статье описывается свод – процесс, при помощи которого отыскивается недобросовестный владелец вещи. Статья говорит о частном случае, когда предметом свода является челядин. Процесс свода, выработанный еще в древнейшие времена, был, видимо, хорошо урегулирован обычаем, поэтому мы не встречаем в Русской Правде подробного описания свода. В статье содержатся исключения из общего правила: свод ведется истцом до третьего покупателя. Далее его должен вести уже добросовестный покупатель, передав истцу своего челядина.

17. Если холоп ударит свободного мужа и убежит в хоромы своего господина и тот не выдаст его, то господин может удержать его у себя, но должен заплатить за него 12 гривен, а затем пусть потерпевший побьет холопа, где его застанет.

Статья интересна двояким отношением к холопу в древнерусском обществе. С одной стороны, холоп не субъект права – за свои действия он не отвечает и отвечать не может, поскольку имущественные санкции к нему применить невозможно, так как он не имеет собственности. За холопа отвечает его господин. С другой стороны, на холопа, возможно, распространяется обычай мести. С этой точки зрения следует признать его в какой-то мере субъектом права. Такое отношение могло быть обусловлено патриархальным характером рабства в Древней Руси.

12-гривеный штраф и является скоре штрафом за оскорбление, нанесенное холопом свободному: удар раба для свободного всегда оскорбителен. Трактовка А.А. Зиминым этого штрафа как суммы выкупа жизни холопа вызывает сомнение: в более поздних статьях Правды Ярославичей цена холопа определена в 5 гривен.

Статья дает также представление о статусе жилища в Киевской Руси. Холоп, укрывшийся в доме своего господина, не может быть изъят оттуда. Нет в Русской Правде и статей, говорящих о праве обыска. Даже в случае уличения в краже Правда считает достаточным ограничиться показаниями послухов.

18. А если кто сломает копье, щит или испортит одежду и захочет удержать у себя, то хозяин вещи получает доплату деньгами, если собственник отказывается от сломанной вещи, то пусть ему будет заплачено, сколько он дал при ее покупке.

Статья говорит о повреждении чужого имущества. Ее первая часть регулирует случаи, когда испортивший вещь желает оставить ее у себя. В таком случае собственнику вещи возвращается ее цена. Во второй части, по-видимому, говорится о случае, когда сломанную вещь хотят вернуть

собственнику помимо его воли. В этом случае цена вещи все равно должна быть возмещена.

Вторая часть Краткой редакции Русской Правды (начиная со ст. 19) носит в литературе название Правды Ярославичей. Существует своеобразное мнение Б.Д. Грекова, что эта часть Русской Правды посвящена правовой регламентации жизни княжеской вотчины, ее охране от любых посягательств.

На съезде Ярославичей, помимо князей, присутствовали наиболее именитые княжеские дружинники – наместники Киева и Вышгорода. И по мнению И.Я. Фроянова они представляли интересы общин этих городов и были причастны к составлению Правды Ярославичей.

19. Если убьют огнищанина в обиду, умышленно, но без корыстных намерений, то с убийцы взыскивается 80 гривен, а люди не обязаны помогать убийце в их уплате: за убийство княжеского подъездного также платить 80 гривен.

В статье устанавливается наказание за убийство в обиду. Представляется неверной точка зрения А.А. Зимина, что это убийство с целью кровной мести. Под обидой на древнерусском языке не понималась месть. Местью нельзя было оскорбить, месть не могла рассматриваться как убийств в обиду. С чисто логической точки зрения невозможно ввести наказание за совершение мести, если не отменена сама месть. Скорее всего в статье имеется в виду не кровная месть, а убийство в отместку, в ответ на действия жертвы, убийство за обиду.

В законе устанавливаются штрафы за убийство наиболее знатных княжеских слуг – огнищанина и подъездного в размере 80 гривен. И чтобы сделать наказание более суровым, закон запрещал общине помогать преступнику в уплате штрафа.

20. А если убьют огнищанина по-разбойничьи умышленно и с целью грабежа, а убийцу люди не ищут, то виру платит та вервь, где найден убитый.

Второй разновидностью умышленного убийства является убийство в разбое. Оно рассматривалось в Древней Руси как наитягчайшее преступление. Именно из-за участившихся разбоев духовенство посоветовало князю Владимиру Святославичу ввести смертную казнь.

Правда Ярославичей говорит о случае, когда жертвой преступления становится огнищанин. Обязанность разыскивать преступника, совершившего преступление на территории верви, по обычаю лежала на верви. Во времена Правды Ярославичей вервь должна была выдавать преступника

князю головой. В случае отказа верви от поиска или выдачи на нее возлагалась уплата штрафа.

Существуют различные точки зрения на сущность верви. С.В. Юшков видит в ней большую патриархальную семью, Б.Д. Греков – общину-марку. Последняя точка зрения представляется более обоснованной. Исходя из текста настоящей статьи видно, что вервь располагает определенной территорией. Вервь – это общественная единица; она платит штраф в случае убийства или выдает князю преступника. Следовательно, вервь – это общественно-территориальная единица. Она распадается на более мелкие единицы – семьи.

21. Если убьют огнищанина у клети, у коня, или у стада, или во время кражи коровы, то с убийцей можно расправиться немедленно. Тот же закон при убийстве тиуна.

Статья вызывала много споров в литературе: является ли огнищанин жертвой преступления или самим преступником, которого надлежит убить. Более обоснована первая точка зрения (Б.А. Романов, А.Е. Пресняков). Статья 21 является третьей статьей, говорящей об убийствах чиновников князя. Весь строй изложения ст.ст. 19-21 свидетельствует о различных случаях убийства высших княжеских слуг. Последняя статья разрешает убить убийцу огнищанина сразу, то есть без суда, и убить его в любое время суток. Таким образом, в ст. 21 подчеркивается опасный характер преступления.

22. А за убийство княжеского тиуна взыскивается с убийцы 80 гривен.

23. А за старшего конюха при стаде также 80 гривен, как постановил Изяслав, когда дорогобужцы убили его конюха.

24. За княжеского сельского старосту или смотрителя за полевыми работами платить 12 гривен.

25. А за княжеского рядовича 5 гривен.

26. А за убитого смерда или холопа 5 гривен.

27. Если убита рабыня-кормилица или кормиличич, то платить 12 гривен.

В статьях перечислены штрафы, взимаемые за убийство княжеских слуг, а также людей, находящихся в зависимости от князя. Это, во-первых, высшие слуги князя: княжеский тиун (должностное лицо, игравшее значительную роль, управитель княжеским хозяйством – ст. 22); конюх старый – ст. 23. Во-вторых, это среднее звено в управленческом аппарате княжеского домена: сельский и пахотный старосты – ст. 24. Возможно, что это были

также холопы князя. Наконец, в-третьих, перечисляются штрафы за убийство мелких княжеских слуг – рядовичей (ст. 25). Рядовичи – полузависимая категория. С.В. Юшков видит в рядовиче хозяйственного агента князя, Б.Д. Греков – феодально-зависимого человека.

Правда охраняет повышенным штрафом жизнь близких князю лиц – кормилицу и кормиличича (ст. 27). На низшей ступни лестницы штрафов стоят холоп и смерд (ст. 26). По всей видимости, здесь смерд – зависимый от феодала крестьянин (наказание за убийство свободных общинников определялось ст. 1). Точки зрения на смерда как на феодально-зависимого крестьянина придерживался С.В. Юшков. Ряд авторов видят в смерде собирательное название всех крестьян, включая как свободных общинников, так и феодально-зависимых (Б.Д. Греков). Существует также точка зрения на смердов как на свободных общинников.

28. А за княжеского коня с пятном взыскивается 3 гривны, а за коня смерда 2 гривны; за кобылу платить 60 резан, за вола гривну, за корову 10 резан, за трехлетку 15 кун, за годовалую скотину полгривны, за теленка 5 резан, за ягненка и барана по ногате.

Статья устанавливает штрафы за похищение или истребление княжеского скота. Здесь же упоминается и о коне смерда. Вряд ли разница штрафов за коней князя и смерда вызвана только различным их использованием: княжеский – военный, смердий – пахотный. Скорее всего закон ставит княжеское имущество под большую охрану по сравнению с имуществом смерда. Однако сама постановка вопроса о коне смерда в статье, где речь идет об имуществе князя, свидетельствует, во-первых, о наличии собственного хозяйства смерда, в хорошем состоянии которого заинтересован и князь, и, во-вторых, о роли коней смердов в ополчении.

29. А если уведут чужого раба или рабыню, то платить 12 гривен штрафа.

Статья устанавливает размер штрафа за увод, похищение чужого раба или рабыни. И размер этого штрафа значительно превышает размер штрафа за убийство холопа.

30. Если придет муж в крови или в синяках, то ему не надо искать свидетеля (послуха).

Правда Ярославичей говорит в первых своих статьях о наказании за убийство слуг князя, а затем за похищение имущества с княжеского двора.

Статья о кровавом муже вклинивается как раз в статьи о похищении имущества. Замена видока на послуха в смысле очевидца говорит о позднейшем времени появления статьи.

31. А если украдут коня или вола или будет кража из клети, то вор платит 3 гривны и 30 резан, если он был один; если воров было 10, то каждый из них платит 3 гривны и 30 резан.

Статья говорит о наказании в случае совершения преступления несколькими лицами. Русская Правда, таким образом, знает уже институт соучастия.

32. Если сожгут княжескую борть или выкрадут пчел, то платить 3 гривны.

Имущество князя подлежит охране и в лесу**:** за уничтожение или повреждение борти платится штраф.

33. За самовольное истязание смерда, без княжеского повеления, платить 3 гривны штрафа. За истязание огнищанина, тиуна или мечника платить 12 гривен.

Статья косвенным образом указывает на существование наряду с княжеским судом суда общинного. Она содержит санкции за физическое насилие в отношении смерда, огнищанина, тиуна или мечника без разрешения князя. Перечисленные в статье лица подлежат суду князя: только он может судить своих дружинников и слуг.

Рассмотрение С.В. Юшковым данной статьи в связи с анализом статей о преступлениях против телесной неприкосновенности представляется необоснованным, так как в данном случае объектом посягательства является не столько телесная неприкосновенность людей князя, сколько княжеский суд.

34. А если распашут полевую межу или срубят межевой столб, то платить 12 гривен штрафа.

Статья устанавливает высокий штраф за порчу межевых знаков. Речь идет об охране землевладения.

35. А кто украдет ладью, платит хозяину 30 резан за ладью и 60 резан штрафа князю.

36. А за голубя и курицу 9 кун. А за утку, гуся, журавля или лебедя платить 30 резан хозяину и 60 резан штрафа князю.

37. А если украдут чужого пса, ястреба или сокола, то платить 3 гривны штрафа.

Статьи носят казуистический характер, перечисляют штрафы за кражу имущества. Интересно появление здесь термина продажа. В предыдущих статьях встречалось лишь взыскание за обиду. Оно толковалось исследователями Русской Правды или как штраф в пользу князя, или как вознаграждение потерпевшему. Появление продажи характеризует дальнейшее развитие правовой мысли: закон устанавливает штраф, взыскиваемый в пользу князя в качестве государственного органа, штраф, идущий в казну. Помимо продажи устанавливается взыскание (за обиду) в пользу потерпевшего.

38. Если убьют вора на своем дворе или у клети, или у хлева, то за это не отвечают как за убийство, если же вора держали до рассвета, то привести его на княжеский двор на суд. Но если вора убьют, а люди видели его связанным, то надо платить за него.

Здесь подтверждается правило, установленное обычаем – право убить вора на месте преступления. Закон, однако, ограничивает это право: убивать можно только ночью и нельзя убивать связанного вора. Статья имеет целью укрепить княжескую юрисдикцию, ограничивая самочинную расправу.

39. Если украдут сено, то платить 9 кун, за дрова также 9 кун.

Статья устанавливает штраф за кражу сена или дров. Преступление состояло именно в краже уже готового продукта, а не в недозволенном сенокошении или рубке леса, как считает А.А. Зимин. Сенокошение и рубка леса не представляли опасности во времена Древней Руси: леса и травы было достаточно.

40. Если украдут овцу, козу или свинью и при том было 10 воров, то хотя бы они одну овцу украли, пусть каждый уплатит по 60 резан штрафа. А тому, кто их поймал, уплатить 10 резан.

Статья аналогично ст. 31 рассматривает случай, когда кража совершена несколькими преступниками. Наказанию подвергается каждый из соучастников. Статья устанавливает также таксу вознаграждения за поимку воров.

41. А кто привел вора, получает 10 резан. При штрафе в 3 гривны сверх того мечнику платить 15 кун, за десятину – 15 кун, а князю – 3 гривны. При штрафе в 12 гривен, тот, кто привел виновного, получает с него 70 кун, а в десятину платить 2 гривны, а князю 10 гривен.

Статьей определяется размер вознаграждения за выполнение дружинниками князя судебных функций; кроме того, указан размер отчислений в пользу церкви. Хотя эти отчисления и носят название десятины, фактически они составляют 1/5 от суммы, положенной князю, и 1/6 от размера поступления в целом. В Русской Правде нет четкого деления слуг князя, выполнявших судебные функции: это и емец, и мечник, и отрок. Важно, что размер вознаграждения за выполнение этих функций оставался постоянным – 2 гривны 20 кун (или 70 кун) с 12 гривен и 1/6 часть от более мелких штрафов. Обращает на себя внимание казуистичность изложения статьи: размеры отчислений определяются не в долях, а применительно к конкретному случаю.

42. А вот устав для сбора вир: вирнику взять на неделю 7 ведер солоду, кроме того, барана или полтуши мяса, или деньгами 2 ногаты, а в среду резану и три сыра, в пятницу столько же; хлеба и пшена сколько смогут съесть, а в скоромные дни давать по 2 курицы на день. Пусть поставит 4 коней, и давать им корма сколько смогут съесть. А вирнику взять 16 гривен, 10 резан и 12 вевериц (мелких денежных единиц), и при въезде в округ гривну. Во время поста дать ему рыбу или 7 резан. Все это составит 15 кун в неделю, а хлеба давать сколько смогут съесть, пока вирники соберут виры. Таков Устав Ярослава.

Покон вирный представляет собой третью составную часть Краткой Правды. Покон определяет порядок кормления княжеского слуги – вирника. Время происхождения Покона датируют по-разному: временем княжения Ярослава или после его смерти.

43. А такова плата мостникам: когда построят мост, то пусть возьмут по окончании своей работы ногату и от каждого устоя моста по ногате, столько же при починке ветхого моста, хотя бы несколькими досками.

Урок мостников непосредственно продолжает и завершает статьи Краткой Правды о порядке оплаты княжеских слуг. Место возникновения Урока исследователи определяют по-разному.

ПРАВДА РУССКАЯ ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ (По Троицкому I списку)

1. Если свободный человек убьет свободного, то мстит за убитого брат, или отец, или сын, или двоюродный брат, или племянник от брата. Если же некому будет мстить, то взыскивать за убитого 80 гривен, когда это будет княжий муж (боярин) или княжий тиун (приказчик). Если же убитый будет русин, или княжий воин (гридь), или купец, или боярский тиун (приказчик), или мечник, или изгой, или словенин, то взыскивать за убийство 40 гривен.

Статья повторяет нормы ст.1 Краткой Правды в измененном виде, отражающем значительное социальное расслоение древнерусского общества и введение наряду с 40-гривенной вирой за убийство двойной – 80-гривенной ставки, которой охраняется жизнь управителей княжеского феодального хозяйства и приближенных князя. Это соответствует нормам ст.ст. 19, 22-23 Краткой Правды.

Новым и знаменательным для того времени в социальной области является также охрана 40-гривенной вирой жизни тиуна боярского, выполнявшего в возникавшей в то время боярской вотчине функции управителя.

Среди близких родственников, обязанных прежде мстить за убитого, в Пространной Правде названы сыновья брата вместо сыновей сестры в Краткой Правде. Эта замена устраняет из текста Правды наиболее архаичный ее элемент, восходящий к эпохе материнского рода.

Статья содержит норму, по существу уже не действующую, так как кровная месть была отменена еще до создания Пространной Правды.

2. Но после Ярослава собрались сыновья его: Изяслав, Святослав и Всеволод, с боярами своими Коснячком, Перенегом и Никифором и отменили кровную месть за убийство, установив выкуп деньгами; во всем же прочем как судил Ярослав, так решили судить и сыновья его.

Статья содержит историко-юридический экскурс во времена вскоре после смерти Ярослава, когда Ярославичи, вместе со своими боярами отправились на съезд, отменили кровную месть, установив замену ее денеж-

ной вирой во всех случаях, а не только при отсутствии законных мстителей.

Реформа, заменявшая кровную месть денежным выкупом, проведенная Ярославичами, не первая. Повесть временных лет под 996 г. сообщает о попытке введения Владимиром Святославичем смертной казни для разбойников. Попытка эта оказалась неудачной, и после нее последовала новая реформа, отменившая смертную казнь и восстановившая традиционную форму наказания – денежный штраф в пользу государственной власти. Реформа Ярославичей, продолжая эту линию развития права, стремится полностью заменить такими же штрафами и все другие сферы применения кровной мести.

3. Если кто убьет княжего мужа в разбое, и люди убийцы не ищут, то виру в 80 гривен платит та община, где найден труп. Если же будет убит простой человек, то община платит 40 гривен.

Этой статьей начинается первый тематический раздел (ст.ст. 3-8) об ответственности за убийство на территории верви. Статья устанавливает порядок взыскания виры **за убийство в разбое представителя княжеской администрации и рядового жителя** в том случае, если вервь отказывается искать преступника в своей среде. Виру при этом платит вервь, на территории которой найден труп. Размер виры соответствует ставкам ст. 1. Статья систематизирует нормы Краткой Правды, опуская дублирующие нормы и, вероятно, те, которые не соответствовали новым условиям (убийство за обиду – в ст. 19, убийство у клети – в ст. 21). Вместе с тем в этих статьях Пространной Правды унифицируются обозначения юридических понятий, столь различных в Краткой Правде и в архаичной ст. 1 Пространной Правды: представители княжеской администрации (огнищанин, тиун, подъездной, старый конюх и др.) относятся к одной группе княжих мужей; убийца называется головником.

Существует мнение, что убийство в разбое не отличается по социальной опасности от убийства в сваде. Однако имеется и иная концепция, исходящая из того, что ст. 7 Пространной Правды устанавливает за убийство в разбое не виру, а высшую меру наказания – поток и разграбление. Вира в ст. 3 предусмотрена потому, что здесь некого подвергать потоку и разграблению, так как преступник неизвестен.

4. Если какая община начнет платить дикую (повальную) виру, когда нет налицо убийцы, то пусть уплатит ее во сколько лет может.

Статья устанавливает порядок выплаты вервью дикой виры. Дикая вира (возможно, от слова дикий – чужой, то есть вира за чужую вину) –

штраф, который платят вообще члены верви за убийство, происшедшее на ее территории, когда убийца неизвестен или вервь не хочет его выдавать. В статье записано, что вервь имеет право платить дикую виру в рассрочку. Размер виры – 40 и 80 гривен кун – очень значительные суммы, равные стоимости стада из 50 и 100 коров, которые составляли, вероятно, немалую часть собственности, принадлежавшей членам общины в целом. За вервью остается право распределения этих сумм между ее членами, что предполагает существование авторитетной общинной администрации, представляющей вервь и в общении с государственной властью.

5. Если же убийца из той же общины и находится налицо, то община или помогает ему, так как и он приплачивал за других по общественной раскладке, или же платит дикую (повальную) виру в 40 гривен, сообща, а вознаграждение потерпевшим платит сам убийца, внося в виру только свою долю по раскладке.

Данная статья – одна из наиболее сложных для понимания. Она предполагает другой случай уплаты виры вервью, - когда убийца – член общины и, как таковой, участвует в денежной складчине для общих выплат от имени общины. Тогда община помогает преступнику в выплате виры в 40 гривен или, так же как в ст. 4, сама платит за него (дикую виру). Кроме виры преступник – член общины – сам платит еще головничество, а что касается 40 гривен, то преступник участвует в их выплате вместе со всем коллективом.

Головничество не встречается в других источниках; исследователи вслед за М.Ф. Владимирским-Будановым считают, что этот термин обозначает вознаграждение родственникам убитого и значит то же, что плата за голову. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, А.И. Соболевского, Е.Н. Щепкина, размер головничества не фиксирован, но Б.А. Романов и А.А. Зимин считают, что он также равен размеру виры. Однако по ст. 10 Пространной Правды плата за голову установлена только в 3 гривны, по ст. 27 той же Правды возмещение пострадавшему в результате увечья составляло половину штрафа в пользу княжеской власти.

6. Но за убийцу, вкладывавшего в вирные платежи общины за других, община платит по раскладке только тогда, когда он совершил убийство в ссоре или на пиру.

Статья ограничивает убийство, совершенное в общественном месте, на глазах у присутствующих, от убийства в разбое, очевидно, в корыстных целях. Оно расценивается как менее тяжкое преступление и наказывается выплатой виры с участием членов общины, как об этом говорит ст. 5.

В.И. Сергеевич обратил здесь внимание на выделение обстоятельств, облегчающих и отягощающих вину за убийство. Он отмечал, что в основе этого различия лежат внешние признаки, которые не соответствуют признакам наличия злой воли (что является характерным для римского права). Действительно, Правда вводит свой принцип степени ответственности, основанный не на понимании умышленного и неумышленного убийства, а на том, было ли это убийство совершено открыто, в честной ли схватке, во время ли ссоры на пиру, когда требования к поведению его участников были несколько снижены, или тайно при совершении злого дела.

7. Кто же убил во время грабежа без всякой ссоры, то за разбойника община не платит виры, но выдает его князю с женою и детьми: пусть князь самого с семьей сошлет (поточит), а имение его конфискует.

Убийство в разбое является особо тяжелым. Преступник не имеет права рассчитывать на помощь в выплате виры со стороны общины и выдается вместе с семьей на поток и разграбление. Поток (от слова поточити – заставить бежать) – изгнание, позднее, вероятно, то же, что заточение (содержание под стражей, лишение свободы), при указании места – ссылка. Разграбление – не только конфискация имущества, но и превращение в холопов жены и детей преступника.

8. Если кто не вкладывается в платеж дикой виры за других, тому и община не помогает в уплате виры за него самого, и он сам ее платит.

Статья дает существенное дополнение к нормам ответственности общины за преступление ее члена. Эта ответственность не является абсолютной даже в случаях, когда преступник не изымался из общины и не лишался государственной властью права на ее помощь. Община платила дикую виру только за того своего члена, который вкладывался в ее сбор, нес определенные финансовые тяготы вместе с другими ее членами. Эта норма предполагает существование на территории общины людей, которые были ее членами, но не участвовали в сборах на дикую виру и платили за свои преступления самостоятельно, без ее помощи.

9. А вот пошлины вирные, какие были при Ярославе. Сборщику виры брать 7 ведер солоду на неделю, сверх того барана или полоть мяса, либо деньгами 2 ногаты (5 кун) в среду – куну, да кроме того – сыр; то же в пятницу, а (в скоромные дни) по две курицы на день; а хлебов на неделю семь, до 7 мер пшена, столько же гороху, 8 головок соли; все это идет

сборщику виры с помощником. Лошадей при них – четыре; им давать овса сколько съедят. Сверх того сборщику виры – 8 гривен да 10 кун перекладного; а метельнику (приставу) – 12 векош, да гривну съсадного.

Статья содержит указание на традиционные размеры натурального обеспечения общиной государственных чиновников, собиравших виры. В статье определен размер доли, которая поступает с каждой виры в 40 гривен вирнику (1/5, кроме перекладной и съсадной гривны) и метельнику.

Вирник – княжеский чиновник, приезжавший в общину для получения виры. Приезжал он вместе со своим помощником – отроком.

Съсадная гривна, по предположению П. Мрочека-Дроздовского, - пошлина, взимаемая чиновником при служебном въезде на территорию общины и сходе с коня (позднейшее въезжее).

Перекладная гривна, по предположению Н.М. Карамзина, - пошлина, которую получал вирник за то, что, объезжая волость, перекладывался с воза на воз.

Метельник – не княжеский чиновник, а скорее представитель местной общины, участвующий в сборе вир как понятой или счетчик. За работу он получал 4 куны, то есть менее чем 10 % об общего вознаграждения вирнику.

Соотношение денежных единиц в Пространной Правде: 1 гривна кун = 20 ногат = 50 кун (резан) = 150 векш.

10. Если вира будет в 80 гривен, то сборщику виры 16 гривен и 10 кун (перекладного) да 12 векош (приставу), а наперед съсадная гривна, да за голову (мертвое тело) – 3 гривны.

Статья содержит расчет доли, причитающейся вирнику с каждой полученной виры в 80 гривен, то есть за убийство высокопоставленного княжеского чиновника. Эта доля здесь также равна 1/5 виры, не считая съсадной гривны. Кроме того, статья устанавливает размер платы за голову родственникам убитого в 3 гривны.

11. За убийство княжеского отрока, конюха или повара брать 40 гривен.

Статья начинает раздел, устанавливающий ставки штрафов за убийство представителей различных социальных групп, связанных с княжеским (и отчасти боярским) хозяйством, начиная от высокопоставленных тиунов и кончая рядовичем, смердом и холопом.

Статья направлена **на защиту жизни княжеских отроков**, предусматривая виру в 40 гривен. Это новая статья, свидетельствующая о диф-

ференциации княжеской дружины и выделении особой группы, принадлежащей к младшей дружине.

12. За княжеского приказчика (огнищного тиуна) или конюшего 80 гривен.

В какой степени можно отождествлять огнищанина с огнищным тиуном (как это делает А.А. Зимин) неясно. Стремление к унификации в социальной терминологии представителей различных групп княжих людей в ст.ст. 12-13 очевидно, но огнищане известны в XII-XIII вв. по летописям не как управители княжеского хозяйства, а как бояре, вместе с гридью и наиболее богатыми и влиятельными купцами, представлявшие высшие круги Новгорода.

Конюший тиун ведал княжескими конюшнями; с развитием придворной титулатуры конюший к XVI в. занял первое место среди других чинов.

13. За княжеского приказчика сельского или земледельческого 12 гривен.

За убийство низших представителей вотчинной администрации, **распорядителей работ на пашне** нужно платить 12 гривен. Сельский тиун, заменивший теперь княжеского сельского старосту, распоряжался работой живших в княжеском селе крестьян или холопов; ратайный тиун, упоминаемый вместо ратайного старосты, мог руководить сельскохозяйственными работами на господском поле.

14. За княжеского рядовича 5 гривен, столько же и за боярского рядовича.

Статья устанавливает 5 гривен в качестве возмещения **за жизнь рядовича**. Под рядовичем в Пространной Правде мог подразумеваться закуп.

Здесь же упоминается и слуга по договору, зависимый от боярина. Наличие боярского рядовича свидетельствует о развитии феодального землевладения в Древней Руси.

15. За ремесленника и ремесленницу брать 12 гривен.

Древнерусские ремесленники хорошо известны своими изделиями. Существовало не только мужское ремесло, но и женское (высококачест-

венное шитье, вышивки, отдельные ювелирные изделия). Упоминаемые здесь ремесленник и ремесленница люди не свободные, принадлежат они князю или боярам. Возмещение за их убийство устанавливается в 12 гривен.

16. За смерда и за холопа – 5 гривен, за рабу – 6 гривен.

Смерд здесь, как и в ст. 26 Краткой Правды, не свободный лично член общины, защищенный вирой в 40 гривен, а зависимый труженик, за убийство которого платят урок 5 гривен, как и за холопа. По другой версии, в статье сообщается о смердном (пашенном) холопе, который превращается из раба в зависимого человека.

17. За дядьку так же, как и за кормилицу, - 12 гривен, будут ли они холопы или свободные.

Кормильцами могли быть как холопы, так и свободные. Статья устанавливает возмещение в 12 гривен за убийство кормилицы и кормильца. Кроме того, виновный платил продажу князю.

18. Если кого будут обвинять в убийстве, не имея прямых улик, тот должен представить семь свидетелей, чтобы отвести от себя обвинение; если же ответчик будет варяг или другой иноземец, то достаточно двух свидетелей.

Для отведения ложного обвинения в убийстве необходимо выставить не менее семи послухов, которые могут отвести это обвинение. Послухи здесь не свидетели преступления, которых при убийстве, очевидно, совсем не было, а свидетели доброй жизни обвиняемого. Для иностранцев, не имеющих широкого круга знающих их людей, число послухов может быть ограничено двумя. Семь послухов – скорее всего члены того же территориального коллектива (общины, улицы), к которому принадлежал и обвиняемый.

19. А община не платит виры тогда, когда найдут одни кости или труп человека, про которого никто не знает, кто он и как его звали.

Вервь не отвечает за убийство и не платит дикой виры, если на ее территории найдены лишь человеческие кости или труп человека, которого

никто не знает. Здесь косвенно вводится норма давности совершенного убийства, не подлежащего наказанию.

20. Если кто отведет от себя обвинение в убийстве, тот платит сметную гривну помощнику сборщика виры (отроку), обвинитель платит другую гривну, да 9 кун за обвинение в убийстве.

Статья по смыслу примыкает к ст. 18. Если обвиняемый докажет **безосновательность обвинения в убийстве**, то он не платит виры, но вносит лишь гривну кун – плату представителю княжеской власти – отроку за участие в суде и оправдании. Возможно, что оправданному помогает в этом община, внося 1/5 указанной гривны. Обвинитель в качестве наказания за ложное обвинение также платит отроку ту же сумму.

21. Если ответчик станет искать свидетелей и не найдет, а истец поддерживает обвинение в убийстве, тогда решать их дело посредством испытания железом.

Если обвиняемый в убийстве не может найти послухов, то дело решается путем испытания железом. Железо – одна из форм средневековых ордалий, определение виновности по степени ожога от раскаленного железа, которое должен взять в руки обвиняемый.

Позднее в XIII-XV вв. испытание железом будет заменено другим видом ордалий – полем, то есть открытой вооруженной схваткой, единоборством, победитель которой признается невиновным.

22. Точно так же и во всех делах о воровстве по подозрению, когда нет поличного, принуждать к испытанию железом, если иск не менее полугривны золота: если же он меньше, то до двух гривен подвергать испытанию водой, а при еще меньшей сумме принести присягу за свои деньги.

Статья определяет **пределы применения ордалий в уголовном процессе при отсутствии поличного**: **раскаленным железом** можно пользоваться при обвинении не только в убийстве, но и в краже значительных ценностей (стоимостью более половины гривны золота). При ценности украденного от двух гривен кун до половины гривны золота присуждается **вода**, для оправдания в более мелких кражах до двух гривен достаточно **присяги** (**роты**).

При испытании водой невиновным признавался тонущий.

Гривна золота приравнивалась в XII-XIII вв. примерно 10 гривнам серебра и 40 гривнам кун; в гривнах золота исчислялся ущерб, наносимый высшим слоям феодальной аристократии.

Кто должен был доказывать свою правоту в этих конфликтах: обвинитель или обвиняемый? Ордалиям подвергался обвиняемый; что касается роты, то на нее должен был идти скорее потерпевший, чем обвиняемый.

23. Если кто ударит мечом, не обнажив его, или рукоятью меча, то платит 12 гривен продажи за обиду.

Статья начинает **раздел об оскорблениях**. По возмещению ущерба оскорбление приравнивается к убийству холопа-специалиста. Продажа в Пространной Правде заменяет возмещение за обиду в Краткой Правде.

24. Если же обнажит меч, а не поранит, то платит гривну кун.

Обнажение меча без применения, **то есть угроза им**, также рассматривалось как оскорбление и наказывалось продажей в 1 гривну.

25. Если кто кого ударит палкой, или чашей, или рогом, или тупой стороной меча, то платит 12 гривен.

Удар подручным предметом расценивался как оскорбление, равно как и **удар ножнами меча**.

26. Если же обиженный, не стерпев, в отместку сам ударит мечом, то того в вину ему не ставить.

Ответ мечом на оскорбление действием не являлся преступлением и не подлежал наказанию. Вслед за А.А. Зиминым можно думать, что эта норма существовала и ранее XII в., но оказалась зафиксированной только в Пространной Правде. Ответ на вопрос, был ли удар мечом местью, как считал В.И. Сергеевич, зависит, вероятно, от того, заменялась ли ответным ударом ответственность обидчика перед государственной властью. Раз удар не заменял ее, значит он не признавался санкцией, каковой была прежде месть, и являлся лишь частной акцией, вызванной состоянием сильного возбуждения оскорбленного.

27. Если кто ранит руку, так что рука отпадет или усохнет, или также ногу, глаз или нос, за то платит полувирье – 20 гривен, а раненому за увечье – 10 гривен.

Статья входит в раздел о других преступлениях – кражах, членовредительстве, нанесении ранения. Статья отражает развитие права, объединяя различные виды членовредительства и устанавливая за них новую ставку штрафа – полувиры (полвиры в 40 гривен) и возмещение потерпевшему в 10 гривен.

28. Если кто отсечет у кого палец, платит 3 гривны продажи (штрафа в пользу князя), а раненому – гривну кун.

Упоминание меча в списках пушкинской и карамзинской групп указывает на действие этой нормы только в случае драки, а не в результате бытовой травмы.

29. Если на (княжеский) двор придет человек в крови или с синяками, то ему не нужно искать очевидцев, и виновный платит 3 гривны продажи; если же на истце не будет знаков, то он должен представить очевидцев, которые бы подтвердили его показание слово в слово; тогда зачинщику драки платить 60 кун истцу. Если же истец придет в крови, а явятся свидетели, которые покажут, что он сам начал драку, то сосчитать ему то за платеж, как с зачинщика, хотя его и побили.

В статье рассматривается тот же случай, что и в ст. 2 Краткой Правды, но дополнительно упоминается княжеский двор, бывший в XII в. местом судебного разбирательства; прежнее наказание за избиение – месть – заменяется продажей.

Статья фиксирует новую норму, касающуюся зачинщика драки, независимо от того, кто в ней больше пострадал: по свидетельству послухов виновный наказывается продажей в 60 кун. Таким образом, в статье устанавливаются две продажи – одну (3 гривны) платит тот, кто избил, вторую (60 кун или 1 гривну) – тот, кто начал драку.

30. Если кто ударит кого мечом, но не убьет до смерти, платит 3 гривны, а раненому – гривну за рану, да еще за леченье; если же убьет до смерти, то платит виру.

Удар мечом рассматривается не как оскорбление, **а как причинение телесного повреждения** и наказывается поэтому не высокой, а низкой продажей.

31. Если кто толкнет другого от себя или рванет его к себе, или по лицу ударит, или жердью, а двое очевидцев то покажут, - платит 3 гривны продажи; если же обвиняемый будет варяг или колбяг, то должно вывести полное число очевидцев, которые должны принести присягу.

Статья расширяет состав преступления. **Удар жердью**, судя по санкции, рассматривается теперь не как оскорбление**, а как нанесение побоев**. Новая систематизация побоев в статье свидетельствует о сужении числа оскорбительных действий за счет отнесения некоторых из них к числу наносящих только физический ущерб. Правонарушение, предусмотренное статьей, близко к случаю в ст. 29, когда следов физического воздействия на пострадавшем нет и для установления вины обидчика необходимы двое свидетелей (а не один). Иностранцы также обязаны представить двух свидетелей, которые приносят присягу в верности своих слов.

32. Если скроется холоп, и господин заявит о нем на торгу, и до третьего дня никто не приведет холопа, а господин на третий день опознает его, то может взять своего холопа, а кто укрывал его, тот должен платить 3 гривны продажи.

Челядин, убежавший от своего господина и скрывшийся в чужом доме, должен быть выдан ему в течение первых двух дней; если же его не выдадут в эти дни, то будучи опознан, все равно возвращается к хозяину, но его укрыватель наказывается продажей в 3 гривны. Здесь норма отнесена ко всем домохозяевам, а не только к варягам и колбягам. Кроме того, введено указание на форму информации о бежавшем – публичное извещение на городской торговой площади, вероятно, с указанием отличительных особенностей пропавшего.

33. Если кто сядет на чужого коня без спросу, платит 3 гривны.

Использование коня, принадлежавшего другому лицу, без его разрешения, не является похищением и наказывается только низкой продажей.

34. Если у кого пропадет конь, оружие или одежда и он заявит о том на торгу, а после опознает пропавшее у кого-нибудь в своей же городской общине, то взять свою вещь, а тому платить хозяину пропавшей вещи за ее укрывательство 3 гривны.

Статья примыкает по содержанию к ст. 32. Собственник утраченного коня или вещи (оружия, одежды) **должен публично объявить о пропаже**, после чего, если он обнаружит ее в чужом владении, то имеет право получить обратно. Закон предусматривает уплату в этом случае 3 гривен за обиду. А.А. Зимин считает эти 3 гривны продажей. Однако, по буквальному смыслу слов, названная сумма является возмещением ущерба потерпевшему.

Норма статьи имела действие на территории города, где произошла утрата вещи.

35. Если кто, без явки на торгу, отыщет что-либо пропавшее или украденное – коня, одежду или скотину, - то нельзя сказать: «это мое», надо заявить ответчику: «иди на свод и объяви, у кого взял». Кто не оправдается, на того и падет ответственность за воровство; тогда истец возьмет свое, а виновный ему платит и за то, что тот потерпел вследствие пропажи. Если это будет конокрад, выдать его князю; пусть князь сошлет (поточит; другие переводят – продаст в рабство на чужбину). За воровство же чего-либо из клети платить вору 3 гривны продажи (штрафа в пользу князя).

Статья открывает раздел о своде – розыске виновника похищения или присвоения домашнего животного или вещи. Эта процедура начинается при опознании собственником своей вещи и преследует цель найти лицо, которое украло или присвоило вещь, а затем, возможно, передало ее другим лицам.

При краже коня виновный подлежал высшей мере наказания – потоку и разграблению. При краже другого имущества устанавливается продажа. Виновный в похищении должен также выплатить потерпевшему стоимость других вещей, украденных вместе с главной вещью.

36. Если при ссылках на своде ответчиками будут являться члены одной с истцом городской общины, то истец ведет дело сам до конца. Если же будут ссылаться на членов какой-либо внегородской общины, то истец ведет дело только до третьего лица. И третий ответчик, заплатив истцу деньги за его вещь, с этой вещью ведет дело до конца. А истец ждет окончания дела. Установленный похититель все платит: и убытки истца, и убытки третьего ответчика, и продажу князю.

Статья предусматривает **различный порядок розыска вора внутри города** и в том случае**, если похищенная вещь обнаружена вне его**. **Свод в городе** не ограничен числом лиц, владевших украденной вещью, и его ведут до конца; **свод вне городских стен** истец ведет только до третье-

го владельца, который и берет на себя дальнейший розыск. Для того чтобы побудить его к продолжению свода и отысканию преступника, с этого третьего владельца взыскивается стоимость украденной вещи, но при установлении им подлинного похитителя с последнего взыскивается и стоимость лица (украденной вещи) в пользу уплатившего за него временного владельца, и прок – стоимость других похищенных вещей, и конечно, продажа.

37. Кто купит на рынке что-нибудь краденое: коня, одежду или скотину, тот должен представить в качестве свидетелей двух свободных людей или торговых пошлин сборщика (мытника); если при этом окажется, что он не знает, у кого купил вещь, то свидетелям идти за него к присяге, а истцу взять свою вещь. Ответчик теряет свою вещь и деньги, потому что он не знает, у кого купил вещь. А когда узнает у кого купил вещь, то взыщет свои деньги с этого продавца, который заплатит и хозяину вещи, и князю продажу.

Статья рассматривает, вероятно, типичный в условиях феодального города **случай свода**, когда владелец краденой вещи купил ее на торгу, и это подтверждается свидетелями – двумя свободными горожанами или мытником – чиновником, собиравшим торговые пошлины и следившим за правильностью торговли. **Если продавец вещи неизвестен**, то свод прекращается, пострадавший от кражи получает найденную вещь и претендовать на возмещение за другие украденные вещи он уже не может. Владелец краденого, отдав вещь ее собственнику, не получает никакого возмещения. Если же незадачливый покупатель находил затем продавца краденого, он мог вновь возбудить против него дело, и тот должен был выплатить этому покупателю стоимость изъятой у него вещи и продажу.

38. Кто опознает своего украденного холопа и задержит его, тому вести этого холопа до третьей очной ставки покупщика с продавцом; у третьего ответчика взять его холопа, а ему дать украденного – пусть идет с ним до конца, ибо холоп не скотина, про него нельзя сказать: «не знаю, у кого купил», но по его указаниям нужно идти до последнего ответчика, - и когда будет найден настоящий вор, краденого холопа возвратить его хозяину, третьему ответчику взять своего холопа, а убытки ему платит уличенный в краже. А князю платить 12 гривен продажи за кражу холопа.

Статья посвящена **особенностям свода, если похищенным является челядин**, который, конечно, знает, кто его украл у господина.

Если украденный челядин был перепродан более трех раз, розыск вора передается от его господина этому третьему владельцу, который получает для дальнейших поисков украденного челядина, но взамен отдает господину своего челядина. При обнаружении вора оба челядина возвращаются их господам, а вор возмещает протор – убытки, понесенные потерпевшим в результате отсутствия у него челядина (полгривны в год), и платит штраф в 12 гривен.

39. Если краденая вещь была приобретена у человека, приехавшего из других мест, то ответчик должен представить свидетелей либо торговых пошлин сборщика (мытника), при которых он купил краденую вещь; тогда истец берет свою вещь; а со всем прочим, что потерял, он должен проститься. А ответчик теряет заплаченные за вещь деньги.

Статья ограничивает процедуру свода территорией своей земли.

Если краденая вещь была приобретена у человека, приехавшего из других мест, и это подтвердят присягой свидетели, то покупатель несет гражданскую ответственность: он утрачивает купленную вещь или деньги, полученные за ее перепродажу. Собственник же вещи не получает возмещения за другие ценности, пропавшие вместе с вещью.

40. О татьбе. Если вора убьют у клети или во время какого воровства, за это его не судить как бы за убийство пса; если же вора держат живым до рассвета, то надо отвести его на княжеский двор. Если же вора убьют, а свидетели видели его связанным, то платить за то 12 гривен продажи.

Статья повторяет норму ст. 38 Краткой Правды. Вор, забравшийся ночью в дом, может быть убит на месте преступления. Если же его удалось связать, то он подлежит уголовной ответственности в обычном порядке; убийство связанного вора подлежало наказанию.

41. Если кто крадет скот из хлева или что-либо из клети, с того вора, если он один крал, взыскивать продажи 3 гривны и 30 кун. Если же крали вместе несколько воров, с каждого взыскивать по 3 гривны и 30 кун.

Больший штраф взыскивался за кражу из закрытого помещения – скота из хлева, продуктов сельского хозяйства и ремесла из клети. Это новая норма, которая свидетельствует об усилении охраны частной собственности в Древней Руси.

В статье предусмотрено соучастие в хищении, при котором каждый из воров несет равную ответственность.

42. Если скот, овцы ли, козы ли, или свиньи были украдены на поле, платить 60 кун продажи (штрафа в пользу князя); если воров было много, с каждого взыскать по 60 кун.

Кража скота на поле, то есть имущества, не охраняемого специально, карается продажей более низкой, чем за кражу из закрытого помещения.

43. Если крадут хлеб с гумна или из ямы, сколько бы ни было воров, взыскать с каждого по 3 гривны и 30 кун продажи.

Кража снопов или зерна из закрытого помещения также наказывается высоким штрафом.

44. Если краденое окажется налицо, то потерпевший возьмет свое да взыщет еще с каждого вора по полугривне за лето.

Украденное, если оно имеется в наличии (у вора или других руках) должно быть возвращено собственнику. Кроме того, он получает с вора возмещение ущерба в том случае, если кража произошла более года назад и, следовательно, незаконный владелец пользовался вещью в течение этого времени. Размер возмещения – полгривны (25 кун) за год пользования.

45. Если же украденного налицо не будет, а украден был княжеский конь, то платить за него три гривны, а за кражу смердьего коня две гривны. А вот урочная плата за покражу скота: за кобылу 60 кун, за вола гривну, за корову 40 кун, за трехлетку (кобылу или корову) 30 кун, за двухлетку полгривны, за теленка 5 кун, за свинью 5 кун, за поросенка ногату, за овцу 5 кун, за барана ногату, за жеребца неезжанного 1 гривну кун, за жеребенка 6 ногат, за коровье молоко 6 ногат. Вот урочные цены, которые взыскиваются в пользу потерпевших за украденный скот вместо поличного, когда воры будут простые свободные люди, которые платят князю продажу.

Если краденого в наличии нет, но вор известен, он должен возместить собственнику стоимость краденого, причем за княжеского коня в полтора раза больше, чем за коня другого собственника. Вторая часть статьи указывает размеры возмещения (уроки) за другие виды домашнего скота.

Оно взыскивается в том случае, если воры – смерды. Смерды платят продажу, чего не имели права делать холопы.

За коровье молоко – возможно, как предполагал В.Г. Гейман, возмещение за кражу удоя у пасущейся коровы. Ущерб в 6 ногат, равный цене трех овец, однако, определен слишком высоко. А.А. Зимин считает эти 6 ногат платой за пользование молоком коровы собственника.

46. Если же воры будут холопы княжеские, боярские или монастырские, которых князь не карает продажей, потому что они не свободные люди, то за холопью кражу платить двойные урочные цены в вознаграждение за убытки.

В статье говорится об ответственности за кражу, совершенную холопами, которые не платят продажи, так как они не свободны. Эта ответственность лежит на их господах, которые возмещают потерпевшему двойную стоимость украденного. Такая норма предполагает, с одной стороны, значительно большие финансовые возможности владельца холопа – князя, боярина или монастыря, чем вора – обнищавшего крестьянина или горожанина; с другой – упоминание обиды может свидетельствовать о сохранении архаичной нормы, согласно которой ущерб, нанесенный холопом, более оскорбителен, то есть более тяжел, чем вызванный действием свободного человека. Можно предполагать, что в случае, если украденное обнаружено, пострадавшему оно возвращалось, и еще платилась его стоимость за обиду.

47. Если заимодавец потребует уплаты долга, а должник начнет отпираться, то заимодавец обязан представить свидетелей, которые пойдут к присяге, и тогда он получит свои деньги. Если должник не отдавал ему долг много лет, то платить ему еще 3 гривны в вознаграждение за убытки.

Статья начинает раздел, посвященный обязательственному праву.

Спор **по договору займа** решается с помощью послухов. В литературе принято их считать свидетелями заключения договора.

Длительное невозвращение долга рассматривается как преступление. Это установление отражает значительно более развитую систематизацию обязательственного права сравнительно с Краткой Правдой.

48. Если купец купцу даст деньги в оборот из барыша или на торговлю, то должнику не обязательно получать деньги при свидетелях; при-

сутствие свидетелей здесь не требуется, но заимодавец пусть сам идет к присяге, если должник станет запираться.

Купец пользуется особыми правами на получение и выдачу в долг денег на торговые операции: при отказе в их возврате представлять свидетелей займа ему не надо, но достаточно самому дать показание под присягой. По мнению Н. Рожкова, М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина, здесь говорится о купеческом товариществе на вере, торговли вскладчину.

49. Если кто передает кому-нибудь свое имущество на хранение, свидетель при этом не нужен; а если собственник начнет искать больше, чем сколько отдал, то принявший на сохранение должен идти к присяге, говоря: «ты мне столько и отдавал, не более»; ведь ответчик добро делал собственнику, что хранил его имущество.

Статья содержит положения **о договоре поклажи**, **хранения**, в котором, очевидно, участвуют купцы. Кладь может быть оставлена на хранение и без свидетелей. При обвинении в утайке части оставленного товара хранителю для оправдания достаточно принести присягу, поскольку договор безвозмезден, рассматривается как дружеская услуга.

50. Кто отдает деньги в рост, или мед в настав, или хлеб в присып, тому надлежит представить свидетелей; и как он при них договорился, так ему и брать проценты.

Статья регламентирует **договор займа с процентами**, хотя не ограничивает размера реза. Предписывается заключение этого договора в присутствии свидетелей. Ростовщичество было значительным социальным злом средневекового города, оно вело к закабалению неимущих горожан; в народных восстаниях в Древней Руси выступления против ростовщиков занимали большое место.

51. Месячный рост при краткосрочном займе брать заимодавцу по соглашению; если же долг не будет уплачен в течение целого года, то считать рост с него на два третий (50 %), а месячный рост отвергнуть.

Статья вставлена между ст. 50 и ст. 52 позднее.

Величина процентов по займу зависела от срока договора: больший срок предполагал более высокую ставку процента.

Месячный рез назначался при выплате долга в течение нескольких дней, или месяца. Размер его не указан; возможно, что эта ставка, предусмотренная ч. II ст. 53, то есть 10 кун на гривну – 20 %.

Более высокий процент – куны в треть (то есть 50 %) – платился, если срок займа достигал года. Должник, запоздавший с уплатой краткосрочного займа, также платил этот высокий процент, если он не отдал долг ранее года.

Закон не только защищает интересы ростовщика, но и поощряет длительные займы, приводящие к неуплате должником взятой суммы. По мнению И.И. Смирнова, эта статья свидетельствует о том, что уже Святополк был вынужден ограничить взимание месячного реза.

52. Если не будет свидетелей, а долг не превышает трех гривен кун, то заимодавец должен идти к присяге в своих деньгах; если долг больше трех гривен кун, то сказать заимодавцу: «сам виноват, если не ставил свидетелей, давая деньги».

Если не представлены свидетели займа, то при отказе ответчика от его уплаты заимодавец все же может получить свои деньги, если их сумма не превышает трех гривен. Для этого он должен принести присягу в том, что он эти деньги должнику дал. Если же заем был на большую сумму, заимодатель терял право на иск.

53. По смерти Святополка Владимир Всеволодович созвал в селе Берестове свою дружину-тысяцких Ратибора Киевского, Прокопья Белгородского, Станислава Переяславского, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича, боярина Олегова (князя черниковского Олега Святославича), - и на съезде постановили: кто занял деньги с условием платить рост на два третий, с того брать такой рост только два года, и после того искать лишь капитал; а кто брал такой рост три года, тому и не искать и самого капитала. Кто берет по 10 кун роста с гривны в год, то это не воспрещается.

Этой статьей начинается **устав князя Владимира Всеволодовича Мономаха**, составивший вторую часть Пространной редакции. Устав имеет четыре раздела: 1) Устав о резах и закупах (ст.ст. 53-66), как нововведения Мономаха; 2) дополнительные статьи – это статьи из постановлений Ярослава и княжеского устава, не вошедшие в первую часть Пространной Правды (ст.ст. 67-89); 3) раздел о наследстве (ст.ст. 90-109). В этот раздел вошли также отдельные «уроки» княжеским агентам (ст.ст. 96-97, 107-109); 4) Устав о холопах (ст.ст. 110-121).

Статья содержит изменения, внесенные законодательством Владимира Мономаха и представителей городских верхов Киева, Белгорода и Переяславля **в установления о резах**.

После смерти в 1113 г. киевского князя Святополка Изяславича, с которым исследователи связывают ст.ст. 47-52 Пространной Правды, принятые в интересах купцов и ростовщиков, в Киеве вспыхнуло народное восстание. Испугавшаяся киевская аристократия, не надеясь на авторитет его наследника – сына владимирского князя Ярослава, пригласила в Киев переяславского князя Владимира Мономаха. Владимир, который был известен как умный и опытный политик, способный противостоять своеволию феодалов и защитить интересы горожан, по мнению Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомирова и Л.В. Черепнина, перед тем, как официально въехать в город, принял на совещании в пригородной княжеской усадьбе Берестове ряд компромиссных решений, которые должны были погасить остроту народного восстания. В ст. 53 говорится об одном таком решении **– ограничении размеров процентов, взимаемых по долгосрочным займам**.

В отличие от предшествующего законодательства, в 1113 г. было установлено, что если ростовщик уже дважды получил с должника свои 50 % (то есть 100 % сумы долга), то он теряет право на дальнейшее получение процентов, но сохраняет его на получение данных в рост денег.

Если же ростовщик получил с должника свои 50 % уже трижды (то есть 150 % данных в долг денег), то должник объявляется свободным от долга. Как установлено в той же статье, изменения не касались займов под 20 %, то есть краткосрочных долгов.

К законодательству Владимира Мономаха, связанному с совещание в Берестове, А.А. Зимин и Л.В. Черепнин относят только ст. 53, считая, что следующие статьи (до 66) появились при нем позднее. М.Н. Тихомиров сомневается в том, что ст.ст. 54, 55 относятся к Уставу Владимира. И.И. Смирнов не разделяет этих сомнений. С.В. Юшков относит к законодательству Мономаха всю вторую часть Пространной Правды.

54. Если купец, взяв товары или деньги в кредит, потерпит кораблекрушение, или подвергнется пожару, или будет ограблен неприятелем, то нельзя сделать ему какое-либо насилие или продать его в рабство, но необходимо предоставить ему рассрочку платежа на несколько лет, потому что это несчастье от бога, а он не виноват в нем. Если же купец вверенный ему товар или пропьет, или проиграет, или истратит по глупости, то доверители поступают с ним, как им угодно: хотят – ждут, хотят – продадут в рабство, на то их воля.

Статья примыкает по содержанию к ст. ст. 48 и 49 и также говорит об особом юридическом положении купца и его денежных и товарных операциях, на которые не распространяется право получения кредита обычным горожанином. Банкротство, утрата купцом взятых в долг денег (и купленных на них товаров) не влечет за собой уголовной ответственности. Купец может восполнить утраченное и в рассрочку выплатить долг. Эта

льгота не распространяется на купца, утратившего капитал в результате пьянства и иных предосудительных действий. Судьба такого купца в этом случае зависит от кредиторов, которые могут или получить возмещение также в рассрочку или, по мнению большинства исследователей, потребовать возмещения ущерба путем продажи имущества и его самого в холопы.

55. Если кто будет многим должен, а купец, приехавший из другого города или из другой земли, не зная про то, поверит ему товар, - а тот будет не в состоянии и с ним расплатиться за товар, да и первые заимодавцы также станут требовать уплаты долгов, не давая взаймы для уплаты гостю, в таком случае вести должника на торг и продать, причем наперед выплатить долг пришельца, а остаток поделить между своими местными заимодавцами. Также, если он будет должен князю, то взыскать наперед деньги князя, а остальное в раздел. Но если кто взял уже много роста, тот лишается своего капитала.

Задолжавший многим купец, взявший для продажи товар у не знающего его положения приезжего купца и не могущий расплатиться с ним, подлежит той же ответственности, которая предусмотрена в предыдущей статье. Очередность возмещения долгов зависит от положения кредиторов: княжеские деньги отдаются в первую очередь, за ними – долги приезжего купца и затем местных купцов, которые делят между собой остаток.

Заимодавец, злоупотреблявший процентами и получивший уже в их форме большую часть долга, лишается права на возврат самого займа.

56. Если закуп убежит от своего господина, то становится полным холопом. Если же он отлучился явно или бежал к князю или к судьям, не стерпя обиды своего господина, то не обращать его в рабство, но дать ему суд.

Статья впервые упоминает закупа, начиная раздел о нем (ст.ст. 56-61). По мнению большинства советских исследователей, закуп отрабатывал или должен был выплатить полученную от господина купу – денежную сумму или материальные ценности, орудия производства, позволяющие ему вести хозяйство на основе соглашения между ним и господином. В правовом отношении закуп был близок к холопу, но в отличие от него сохранял элементы прав лично свободного человека. По ст. 56 бегство закупа приводит к превращению его в обельного (полного) холопа. Вместе с тем закуп может жаловаться на несоблюдение условий договора со сторо-

ны господина и имеет право открыто отлучаться в поисках денег для выплаты купы.

57. Если у господина живет земледельческий закуп, а погубит военного коня, то ему за то господину не платить. Но если господин, от которого он получает ссуду, даст ему плуг и борону, то за пропажу их он должен заплатить; но он не платит за хозяйскую вещь, им взятую, если она пропадет без него, когда господин пошлет его на другую работу.

Если у закупа во время работы погибнет конь, он не оплачивает его стоимость, но если он потеряет или сломает плуг и борону, которые находятся в его пользовании постоянно, он должен возместить их стоимость, чтобы получить новые. Если же они придут в негодность в отсутствие работника, посланного господином по другому делу, то закуп в этом не виноват и за них не платит.

По мнению Н.М. Максимейко, С.В. Юшкова, М.Н. Тихомирова, войский конь – это военный конь, принадлежащий господину, на котором закуп участвует в военных действиях в составе ополчения господина. Часть исследователей считает, что этот конь принадлежит закупу.

58. Закупу не платить за скотину, уведенную из хлева; но если он потеряет ее в поле, или не загонит на двор, или не затворит в хлеве, где ему велит господин, или же утратит ее за своим делом, то закупу во всех этих случаях платить.

Статья регламентирует ответственность закупа за утрату господского скота: в случае пропажи скота из хлева закуп ответственности не несет, но если скот был оставлен в поле, не введен во двор или помещение и не закрыт, закуп обязан возместить убытки. Так же отвечает закуп и за гибель коня, когда он использует его для работы на себя.

59. Если господин обидит закупа, отнимет у закупа данную ему ссуду или его собственное имущество, то по суду все это он обязан возвратить закупу, а за обиду заплатить 60 кун.

Господин не имеет права нарушить условия заключенного с закупом соглашения о размере предоставленных ему средств (купы) или земельного участка. В противном случае законодатель предписывает вернуть закупу положенное и наказывает виновного штрафом в 60 кун.

60. Если господин возьмет с закупа больше денег, чем полагалось, то ему следует возвратить назад взятые сверх положенного деньги и заплатить князю 3 гривны штрафа.

Статья (как и ст. 59) стремится ограничить произвол господина в расчетах с закупом: получив с закупа большую плату, чем обусловлено, господин обязан вернуть ему лишнее и наказывается продажей.

61. Если же он совсем продаст его, как своего полного холопа, то закуп свободен от всех долгов, а господин платит за обиду 12 гривен продажи.

Если господин распорядится закупом как холопом и продаст его, сделка не может быть признана действительной (и господин обязан, вероятно, вернуть покупателю деньги за него), закуп получает свободу, а господин наказывается, кроме того, высшей продажей. Правда ничего не говорит о возможности закупа выкупиться из своего зависимого положения.

62. Если господин бьет закупа за дело, он за то не отвечает; если же он бьет его пьяный, сам не зная за что, без вины, то должен платить за обиду закупа, как платят за оскорбление свободного.

Статья дополнительно характеризует социальное и юридическое положение закупа: он может быть побуждаем к работе побоями, безнаказанно для господина. Если же господин злоупотребляет этим своим правом, то закуп может обратиться в суд, который должен взыскать с господина **за самоуправство** продажу как за избиение свободного в 3 гривны. На практике злоупотребление господином своими правами было очень трудно доказать. Правда ничего не говорит об уголовном штрафе за убийство закупа. По предположению А.А. Зимина, он должен был защищаться вирой в 40 гривен.

63. Если полный холоп уведет чью-нибудь лошадь, то (господину) платить за то 2 гривны.

Возмещение **за кражу коня, совершенную полным холопом**, платит его господин.

64. Если закуп украдет что-нибудь на стороне, то господин отвечает за него. Но он может, когда найдут вора, заплатить за лошадь или

другое украденное им имущество и закупа взять себе в полное холопство, а может и продать его, если не хочет за него платить, и тогда он должен наперед заплатить за то, что взял наймит чужого, будет ли то лошадь, вол или какая-нибудь вещь. А что останется после уплаты, то взять себе.

Статья вновь возвращается к юридическому положению закупа. За закупа, уличенного в краже, отвечает его господин, а сам закуп превращается в полного холопа. Господин может оставить его как холопа у себя, но обязан выплатить стоимость украденного (очевидно, при отсутствии самой украденной вещи). Если же он не хочет платить за вора, то должен его продать и затем уплатить из выручки стоимость украденного, а остаток может взять себе. В статье ничего не говорится об уплате продажи за воровство, учиненное закупом.

65. Если холоп ударит свободного человека и скроется в доме, а господин не выдаст его, то он платит за холопа 12 гривен. А если после того потерпевший встретит где-нибудь холопа, который ударил его, то Ярослав определил было убивать его, но сыновья Ярослава, по смерти отца, определили на выбор: либо раздев, высечь виновного холопа, либо взять за бесчестье гривну кун.

Статья воспроизводит норму ст. 17 Краткой Правды, отражая изменения, внесенные в нее ко времени создания Пространной Правды. Господин мог предоставить холопу, ударившему свободного, убежище и уплатить уголовный штраф за это. Но потерпевший не лишался права расправиться с обидчиком в частном порядке. В статье предусматривается возможность выбора потерпевшим средств наказания виновного: избиение обидчика или денежное возмещение, взыскиваемое с его господина. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, 12 гривен были уголовным штрафом с господина холопа за соучастие в преступлении – укрывательстве преступника, а не штрафом за оскорбление. В.И. Сергеевич 12 гривен считал компенсацией потерпевшему за вину раба.

66. На свидетельство холопа (при судоговорении) ссылаться нельзя; но если нет свободного (человека), то по нужде можно сослаться на боярского тиуна, но ни на кого более. А в малом иске и по нужде можно сослаться на закупа.

Статья завершает раздел, который может быть связан с деятельностью Владимира Мономаха.

Свидетелем может выступать только свободный; показания холопа не принимаются в расчет; в случае отсутствия свободного свидетеля в качестве такового может выступать боярский тиун. Закуп тоже может быть свидетелем, но только по крайней необходимости и по небольшим спорам. Здесь **послушество** скорее свидетельство происшедшего события (например, начала драки или дачи денег в долг и пр.), а не характера жизни подозреваемого в преступлении.

67. Если кто вырвет у кого клок бороды, и знак останется, и очевидцы то подтвердят, то взыскать с обидчика 12 гривен штрафа (в пользу князя), но если очевидцев нет, по одному подозрению штрафа с ответчика не взыскивать.

Статья начинает новый раздел Пространной Правды (ст.ст. 67-89), посвященный уголовному и частично – процессуальному праву.

Повреждение бороды рассматривалось как **тяжелое оскорбление** и наказывалось высшей продажей. Здесь же регламентируется и процессуальная сторона дела: должны быть представлены вещественные доказательства (знамение) и свидетели преступления; без свидетелей обвинение расценивается в качестве ложного (поклеп) и штраф не присуждается.

68. Если кто у кого выбьет зуб, так что кровь будет видна во рту, а очевидцы подтвердят, то взыскать с обидчика 12 гривен штрафа (в пользу князя) да за выбитый зуб пострадавшему гривну.

Утрата зуба здесь рассматривается не столько как членовредительство, сколько **как результат оскорбления** – удара по лицу. С этим связан максимальный размер продажи, а за членовредительство установлено возмещение в размере одной гривны.

69. Если украдет кто бобра, то взыскивать 12 гривен.

70. Если земля будет разрыта, или останутся признаки ловли, или сеть, то общине или найти у себя вора, или платить штраф (продажу).

Статьи тесно связаны между собой, так как рассматривают разные стороны одного и того же состава преступления – **кражи бобра, совершенного членом общины**. Бобровые угодья были феодальной собственностью и, соответственно, охота на бобров – княжеской и боярской монополией. С этим связана высшая ставка продажи за ее нарушение.

Если на месте, где живут бобры, будут найдены следы разрушения норы или организации лова, то при отсутствии свидетелей преступления

ответственность несет крестьянская община, на территории которой совершена кража. Эта община должна сама найти вора и выдать его государственной власти или выплатить уголовный штраф по принципу дикой виры.

71. Если кто уничтожит бортные знаки, то платит 12 гривен.

Деревья в лесу с пчелиными бортями или, скорее, участки леса с такими деревьями отмечались знаками собственности. Уничтожение бортных знаков каралось высшей ставкой продажи.

72. Если кто срубит бортную межу или распашет межу полевую, или перегородит дворовую, то платит 12 гривен штрафа.

Тот же характер имеет нарушение других знаков собственности: участки леса с бортными деревьями ограничивались вырубленными на коре знаками, вокруг отдельных полей шли межи – нейтральные земельные полосы. Нарушение и уничтожение межей, как и установка забора, ограды, нарушающего границы дворового участка, также наказывались продажей.

73. Если кто срубит дуб со знаком или межевой, то платит 12 гривен штрафа (продажи).

Дубы – наиболее заметные и долговечные деревья, служили естественными ориентирами при установлении межи; на них наносились также знаки.

74. Размеры дополнительных при взыскании продажи расходов. А вот накладные расходы, которые полагаются при 12-гривеном штрафе в пользу князя: отроку брать 2 гривны и 20 кун, судье с отроком ехать на двух лошадях; на последних овса сколько могут съесть, а самим в пищу брать барана или полоть мяса, а из других кормов, сколько двое съедят; песцу давать 10 кун; перекладного 5 кун, да за мех 2 ногаты.

Статья устанавливает **размеры дополнительной платы княжеским судебным чиновникам** при взыскании ими продажи. Из продажи в 12 гривен судья получал 2 гривны 20 кун, то есть 1/5 часть как и при сборе вир. Кроме того, община, где происходил суд, обязана была обеспечить судью и его помощника-отрока мясом и другими продуктами по потребности, а их коней – овсом и выплатить перекладную пошлину. Как и при сбо-

ре вир, долей уголовных штрафов обеспечивался только сам судья, а отрок получал лишь довольствие.

75. Если срубят борть, платить три гривны штрафа, а за дерево хозяину полгривны.

76. Если выдерут пчел, то три гривны штрафа, а хозяину, буде мед еще не был вынут – 10 кун, буде же вынут – 5 кун.

За уничтожение борти (возможно, во время рубки леса) устанавливается уголовный штраф в 3 гривны. Кроме того, за дерево, на котором она находилась – полгривны. Разграбление борти наказывалось той же продажей, а размер возмещения собственнику зависел от того, взят ли был хозяином собранный пчелами мед или нет.

77. Если вор скроется, нужно искать его по следу. Если след приведет к селу или к какой-нибудь торговой стоянке, и если жители или хозяева не отведут от себя следа, или не пойдут на след, или станут отбиваться, то платить им за покраденное вместе с продажею за воровство. А след продолжают вести с чужими людьми и свидетелями. Если след приведет на большую торговую дорогу, или на пустырь, где нет ни села, ни людей, то не платить ни продажи, ни цены украденного.

Статья устанавливает ответственность членов общины за преступление (кражу), которое было совершено неизвестным лицом на ее территории. Вора нужно искать по его следу. Предполагается несколько случаев. Первый – след вора может привести к селу феодала или к купеческому обозу, или пастушескому стану, находящемуся на земле общины. Второй случай – члены общины определили по следу, что вор ушел за пределы их территории. Если они не будут выяснять, куда ведет след или откажутся это делать, они отвечают за кражу (платят и продажу, и возмещение ущерба потерпевшему). Если след выводит на большую дорогу, где нет поселений, или к безлюдному месту, община не отвечает за кражу. В преследовании по следу участвуют чужие люди, не принадлежавшие к данной общине. Эта процедура отличалась от свода и была не известна Краткой Правде. Учитывая разнообразие возможных вариантов, обеспечивающих объективность расследования, статья свидетельствует об определенном развитии процессуального права.

78. Если смерд бьет смерда без княжеского повеления, то платит 3 гривны штрафа, а за истязание гривну кун. Если кто побьет княжого мужа (огнищанина), то платит 12 гривен штрафа, а гривну самому потерпевшему.

Самоуправство относительно смерда со стороны не представителей государственной власти, а рядовых лично свободных смердов карается уголовным штрафом. Кроме того, потерпевшему полагается возмещение ущерба. Несанкционированное властью насилие над боярином карается штрафом в четыре раза более высоким, но возмещение ущерба остается тем же, что и у простолюдина. Данная статья показывает развитие феодальных отношений на Руси, предполагая существование наряду с лично свободными смердами также частновладельческих (боярских) смердов.

79. Если кто украдет ладью, то 60 кун штрафа, а ладью вернуть, за морскую ладью – 3 гривны, за набойную – 2 гривны, за челн – 20 кун, а за струг – гривна.

Похищение речных и морских судов наказывается уголовным штрафом в зависимости от цены судна, а само судно должно быть возвращено владельцу. Перечислено пять видов судов: челн – малое пассажирское судно, выдолбленное из ствола дерева; речная ладья – грузовое судно; струг – также речное грузовое судно, гребное и парусное; набойная лодка – большегрузное судно с надставленными в высоту бортами, с палубой; морская ладья – большое килевое судно, также с палубой. Сравнительно со ст. 35 Краткой Правды эта статья показывает значительный успех судостроения на Руси, что является также свидетельством и распространения судоходства, и развития частной собственности на эти средства транспорта.

80. Если кто перерубит веревку в перевесе, то платит 3 гривны штрафа, за веревку хозяину – гривну кун.

За повреждение сети для ловли птиц выплачиваются продажа и возмещение собственнику.

81. Если кто украдет в чьем-нибудь перевесе ястреба или сокола, платит штраф в 3 гривны, а хозяину – гривну, за голубя – 9 кун, за курицу – 9 кун, за утку, гуся, лебедя и журавля – по 30 кун.

Как и в случаях с повреждением борти и похищением из нее меда, законодатель различает такие преступления, как **повреждение ловчей сети и кража из нее диких птиц**. Значительная разница в штрафах за похищение ястреба и сокола, с одной стороны, и дичи – с другой, связана с тем, что крупные хищные птицы, специально дрессированные, использовались для охоты.

82. За покражу сена или дров – 9 кун штрафа, а хозяину за каждый украденный воз по 2 ногаты.

Статья устанавливает **за похищение воза сена** или **дров** возмещение потерпевшему в размере 2 ногат, то есть 5 кун вместо прежних 9 кун. Это может свидетельствовать об изменении соотношения цен на указанные предметы и повышение курса денег. Необычна для Пространной Правды ставка продажи за кражу сена или дров – 9 кун, в то время как уголовные штрафы в ней имеют размеры 60 кун, 3 и 12 гривен. Как предполагают В.И. Сергеевич и А.А. Зимин, размер продажи внесен из Краткой Правды, где 9 кун возмещение владельцу.

83. Если кто подожжет гумно, то выдается головою князю со всем имением, и наперед вознаграждается убыток хозяина, остальным располагает по своей воле князь, также поступать и с тем, кто двор подожжет.

За поджог хранилища собранного урожая – **гумна или двора** виновный подвергался потоку и разграблению.

84. Если кто по злобе зарежет чужого коня или другую скотину, тот платит 12 гривен штрафа, а хозяину за причиненный ущерб урочную цену.

Намеренное уничтожение чужого коня или рогатого скота влечет за собой уплату продажи по высшей ставке и возмещение ущерба потерпевшему. Противоречие мер наказания за уничтожение чужого коня и за кражу коня можно объяснить тем, что украденный конь мог быть продан, что приносит вору выгоду, а погубленный такой материальной выгоды не приносит.

85. Все изложенные тяжбы разбираются по свидетельствам свободных людей. Если же случится быть свидетелем холопу, то он не может выступить на суде. Но истец, если хочет, может воспользоваться свидетельством раба, сказав ответчику: «зову тебя в суд со слов холопа, но от своего собственного лица, а не от холопского», может требовать от ответчика, чтобы тот оправдался испытанием железа. Если последний окажется виновным, то истец получает с него свое; если же он будет невинным, то истцу платить за муку гривну, так как вызвал его на испытание железом по холопьим речам.

Статья регламентирует порядок использования холопа в качестве свидетеля. Его показания можно привлекать только в исключительных случаях, когда на этом настаивает истец и то не для определения действительной виновности обвиняемого (что мог бы сделать свободный свидетель своей присягой), а только для возбуждения уголовного дела против указанного холопом-свидетелем лица. Сама же вина определяется в результате «божьего суда» – испытания железом. Но если испытание железом не доказывало вины подозреваемого, то обвинитель должен был уплатить ему возмещение, поскольку поверил указаниям холопа.

86. Пошлины при испытании железом платить 40 кун, мечнику 5 кун, княжескому отроку – полгривны: то – урочная высота пошлины, взимаемой при вызовах на испытание железом.

Статья устанавливает **размеры судебных пошлин при применении железа в судебном процессе**: в казну (железное), мечнику и детскому - судебному исполнителю.

87. Если же истец вызовет кого на испытание железом либо по показанию свободных людей, либо по подозрению, либо потому, что видели обвиняемого проходящим ночью, либо еще на каком-нибудь основании, то ответчик, если не обожжется, не получает ничего с истца за муку, но истец платит только одну железную пошлину.

Если испытание железом проводится не потому, что использовано свидетельство холопа, **а по подозрению**, которое трудно проверить (человека видели ночью около места преступления), или по показанию свободного, но оно не докажет вины обвиняемого, то возмещение ему не полагается, а обвинитель платит только железные.

88. Если кто убьет свободную женщину, то подлежит такому же суду, как и убийца свободного мужчины, если виновен, то взыскать с убийцы полвиры, то есть 20 гривен.

В Русской Правде до сих пор не предусматривалась защита жизни свободной женщины, а уделялось внимание только материальному ущербу, который наносило феодалу убийство его ремесленницы, кормилицы и просто рабы. В XIII-XIV вв. слово **виновен** было заменено на **виновата** в списках Пушкинской и Карамзинской группы. Таким образом, убийство без смягчающих обстоятельств могло быть наказано полной вирой.

89. За убийство холопа и рабы виры не уплачивается. Но если кто убьет безвинно, должен заплатить господину за холопа или рабу урочную цену, а князю – 12 гривен штрафа (продажи).

За убийство холопа или рабы вира не платилась. За это преступление предусмотрена продажа и только в том случае, если убийство не было спровоцировано самими холопами. Хозяину холопов, потерявшему свое имущество, уплачивается урок. Размер этого урока мог быть 5 или 12 гривен, в зависимости от хозяйственной ценности холопа (см. ст. ст. 15-17). Здесь имеется в виду, конечно, убийство чужого холопа, так как убийство хозяином собственного холопа считалось не преступлением, а только грехом – нарушение моральной и религиозной нормы.

90. Если смерд умрет бездетным, то наследует князь; если остаются в доме незамужние дочери, то выделить на них некоторую часть; если же будут замужем, то не давать им части.

Статья начинает раздел Пространной Правды, посвященный наследственному праву (ст. ст. 90-109).

В ней устанавливается особое юридическое положение смердов в отношении наследства. Их права ограничены. По смыслу первой части статьи оставшиеся после смерти смерда дети не имели права наследования его имущества. Так понимали эту часть статьи и некоторые переписчики Правды в XIV-XV вв. Однако вторая ее часть уточняет смысл нормы: в том случае, если у смерда оставались дочери, они получали часть наследства, если не были выданы замуж, на покормление и, вероятно, свадебное приданое. Такое противопоставление двух условий указывает на то, что в первом случае имелось в виду, что смерд умрет не без детей вообще, а только без сыновей. Княжеская власть была заинтересована в существовании устойчивого хозяйства смерда, на котором не отражались бы смерть главы семьи и вступление во владение следующего поколения смердов. Вместе с тем она препятствовала выходу этого хозяйства из круга смердов и переходу в собственность членов других сословных групп, что могло бы произойти, если бы дочери наследовали его. Смерд здесь не общинник, а зависимый от княжеской вотчины земледелец, потерявший общинные наследственные и, вероятно, другие права.

91. Если умрет кто из бояр или дружинников, то князь не наследует, а получают наследство дочери, если сыновей не останется.

В статье противопоставляется **наследственное право различных групп феодалов** такому же праву смердов, подтверждая, что после смерти

бояр и дружинников наследуют их сыновья, а при отсутствии последних – дочери. Переход феодальной собственности через дочерей в чужие руки уже не грозил выходом ее за пределы этого класса.

92. Если кто, умирая, разделит свое имущество между детьми, то последние обязаны последовать воле умершего. А умрет кто, не уговорившись с детьми, то получают наследство все они, выделив только часть на помин души.

В статье устанавливается существование обеих форм наследования – **по завещанию и по закону**. Наследниками по закону в этой статье выступают только дети. Были ли наследниками по завещанию тоже только дети здесь сказать трудно: статья начинается с условия, что наследодатель уже передает свое имущество детям, а не предписывает это. М.Ф. Владимирский-Буданов отстаивает мнение, что наследниками могли быть только дети. В.И. Сергеевич, В.Н. Сторожев, Н.А. Максимейко, С.В. Юшков считали, что круг наследников-родственников по завещанию мог быть более широким.

93. Если жена по смерти мужа не выходит замуж, то на нее выделить часть, а что ей муж определил при жизни, тем она, кроме того, владеет. А до мужнина наследства жене нет дела.

Статья устанавливает **наследственные права вдовы**. Если вдова не выйдет еще раз замуж, она получает на жизнь определенную часть имущества мужа (выдел). В Синодальном списке уточняется, откуда должна быть взята эта часть – за счет уменьшения доли взрослых детей. Кроме того, вдова остается собственницей всего того, что было подарено ей мужем (украшения, одежда и пр., что можно было надеть на себя). Эта норма была связана с передачей имущества отца сыновьям, а право вдовы на наследство могло привести к уходу его в руки нового мужа вдовы и его детей. По мнению А.А. Зимина, эта статья изменяет в условиях развития феодальных отношений старое общинное право наследования, по которому вдова оставалась полновластной хозяйкой имущества покойного супруга.

94. Если останутся дети от первой жены, то они возьмут то (что причитается) их матери; если даже их умерший отец завещал (это имущество второй) жене, все равно они возьмут себе (причитающееся) их матери.

Статья свидетельствует о существовании **раздельной собственности супругов и особых правах на наследование этой собственности детьми**. Особое имущество жены складывалось из приданого и подарков мужа.

95. Если остается в доме незамужняя дочь при братьях, то до отцова наследства ей дела нет, но братья обязаны ее выдать замуж сообразно с их достатком.

Статья подтверждает древнерусскую норму, согласно которой **дочери при наличии сыновей – их братьев не наследуют после отца**, но они обеспечиваются приданым, которое после смерти отца выделяется им братьями. Эта норма касалась свободного населения. По Уставу князя Ярослава о церковных судах родители обязаны были выдать дочь замуж, в противном случае они облагались штрафом.

96. А вот пошлины при закладке городских стен. Вот урочные пошлины в пользу строителя города: при закладке стены брать куну, а по окончании ногату; на пищу и на питье, на мясо и рыбу полагается 7 кун на неделю, 7 хлебов, 7 уборов пшена, 7 четвериков (лукон) овса на четыре лошади – что и получать городнику, пока не будет город срублен. Солоду давать ему на все время 10 четвериков (лукон).

Данная статья, как и следующая ст. 97, является механической вставкой в раздел о наследстве. **Строительство деревянных городских укреплений и башен** велось под руководством городника самими горожанами и окрестными жителями, являясь повинностью. Они же оплачивали пребывание городника. Он (вероятно, вместе с отроком) получал плату за труд в начале и в конце работы по сооружению каждой городни, деньги и продукты из расчета по неделям на себя и на четырех коней.

Городня - часть крепостной стены из бревен в виде сруба длиной в бревно.

97. Пошлины для строителей мостов. А вот урочные пошлины в пользу строителей моста: по построении нового моста брать с 10 локтей по ногате. Если же будет починен только старый мост, то сколько частей будет починено, брать со всякого по куне. Строителю моста с помощником приехать на работу на двух лошадях; на коих брать им по 4 четверика овса на неделю, а на пищу им, сколько они съесть смогут.

Такая же **система оплаты** распространялась и на строительство мостов. Руководитель строительства – мостник – вместе с отроком получал с общины, на территории которой строился или ремонтировался мост, денежную плату в зависимости от длины моста и количества опор-городней, а кроме того, питание и овес для коней.

98. Если, по смерти отца, остаются дети, прижитые с рабой, то они права наследования не имеют, а получают свободу вместе с матерью.

Существование холопства и других форм личной зависимости способствовало возникновению интимных связей феодала с женщинами-рабами. Дети господина, рожденные от рабы, считались незаконными и поэтому не являлись наследниками, но после смерти господина они и их мать получали свободу.

99. Если остаются в доме малолетние дети, которые еще не в состоянии заботиться о себе сами, а мать их пойдет замуж, то ближайший родственник берет их вместе с имением под опеку до совершеннолетия. А имущество отдавать в присутствии посторонних людей, и что тем товаром наживет, продавая или отдавая в рост, то опекун берет себе, а имущество полностью возвращает опекаемым; прибыль он потому берет себе, что кормил и заботился о них. Приплод от челяди и скота отдает весь детям, также в случае утраты чего-либо за все им платит. Если же примет детей вместе с наследством отчим, то условия опеки те же.

Статья посвящена праву опеки над сиротами и имеет в виду, очевидно, семью горожанина-купца или ростовщика. Если после смерти отца в семье оставались малые дети, и мать выходила вторично замуж, то опекуном их назначался один из близких родственников или им мог быть отчим. Этому опекуну передавалось во временное пользование движимое и недвижимое имущество несовершеннолетних, причем передача ценного имущества, служившего источником существования хозяина дома, осуществлялась при свидетелях. В статье оговариваются обязанности и права опекуна. Он имеет право продолжать торговую деятельность и брать **себе доходы от нее**, но обязан вернуть стоимость самого товара наследникам по окончании опеки. Приплод от скота и детей челяди, родившихся за время его опеки, он обязан отдать подопечным. Все утраты имущества, которые произошли по его вине, он также должен был восполнить. Окончание опеки связывается с достижением подопечным зрелости, без точного фиксирования возраста.

100. Но двор отцовский, оставшийся без хозяина, всегда поступает к младшему сыну.

Статья закрепляет **за младшим сыном** при наследовании без завещания родительский дом со всеми хозяйственными помещениями.

По мнению Н.А. Максимейко и А.А. Зимина, статья ограничивала волю завещателя, если он хотел оставить свой двор другому сыну. Однако вряд ли есть основание так сужать право наследования по завещанию. Статья свидетельствует, что взрослые дети жили в своих домах, а с родителями, как правило, оставался только младший из них.

101. Если жена, обещавшись сидеть во вдовстве по смерти мужа, проживет имение и пойдет замуж, то обязана возвратить детям все прожитое.

Статья примыкает к ст. 99. **Вдова при малолетних детях обязана сохранять имущество семьи** (юридически – имущество мужа) для передачи его детям. Если она его утратит и оставит детей без средств, а сама найдет обеспечение, выйдя вторично замуж, то обязана выплатить детям утраченное, вероятно, из средств второго мужа.

102. Если же она, оставаясь вдовою, захочет жить в одном доме с своими детьми, а дети не захотят того, то в подобном случае творить волю матери, а не детей, и что дал ей муж и что следовало получить ей на свою часть из имущества, оставшегося после мужа, то составляет ее достояние.

Вдова имеет право **пожизненно жить во дворе своего покойного мужа**, несмотря на возражения ее детей. Она остается главой семьи и хранительницей имущества, оставленного мужем, препятствуя самочинным действиям детей. Вероятно, при достижении ими самостоятельности, после раздела имущества вдова получает часть имущества (выдел) и сохраняет право жить в доме.

103. На часть матери дети не могут иметь никакого притязания; но кому ее назначит, тому и взять; назначит всем – то и разделить между всеми; если же она умрет без завещания, то у кого она жила и кто ее содержал, тому и взять ее достояние.

Нормы наследования имущества матери отличались от права наследования после смерти отца, хотя здесь также было наследование по завещанию и по закону. Дети не могли претендовать на раздел части матери,

но она сама могла определить своего наследника или своих наследников, в том числе и дочерей. По закону наследство матери переходило тому, с кем она жила до смерти или тому, кто ее содержал. Были ли это обязательно ее дети? Это предполагается, но не безусловно. Вдова могла жить у своих родственников по боковой линии и оставить свое имущество им.

104. Если будут дети разных отцов, но одной матери, бывшей за двумя мужьями, то наследуют одни одного, другие другого отца имущество.

Статья отражает существование понятия **частной собственности в семье**, **связанной с личностью ее главы – мужа**. В этом случае, если после смерти первого мужа **семейным имуществом** пользовалась вдова с его детьми и со вторым мужем и его детьми, родившимися в этом втором браке, наследование по закону определяется тем, что было нажито и осталось после смерти каждого из этих отцов: дети (сыновья) первого наследуют только его имущество, дети второго – только то, что принадлежало ему до брака или было нажито в этом браке.

105. Если второй муж растратит что-либо из имущества первого отца своих пасынков и умрет, то его сын должен вознаградить своих единоутробных братьев за растрату, сделанную его отцом, сколько ее покажут свидетели; а что затем у него останется из отцовского наследства, тем он и владеет.

Статья продолжает изложение норм, связанных с той же ситуацией. Если второй муж во время пользования наследством первого утратит что-либо из него, то сын - его наследник - обязан по показанию свидетелей восполнить своим сводным братьям утрату и не может он наследовать имущество первого мужа своей матери.

Статья показывает, что наследование по древнерусскому праву предполагает не только получение имущества, но и переход на получившего наследство обязательств, не выполненных умершим.

106. Что касается до матери в этом случае, то она отдает свое мнение тому сыну, который был добрее, не разбирая того, с которым мужем прижит ею; а если сыновья все были злы, то она вправе отдать имение и дочери, которая ее содержит.

Статья содержит дополнительные уточнения к нормам ст. 103. Мать имеет право оставить свое имущество по завещанию любому из детей, сыну или дочери, как от первого, так и от второго брака, руководствуясь только отношением к ней детей.

107. А вот урочные пошлины судебные. А вот обычные пошлины судебные: от присуждения к платежу виры судье – 9 кун, помощнику (метельнику) – 9 векош; с дела о бортной земле 30 кун, а во всех прочих тяжбах с того, кому присудят, судье брать по 4 куны, а помощнику (метельнику) – по 6 векош.

Кроме пошлин, которые платились осужденными, в XII в. были введены **еще дополнительные пошлины с выигравших процесс**. Величина таких дополнительных пошлин значительно меньше, чем собираемых с осужденного. С виры в 40 гривен указано 9 кун, т.е. примерно 1/200, а с преступления, облагаемого продажей в 12 гривен – 30 кун, т.е. 1/20.

108. Если братья станут между собой судиться о наследстве перед князем, то детский, посланный для их раздела, получает гривну кун.

Статья свидетельствует об отнесении споров братьев между собой о разделе наследства к княжеской компетенции.

109. А вот урочные пошлины за принесение на суде присяги. А вот обычные пошлины с дел, присягою решаемых: от дел по обвинению в убийстве – 30 кун; с тяжбы о бортной и пахотной земле – 27 кун; от дел об освобождении из холопства – 9 кун.

Статья завершает вопрос о судебных пошлинах. В ней идет речь о пошлинах, взимаемых при принесении роты (присяги). Пошлину платил истец, возбуждавший процесс.

110. Холопство полное – трех видов: первое, когда кто купит человека, хотя бы и за полгривны, и поставит свидетелей, и отдаст ногату, при самом холопе. Второе холопство, когда кто женится на рабе без всякого условия, а если женится с условием, то он остается на тех правах, как было условлено. А вот третье холопство, когда кто без условия же пойдет в тиуны или в ключники; если же было заключено условие, то остается на тех правах, как было условлено.

Статья начинает последний раздел Правды, который называют **уставом о холопстве**. В статье устанавливаются три случая утраты личной свободы и перехода в состояние полного холопства. Первый случай – продажа человека при свидетелях. В.И. Сергеевич и С.В. Юшков считают, что речь идет о самопродаже. Второй случай – женитьба на рабе без соответ-

ствующего соглашения. Третий – вступление в должности тиуна и ключника также без соответствующего соглашения.

Продажа в холопы должна совершаться при свидетелях, а сам продаваемый должен также присутствовать при этом, видеть внесение в счет платы за себя хотя бы одной ногаты. Женитьба на рабе превращала свободного в холопа, принадлежащего ее господину. Однако жених мог заключить с господином невесты договор, по которому он мог сохранять свободу на определенных условиях. По норме XV в. и выход свободной замуж за холопа также лишал ее независимости, но если она не знала о его социальном положении, то имела право расторгнуть с ним брак. Наконец, третий случай предусматривает службу тиуном и ключником – исполнителем воли господина в его доме и хозяйстве, которыми могли быть только несвободные люди. Вступление в должность ключника делало свободного человека также холопом. Однако норма Пространной Правды предусматривает и здесь ограничение, если при поступлении в услужение свободный заключал с господином соглашение о своих правах и обязанностях, например, холопство на срок службы и освобождение при отказе ему в службе или по смерти господина.

Статья не перечисляет все источники холопства: за ее пределами остаются такие пути, как рождение от холопа, плен, попытка бегства закупа.

111. А срочный работник не холоп, и не следует обращать в холопство ни за прокорм, ни за приданое. Если работник не дослужит до срока, он обязан вознаградить хозяина за то, чем тот одолжил его; если же он дослужит до срока, то ничего не платит.

Статья тесно связана с предыдущей. Отработки денежной ссуды или ссуды зерном, а также процентов по ним не ведут к полному холопству; предполагается, что взявший их может отработать все и на этом его обязанности заканчиваются. Однако фактически значительная ссуда не могла быть отработана в течение всей жизни и зависимость распространялась на детей должника. Однако эта зависимость не превращается в полное холопство, хотя она очень близка к положению закупа или наймита, не упоминаемого в уставе о холопстве.

112. Если холоп убежит, и господин о побеге его заявит, и, если кто, зная что холоп беглый, даст ему хлеба или укажет дорогу, то платит господину за холопа 5 гривен, а за рабу – 6 гривен.

Статья устанавливает денежную плату **за сознательное пособничество беглому холопу**.

113. Если кто задержит чужого холопа, и даст о том знать господину, то взять ему за это гривну кун. Если же, поймав беглеца, не устережет его, то платит господину за холопа 4 гривны, а за рабу – 5 гривен; в первом случае пятая, а во втором шестая следует ему за то, что он поймал беглого.

За удержание беглого холопа и извещение господина о поимке его задержавшему полагается вознаграждение от господина, но захвативший и затем упустивший раба наказывается штрафом, правда, уменьшенным на 1 гривну, которую он имел право получить за удержание.

114. Если кто сам дознается, что его холоп находится в каком-либо городе, а между тем посадник не знает об этом, то, он имеет право взять у посадника отрока, дабы вместе с ним связать беглеца, за что и даст ему 10 кун. Но если преследователь упустит раба, то пусть жалуется на себя самого.

Хозяин убежавшего холопа, выследив его в каком-либо городе, может рассчитывать на помощь в его задержании городского отрока, выделяемого для этого посадником, и платит ему за такую помощь вознаграждение. Если посадник знал о беглом челядине, то он сам должен был предпринять меры к его задержанию и возвращению хозяину. Это свидетельствует о том, что в XII в. наряду с истцом – инициатором и исполнителем розыска беглого холопа выступает уже государственная власть.

115. Если кто по неведению встретит чужого холопа, окажет ему помощь, а беглец покинет его, то должен присягнуть, что по неведению поступал таким образом с беглецом, а платежа в том нет.

В отличие от сознательного пособничества помощь, оказанная беглому холопу по неведению о его положении, не наказывается, если его укрыватель подтвердит свое неведение присягой.

116. Если холоп обманом возьмет у кого деньги в кредит под именем вольного человека, то господин его должен или заплатить, или отказаться от холопа; но если веритель, зная, что он холоп, дал ему деньги, то лишается своих денег.

Холоп не мог брать от своего имени деньги или материальные ценности. Если он обманом взял, то за возвращение долга отвечал его господин, а если господин не признавал его долги, то мог отдать своего холопа

заимодавцу. Если же заимодавец дал деньги, зная, что дает их холопу, то он уже не имеет права требовать деньги с его господина.

Эта статья, как и следующая, свидетельствует, что холопы в феодальном городе XII в. на практике широко занимались торговлей и финансовыми операциями, но должны были это делать только с согласия своих господ.

117. Если кто дозволит своему холопу торговать, и холоп тот берет деньги в долг, то господин обязан платить за него долги, но не может от него отступиться.

Статья дополняет норму предыдущей статьи**. Холоп участвует в торговле по поручению господина**, последний в этом случае оплачивает его долги и не может отказаться от холопа. По мнению С.В. Юшкова и И.И. Смирнова, это свидетельствует о росте правоспособности холопов.

118. Если кто купит чужого холопа, не зная того, - настоящему господину взять своего холопа, а покупщику возвратить деньги под присягой, что он купил холопа по незнанию. Если же окажется, что он купил заведомо чужого холопа, то теряет свои деньги.

Лицо, купившее холопа не у его хозяина, обязано вернуть его собственнику. Если такой покупатель присягой подтвердит, что он был введен в заблуждение, то может получить деньги с продавца обратно. Если же покупатель знал о неправомерности сделки, то он терял уплаченные деньги.

М.Ф. Владимирский-Буданов, Л. Гетц, Б.А. Романов видят здесь самопродажу холопа, желавшего незаконно получить деньги, которые причитались бы его хозяину. Статья показывает, что в феодальном городе холоп экономически мог не быть привязан к хозяйству своего господина и условия позволяли ему действовать самостоятельно, хотя господин сохранял на него права.

119. Если холоп, будучи в бегах, приобретет себе имение, то и приобретение, сделанное им, принадлежит господину вместе с холопом.

Статья примыкает по смыслу к ст. 117, уточняя права и обязанности господина, которому принадлежит торгующий холоп. Господин отвечал и за холопа, находящегося в бегах, имея право на полученную последним в торговле прибыль. В то же время он должен был возместить долги холопа и не мог отказаться от него.

120. Если холоп, убежав, унесет с собой что-либо из принадлежащего соседу или товар, то господин обязан заплатить за унесенное им по урочной цене.

Господин бежавшего холопа отвечает по существующим нормам и за то чужое, что тот унес с собой. Эти нормы частью изложены в ст.ст. 41-46, где за кражу холопом уставлено возмещение пострадавшему в размере двойной цены украденного.

121. Если холоп обокрал кого-нибудь, то господин обязан или заплатить за него, или выдать его головою вместе с другими участниками воровства, бывшими при деле или прятавшими краденое, кроме их жен и детей. Если же принимали участие в краже свободные люди, то таковые платят князю штраф (продажу).

Семья холопа, виновного в воровстве, не следует его судьбе, если она не помогала вору. **При участии жены и детей холопа в краже или в сокрытии краденого** господин должен поступить с ними так же, как и с самим холопом. Если в воровстве участвовали свободные, то они наказываются уголовным штрафом. Формы и размеры ответственности в каждом случае были указаны в соответствующих статьях Правды.

(Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 1. М., 1984; Материалы к изучению истории государства и права СССР: Русская Правда. М., 1962).

ПСКОВСКАЯ СУДНАЯ ГРАМОТА

ВВЕДЕНИЕ

Псковская Судная грамота - крупнейший памятник феодального права эпохи феодальной раздробленности на Руси.

Специфика периода феодальной раздробленности - временное ослабление политического единства русских земель, своего рода феодальный полицентризм. Однако и в это время сохраняется культурное и идеологическое единство – залог будущей национальной консолидации в рамках Русского централизованного государства, продолжается развитие феодальных отношений во всех областях экономики и общественной жизни, развиваются русская культура, государственность, право.

Татаро-монгольское нашествие и установление политической зависимости Русской земли от Золотой Орды в середине XIII в., хотя и привело к огромным человеческим, материальным и духовным потерям и замедлило на какое-то время процесс общественного развития, не могло все же изменить его характер и основное содержание. В самые тяжелые для Русской земли времена сохранялось известное единство в политической и культурной сфере, продолжалось (хотя и замедленными темпами) прогрессивное общественно-экономическое развитие.

Памятником такого развития в области феодального права и является Псковская Судная грамота. Некоторые ее нормы находят широкое распространение много веков спустя после ее принятия в самых разных районах Руси. Поэтому Псковскую Судную грамоту нельзя рассматривать только как сборник местного, псковского права. Однако коренные общерусские процессы развития феодальных отношений отражены в грамоте через призму городского строя, характерного для феодальных вечевых республик в отличие от политического устройства других русских земель.

Основной особенностью общественного строя феодальных республик XII-XV вв. является сосредоточение политической власти в руках боярства - верхушки крупных феодалов-землевладельцев местного (городского) происхождения. Если во главе класса феодалов в княжествах Северо-Восточной и Юго-Западной Руси стоит князь и принадлежность к правящей группировке обусловливается здесь той или иной степенью близости к князю, то в феодальной республике участие в управлении государством определяется принадлежностью к правящей боярской группировке.

Высшим органом власти такой республики является вече - собрание всех ее полноправных граждан. Вечевое собрание генетически связано с дофеодальным периодом, когда на нем были представлены все свободные члены данной общины. В раннефеодальный период вече противостоит власти князя и его аппарата, отстаивая политические и экономические интересы свободного населения. По мере развития феодальных отношений, приводящих к росту социального и экономического неравенства внутри городской общины, роль и характер вечевых собраний меняются.

В Северо-Восточной и Юго-Западной Руси с XII в. реальная и номинальная власть все в большей степени сосредоточивается в руках князя и приближенных ему феодалов. Князь выступает в качестве главы политической власти и верховного распорядителя земель своего княжества. Он наделяет светских и духовных феодалов землей с зависимым населением, обеспечивая себе тем самым социальную и политическую опору. Все жители города и деревни, не попавшие в непосредственную зависимость от светских и духовных феодалов *(черные* люди), рассматриваются как подданные князя - главы феодального государства. Князь выступает в качестве верховного законодателя, судьи и управителя; свободное население выплачивает ему налоги, судебные штрафы и пр. и несет всякого рода повин-

ности. Этими доходами князь частично делится с другими представителями класса феодалов.

Другой путь развития лучше всего прослеживается на примере Великого Новгорода - старейшей и крупнейшей феодальной республики. Городская община Новгорода сумела отстоять свою относительную независимость от княжеской власти. В дальнейшем она сильно ограничила власть князя и фактически отстранила его от осуществления важнейших политических функций. Новгородское боярство сумело сохранить за собой непосредственное управление огромным земельным фондом Новгорода, которым оно распоряжалось без всякого участия княжеской власти. Возглавляя местную городскую общину, новгородское боярство руководит вечевыми собраниями, обеспечивает своим представителям важнейшие выборные должности посадников, тысяцких, сотских и через них держит в руках фактически всю политическую власть на громадной территории Новгородской земли. Необходимо подчеркнуть, что новгородские бояре, в отличие от бояр Северо-Восточной и Юго-Западной Руси, отнюдь не связаны с князем какими-либо служебными или вассальными отношениями. Они являются исконными членами городской общины и именно через эту общину, через ее вечевые собрания, через ее должностных (формально-выборных) лиц осуществляют свою политическую власть. По мере роста феодального землевладения, по мере развития процессов социально-экономической дифференциации растет экономическое могущество и политическая власть боярства, развиваются противоречия между ним и массой мелких землевладельцев и ремесленников (черных людей), приводящие к острым классовым столкновениям на вече и вне его. К XV в. новгородское вече, формально сохраняя свое значение, превращается на деле в орган власти боярской олигархии.

Итак, существование феодальной республики обусловлено развитием крупного феодального землевладения и сосредоточением политической власти в руках боярской олигархии, возглавляющей местную городскую общину.

Власть городской общины во главе с боярством вела к полному политическому бесправию основной массы сельского населения (смердов), лишенного представительства на вече. Сохраняя свое внутреннее общинное самоуправление, смерды несли все повинности в пользу города. Земли смердьих общин являлись источником роста феодального землевладения - вечевые власти раздавали эти земли светским и духовным феодалам.

Перед нами особый вариант социально-политического развития феодальных отношений. Для него характерны два основных момента: привилегированное положение городской общины и отсутствие развитой системы феодальной бюрократии. Феодальной республике свойственны два типа противоречий. Во-первых, это противоречия между господствующей городской общиной и подвластными ей смердами. В условиях развития феодальных отношений эти противоречия принимают характер классовой

борьбы крестьян против феодалов (к числу наиболее ярких вспышек классовой борьбы смердов относится их движение 1483-1486 гг. на Псковской земле). Во-вторых, это противоречия внутри самой городской общины. Они отражают нарастающее социальное неравенство, раскалывающее горожан на привилегированных феодалов и малоимущих или неимущих *черных* людей (история Новгорода и Пскова насыщена эпизодами выступлений *черных* людей, что в ряде случаев использовалось противоборствующими боярскими партиями в политических целях).

Развитие феодального Пскова идет в XII-XV вв. именно по такому пути. Первоначально псковская городская община подчинялась новгородской - псковские посадники назначались «старшим городом». Однако уже в первой половине XII в. Псков проявляет признаки самостоятельности. В 1136 г. псковичи приняли князем Всеволода Мстиславича, изгнанного перед этим из Новгорода. Псковский летописец расценил это событие как отделение Пскова от Новгорода: **Приидоша** *псковичи и пояша Всеволода княжити к себе, а новгородци отложишася.* В дальнейшем союз Новгорода с Псковом сохраняется, и Новгород по-прежнему выступает в роли «старшего брата», но во второй половине XII в. Псков добивается фактической независимости. К этому же времени относятся первые известия о псковских боярах *(вящих мужах),* возглавлявших политическую жизнь феодального Пскова. Косвенным свидетельством политической роли псковского боярства является изгнание из Пскова князя Владимира в 1213 г.

Развиваясь в основном по тому же пути, что и Великий Новгород, Псковская феодальная республика имела некоторые особенности. Во-первых, Псков не располагал такими огромными территориями, как Новгород, и возможности развития крупного феодального землевладения были здесь более ограниченными. Поэтому, хотя псковское боярство держало в своих руках политическую власть на вече, монополизировав важнейшую должность посадника, однако оно все же не могло добиться такого политического и экономического могущества, какого достигла феодальная олигархия, и вынуждено было в гораздо большей степени считаться с рядовыми членами городской общины.

Во-вторых, местоположение Пскова на самом рубеже Русской земли делало его объектом почти непрерывных нападений немецких и литовских феодалов. Это заставляло Псков обращаться за военной помощью к Новгороду и великому князю. Помощи со стороны Новгорода часто бывало недостаточно, а главное, она могла привести к усилению зависимости от новгородского боярства, все время стремившегося расширить сферу своей политической власти и влияния. Отсюда - тенденция вечевых властей Пскова к непосредственному контакту с великим князем - номинальным главой Русской земли. В союзе с великим князем Псков искал защиту не только от внешних врагов - Ордена и Литвы - но и от притязаний своего «старшего брата». Поэтому сепаратистские настроения у псковского бояр-

ства были развиты гораздо слабее, чем у новгородского. В большинстве случаев Псков выступал за сохранение единства русских земель. Тяга Пскова к союзу с великим князем увеличивается в XIV-XV вв. по мере усиления московской великокняжеской власти, обострения московско-новгородского конфликта и роста внешней опасности со стороны Ордена и Литвы.

Псковская Судная грамота отражает основные особенности феодальной государственности и права Псковской земли XIV-XV вв. При чтении текста грамоты обращает на себя внимание отсутствие многих норм, известных Русской Правде. Так, грамота не содержит развернутых разделов о наказаниях за убийство и другие преступления. В ней нет статей об охране феодальной собственности, нет статей о смердах, закупах и холопах. Отсутствие этих статей объясняется, по-видимому, именно тем, что соответствующие правовые нормы были хорошо разработаны в Русской Правде и имели общерусское значение. В XIV-XV вв. эти нормы Правды продолжали действовать, почему и не попали в местный псковский кодекс законов. Внимание составителей грамоты приковано главным образом к тем вопросам, которые не были затронуты в Правде, а также к тем, трактовка которых устарела или не отвечала условиям псковской действительности XIV-XV вв.

Если в центре внимания Правды - феодальная вотчина, противостоящая окружающему ее миру крестьянских общин, то Псковская Судная грамота имеет дело прежде всего с миром городской общины, а действующими лицами в ней являются члены этой общины, формально равноправные, но подвергающиеся нарастающему социально-экономическому расслоению. Такую среду мы видим в феодальном законодательстве впервые, и в этом - большое значение грамоты как источника не только по истории русского права, но и по истории общественно-экономических отношений средневековой Руси. Грамота сосредоточивает свое внимание на процессах классообразования, порождающих новые социальные типы члена древнерусского общества.

К этим новым типам, не известным из более ранних источников, относятся *наймит* и *изорник*. Наймит по Псковской Судной грамоте - это свободный человек, пользующийся гражданскими и политическими правами как член городской общины, но находящийся в экономической зависимости от *государя* - более состоятельного члена той же общины. Закон до известной степени охраняет права наймита, но из контекста выясняется возможность долголетнего наймитства, которое хотя и не приводит к потере гражданских прав, но тем не менее свидетельствует о глубоко зашедшем процессе социальной и имущественной дифференциации - о появлении людей, фактически не имеющих возможности себя прокормить и жить иначе, как во *дворе у государя*.

Еще более интересной фигурой, свидетельствующей о нарастании процесса феодального классообразования, является *изорник,* которому по-

священы многие статьи грамоты (что само по себе говорит о значении этой фигуры в жизни Пскова). *Изорник,* как и близкие к нему *огородник* и *котечник*, свободный человек, работающий в сельском хозяйстве своего *государя*. По сравнению с *закупом* Русской Правды и с зависимыми крестьянами в феодальной вотчине XV-XVI вв. *изорник* пользуется гораздо большими гражданскими правами. Он может в установленное законом время уйти от *государя,* взяв *отрок,* может в известных случаях возбудить иск против *государя* о своем движимом имуществе (конь, корова). *Государь* не может самовольно и бесконтрольно распоряжаться личностью и имуществом *изорника* - спорные вопросы между ним и *изорником* решает суд.

В то же время изорник живет на земле *государя,* отдает ему часть урожая, выполняет другие повинности. Средством закабаления *изорника* является *покрута* - ссуда, даваемая ему *государем*. Запись *изорника* в *покруте* служит для *государя* важным средством установления зависимости *изорника* и членов его семьи: по требованию *государя* покрута должна быть выплачена при любых обстоятельствах, в противном случае с *изорником* поступают так, как с неисправным должником. По существу, изорник занимает промежуточное место между свободным человеком и зависимым крестьянином. Развитие изорничества свидетельствует об усилении социального и имущественного неравенства в среде свободных членов общины, что служит доказательством развития феодальных отношений. Социальным потомком изорника является половник, хорошо известный на русском Севере в XVII-XVIII вв.

Характерная черта Псковской Судной грамоты - предпочтение, которое она отдает письменному акту перед всеми другими видами судебных доказательств. В этом предпочтении заключен глубокий классовый смысл: обладателем такого письменного акта по большей части является феодал или, во всяком случае, представитель зажиточной части общества. В то же время для отдельных случаев сохраняются и старые формы доказательств, например показания свидетелей. Именно при помощи таких показаний решается спор о земле, если только это не *лешая земля,* на которую требуется особая грамота.

Псковская Судная грамота по сравнению с Русской Правдой отражает новый этап развития русского феодализма - в этом ее ценность как исторического и историко-правового источника.

Псковская Судная грамота сохранилась в двух списках - Воронцовском (в составе ст.ст. 1-120 по принятому в настоящее время делению) и Синодальном (в составе ст.ст. 109-120 по этому же делению). В публикации Археографической комиссии 1914 г. оба списка воспроизведены способом фототипии и дана их наиболее полная транскрипция. Второе фототипическое издание Воронцовского списка выполнено И.И. Полосиным. Оба списка были неоднократно описаны в литературе. По мнению исследователей, Синодальный список выполнен в середине XVI в. (М.Н. Тихо-

миров), Воронцовский - в конце XVI - начале XVII в. (В.П. Любимов). И.И. Полосин относил этот список к первой половине XVI в.

Вопрос о соотношении списков грамоты подвергался специальному изучению. В предисловии к изданию Археографической комиссии было высказано мнение, что оба списка независимы друг от друга. И.И. Полосин нашел, что последние двенадцать статей Воронцовского списка или его протографа списаны с Синодального списка или его протографа. Ю.Г. Алексеев, напротив, пришел к выводу, что не только сам Воронцовский список не связан с Синодальным, но не связаны между собой и их непосредственные протографы. Тем большее значение приобретает факт текстуальной близости списков: ст.ст. 109-120 (по нынешней нумерации) воспроизводятся в обоих списках почти без разночтений. Это говорит о большой стойкости текста памятника и косвенно свидетельствует о его официальном характере и происхождении.

Все издания грамоты делят ее текст на 120 статей (в некоторых изданиях введены статьи 42-а, 75-а, 103-а). В основу этого деления положен принцип вычленения более или менее логически законченных грамматических конструкций. К одной статье отнесено либо одно законченное по мысли предложение, либо несколько предложений, логически и грамматически связанных между собой. При этом издатели определяют начало и конец статьи, исходя не из палеографических особенностей списков, а из чисто логических соображений. Таким образом, деление грамоты на статьи носит в значительной степени условный характер, оно отражает в первую очередь логическое осмысление памятника его издателями и исследователями, а не подлинную структуру его текста.

Ю.Г. Алексеев предпринял попытку разделить статьи памятника по палеографическим признакам, положив в основу систему прописных букв в тексте Воронцовского списка. В ряде случаев статья списка, выделенная прописной буквой, оказалась в изданиях разделенной на несколько самостоятельных статей. Так, ст.ст. 1 и 2 изданий соответствуют первой статье рукописи, ст.ст. 3 и 4 - второй, ст.ст. 7 и 8 - пятой, ст.ст. 9, 10 и 11 - шестой и т.д. Шестнадцатая статья списка оказалась в изданиях разделенной на пять самостоятельных статей - ст.ст. 20-24. Всего, по наблюдениям Ю.Г. Алексеева, четырнадцать статей рукописи оказались в изданиях раздробленными на 32 статьи. С другой стороны, в некоторых случаях в изданиях статьи рукописи слиты. Так, ст. 14 объединяет статьи девятую, десятую и одиннадцатую, ст. 30 – двадцать первую и двадцать вторую, ст. 42 - тридцать вторую и тридцать третью. В общей сложности 12 статей изданий объединили текст двадцати восьми статей рукописи. Деление по палеографическим признакам тоже не является бесспорным, учитывая позднее происхождение существующих списков грамоты и не всегда четкое выделение прописных букв. Однако оно не может игнорироваться ни издателями, ни исследователями грамоты: в ряде случаев оно помогает осмыслению тек-

ста памятника и доносит до нас особенности юридического мышления средневекового кодификатора.

Псковская Судная грамота была впервые введена в научный оборот Н.М. Карамзиным, опубликовавшим ее последние 12 статей (по принятому в настоящее время делению) по Синодальному списку. Воронцовский список был обнаружен Н.Н. Мурзакевичем в архиве М.С. Воронцова и опубликован им в 1847 г. с кратким введением и комментарием. С этого времени начинается научное изучение Псковской Судной грамоты как памятника русского права.

Первыми исследованиями, специально посвященными грамоте, явились работы И.Е. Энгельмана и Ф.Н. Устрялова, вышедшие в 1855 г. И.Е. Энгельман поставил задачу систематического изучения норм гражданского права грамоты. Ф.Н. Устрялов дал общий очерк содержания грамоты с историко-юридической точки зрения.

В дальнейшем в работах историков-юристов второй половины XIX - начала XX вв. грамота изучалась главным образом как историко-юридический документ. Хотя специальных монографических исследований о ней в этот период не было опубликовано, Псковская Судная грамота заняла видное место в трудах И.Д. Беляева, Н.Л. Дювернуа, М.Ф. Владимирского-Буданова, П.Н. Мрочек-Дроздовского, А.И. Никитского, В.И. Сергеевича, М.А. Дьяконова и других представителей русской буржуазной историко-юридической науки. Грамота издается, комментируется и многократно переиздается в составе «Хрестоматии по истории русского права» М.Ф. Владимирского-Буданова. Выходят и другие издания памятника.

Начиная с И.Е. Энгельмана исследователи пытаются установить связь грамоты с Русской Правдой и другими памятниками XII-XV вв. Необходимо, однако, отметить, что догматическая по своему характеру буржуазная историко-юридическая мысль не смогла в полной мере проникнуть в диалектическую сущность истории права, отражающего в конечном счете процесс развития социально-экономических отношений. Буржуазные историки-юристы не смогли понять классовую природу феодального законодательства. Развитие права они по сути дела не связывали с развитием исторического процесса в целом.

Новый и наиболее плодотворный этап изучения грамоты начинается в советское время. Советские историки стремятся к комплексному изучению памятника как исторического источника, исследуя его происхождение и содержание с позиций исторического материализма. При этом особое внимание уделяется характеристике социально-экономических явлений, отраженных в грамоте. В работах М.К. Рожковой, Б.Б. Кафенгауза, Л.В. Черепнина, И.И. Полосина ставятся вопросы истории текста и структуры памятника, делаются попытки определить его последовательные редакции. И.И. Полосин и А.А. Зимин предпринимают издания грамоты с постатейным комментарием. И.Д. Мартысевич посвящает грамоте специальное историко-юридическое исследование. Вопросы уголовного права

грамоты изучены М.М. Исаевым. В работе Ю.Г. Алексеева сделана попытка монографического изучения грамоты как источника по истории феодальных отношений XIV-XV вв.

В современной историографии Псковской Судной грамоты можно выделить несколько основных проблем. Одной из них является проблема датировки дошедшего до нас текста.

Непосредственные указания на время составления грамоты, а также на ее источники содержатся в заголовке памятника по Воронцовскому списку. Однако можно без преувеличения сказать, что заголовок грамоты принадлежит к числу ее самых загадочных мест. Основное противоречие в тексте заголовка - противоречие между ясным и точным указанием на пять соборов, существующих в Пскове, и таким же ясным и точным указанием на дату составления грамоты. Согласно первому указанию, грамота могла возникнуть не раньше 1462 г. (когда был создан пятый псковский собор), согласно второму - она списана в 1397 г. (6905). Противоречия заголовка по существу своему неразрешимы. Какое из указаний заголовка правильнее и почему в нем возникли такие противоречия, об этом в настоящее время сказать трудно.

Наиболее простым и естественным казалось с самого начала предположение об описке писца, пропустившего в написании года SЦОЕ (6975=1467) предпоследнюю букву. Тогда все становится очень понятным: грамота утверждена на вече в 1467 г., когда существовали уже все пять соборов. По этому пути пошел первый издатель грамоты Н.Н. Мурзакевич, а за ним - большинство дореволюционных исследователей. Из советских историков такой точки зрения придерживалась М.К. Рожкова.

Однако предположение об ошибке писца далеко не всем казалось убедительным. Ряд дореволюционных исследователей (Н.В. Калачов, М.Ф. Владимирский-Буданов, М.А. Дьяконов) и большинство советских историков отвергают такое объяснение как искусственное и произвольное. Они считают дату 1397 г. реальной и отражающей один из этапов создания грамоты. Упоминание же пяти соборов эти исследователи рассматривают как указание на время окончательного редактирования дошедшего до нас текста. В настоящее время наиболее вероятным представляется мнение И.Д. Мартысевича о том, что последняя переработка псковского законодательства была произведена между 1462 и 1471 г., т.е. в период существования в Пскове пяти соборов.

К числу нерешенных относится и вопрос об источниках Псковской Судной грамоты. Заголовок называет три из них: Александрову грамоту, Константинову грамоту и псковские пошлины (т.е. местные обычаи). Спорным является вопрос о личности того великого князя Александра, которому заголовок приписывает составление соответствующей грамоты. Большинство дореволюционных исследователей, начиная с Н.Н. Мурзакевича, а из советских ученых - М.К. Рожкова, И.Д. Мартысевич и А.А. Зимин, принимают упомянутого Александра за тверского князя Александ-

ра Михайловича, занимавшего псковский стол с 1327 по 1337 гг. (с перерывом в полтора года). Н.В. Калачов, И.Е. Энгельман, М.Ф. Владимирский-Буданов, В.И. Сергеевич, Б.Б. Кафенгауз, Л.В. Черепнин считают автором Александровской грамоты Александра Невского. По нашему мнению, последнее предположение более вероятно.

Весьма важным и не до конца ясным является вопрос о редакциях грамоты, т.е. о последовательных этапах составления дошедшего до нас текста. С этим связан и вопрос о структуре текста грамоты.

В дореволюционной историографии преобладало мнение, что памятник образовался путем постепенной приписки новых статей к старым и что существующий порядок статей отражает историю составления текста грамоты. Наиболее последовательно эта мысль проведена в исследованиях И.Е. Энгельмана и П.Н. Мрочек-Дроздовского. Однако еще Н.Н. Мурзакевич высказал мысль (развитую впоследствии П.Е. Михайловым) о возможности перемещения листов грамоты при ее переписке: после ст. 76 (по наиболее распространенному делению) первоначально следовали ст.ст. 84-87.

Вопрос о редакциях и составных частях грамоты по-новому поставлен в советской историографии. М.К. Рожкова считает древнейшими последние двенадцать статей памятника. Весь остальной текст грамоты она делит на две части (ст.ст. 1-57 и ст.ст. 58-107), выделив ст.ст. 77-83 как вставку более позднего происхождения.

По мнению Л.В. Черепнина, «Правда» Александра Невского (ст.ст. 1, 109-120), Судебный Устав князя Александра Михайловича (ст.ст. 7-13, 20-27, 34-37, 46-50), торговый устав (ст.ст. 14-19, 28-33, 38-41, 45), а также ст.ст. 21 и 36 составили первую редакцию грамоты (1397 г.). Ко второй редакции (1417 г.) Л.В. Черепнин отнес ст.ст. 53-71, 101-107. Третья редакция (1435-1440 гг.) включала ст.ст. 72-74, 88-92, 94-100. Статьи 3-5 и 77-83 - результат переработки старого текста, сделанной в 1480-х гг.; ст.ст. 42-44, 51, 63, 75, 84-87 – отрывки какого-то цельного устава, к которому, по мнению Л.В. Черепнина, относились и статьи о смердах, изъятые в 1480-х гг.

Б.Б. Кафенгауз считает теперешний порядок статей результатом ряда позднейших редакций грамоты, а также ошибок переписчиков, имевших дело с весьма ветхим оригиналом. Решив добиться восстановления первоначального порядка статей, он предпринял полную реконструкцию существующего текста, исходя из логических и палеографических соображений. Согласно этой реконструкции, статьи грамоты располагаются в следующем порядке: 1-5, 77-83, 64-71, 6-19, 28-33, 45-50, 20-27, 34-44, 51-63, 72-76, 84-108, 109-120.

В противоположность этому И.И. Полосин поставил задачей «не переставлять с места на место... отдельные статьи, не ломать памятника», а рассматривать грамоту как юридический сборник, построенный в принципе в прямом хронологическом порядке, хотя этот порядок зачастую нару-

шается «вставками» и «выписками», по которым и можно судить о последовательных редакциях памятника. По таким признакам И.И. Полосин выделил двенадцать редакций, датируя некоторые из них с точностью до одного года.

По нашему мнению, первой редакцией грамоты был Свод 1397 г., в который вошли выписки из грамоты Александра Невского и приписки псковских пошлин. Этот Свод в дальнейшем подвергался переделкам путем включения новых статей, исключения старых и систематизации текста, ввиду чего реконструкция первоначального содержания Свода едва ли возможна. Трудно также сказать, сколько раз редактировался Свод 1397 г.: содержание грамоты и другие источники не дают убедительного ответа на этот вопрос. Можно только предполагать, что одна из редакций (условно - вторая) была связана с включением в закон выписок из грамоты князя Константина, княжившего в Пскове дважды - в 1407 и 1414 гг. Эта редакция может быть датирована по ст. 107 - единственной, время записи которой можно установить довольно точно: в ней идет речь о *пенязях* - денежной единице, существовавшей в Пскове (по летописным данным) с 1409 по 1424 г. Можно думать, что после 1424 г. полного редактирования Свода не предпринималось: ст. 107 осталась со старым денежным счетом.

Дошедший до нас памятник можно условно назвать третьей редакцией грамоты. Она включила второй свод по ст. 108 с дополнениями, сделанными позже и еще не успевшими подвергнуться редакторской переработке и систематизированию.

К числу источников грамоты (кроме грамот Александра и Константина, конкретное содержание которых установить трудно) относятся записи действовавших в Пскове обычаев. Надо полагать, что подавляющее большинство статей грамоты относится именно к этому основному источнику. Составители грамоты проявили знакомство и с другими памятниками права.

Не говоря о Русской Правде, представляющей основу средневекового русского феодального права, им, вероятно, были известны распространенные на Руси юридические сборники - Кормчая Книга и Мерило Праведное. Знали они, по-видимому, и византийскую Эклогу, причем не в том переводе, в котором она имела хождение на Руси в составе Мерила Праведного (об этом можно судить по ст. 8 грамоты, близкой к греческому, а не к древнерусскому тексту). Используя известные им памятники права, составители грамоты не слепо копируют их нормы, а перерабатывают в соответствии с реальными условиями Псковской земли и с содержанием псковской пошлины.

Несмотря на отдельные неувязки, отражающие длительную и сложную историю памятника, грамота в целом представляет собой лишенный логических противоречий цельный свод средневекового русского феодального права, свидетельствующий о внимательной и квалифицирован-

ной редакторской работе и о достаточно высоком уровне юридического мышления ее составителей.

ТЕКСТ И КОММЕНТАРИИ К ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ

Эта грамота выписана из грамоты великого князя Александра и из грамоты князя Константина и изо всех приписанных (к ним) псковских обычаев, по благословению своих отцов, попов всех пяти соборов и иеромонахов и дьяконов и священников и всего духовенства, всем Псковом на вече в 1397-м (?) году.

В заголовке дается перечень источников, на основании которых составлена Псковская Судная грамота. Прежде всего называются грамоты, данные великими князьями Александром и Константином. В литературе имеются различные мнения о том, какой из трех Александров, княживших в Пскове в разное время, явился автором грамоты, которая легла в основу Псковской Судной грамоты: Александр Невский, Александр Тверской или Александр Ростовский. Князь Александр Невский, строго говоря, в Пскове не княжил, он освобождал его. Князь Александр Тверской княжил в Пскове в 1327-1330 и 1332-1337 гг. Александр Ростовский княжил в Пскове несколько раз на протяжении 1410-1434 гг. Но признанию его автором Псковской Судной грамоты мешает послание митрополита Киприана от 12 мая 1395 г. в Псков, в котором упоминается грамота великого князя Александра. Кого из князей имел в виду Киприан, ответить трудно, так как, с одной стороны, титул *великого* мог быть присвоен только Александру Невскому (по мнению Н. Калачова), а с другой - летописи именуют *великим* и Александра Невского, и Александра Тверского. В пользу признания последнего говорит тот факт, что Иван III отверг Псковскую Судную грамоту на том основании, что она составлена не великими князьями, чего он не мог бы сказать об Александре Невском (С.В. Юшков, И.Д. Мартысевич, А.А. Зимин).

Князь Константин (Константин Дмитриевич Белозерский) - брат Василия I, княжил в Пскове в 1407 и 1412 гг.

Помимо грамот князей и их последующих дополнений в Псковскую Судную грамоту вошли и нормы обычного права (псковские пошлины). По мнению некоторых авторов (например, Б.Б. Кафенгауза, Ю.Г. Алексеева), грамота являлась правовым памятником, нормы которого постоянно развивались. Б.Б. Кафенгауз видит в Псковской Судной грамоте, во-первых, древнейшую псковскую грамоту, судебный устав, грамоту князя Александра (ст.ст. 1, 7-13, 20-27, 34-37, 46-50), во-вторых, специальный устав (подобный уставу о *резах* Владимира Мономаха - ст.ст. 14-19, 28-33, 38-41, 45).

Вместе же первые 50 статей составляли первую редакцию Псковской Судной грамоты, принятую на вече в 1397 г. Ю.Г. Алексеев также считает первой редакцией Свод 1397 г., в который в переработанном виде вошла грамота Александра Невского, вторую редакцию относит ко времени княжения Константина (1409-1424 гг.), и, наконец, дошедшую до нас последнюю редакцию ко времени после 1462 г.

Заголовок дает некоторое представление о законодательном процессе в Пскове: после одобрения духовенством закон принимался на вече.

1. *Вот дела (подлежащие суду) князя. Если обокрадут кладовую, запертую на замок, или сани, покрытые полостью, или воз, перевязанный ремнями, или лодку, крытую лубом, или (зерно) из ямы, или украдут скот или возьмут сено с верхушки стога, то это все дела, подсудные князю, а штрафа (князю) взыскивается 9 денег. А за разбой, насильственный захват (чужой недвижимости) или грабеж (следует платить) 70 гривен, а штрафа князю 19 денег и (судебных пошлин) 4 деньги.*

Соотношение денежных единиц в XV в.:

1 рубль = 220 денег;

1 гривна кун = 7 1/3 денги,

т.е. 1 рубль = 30 гривен = 220 денег.

В статье говорится о княжеской юрисдикции. Выделены *кража*, *разбой, находъ, грабеж.* В последующих статьях говорится о суде князя по делам о *бое*, об *убийстве,* о *земле* и др. Таким образом, можно согласиться с мнением А.А. Зимина и Ю.Г. Алексеева о широких судебных полномочиях князя. Князь судил в составе коллегии - *господы*, в которую входили посадники и сотские.

Закон не говорит о размере ущерба, нанесенного кражей, внимание обращено лишь на характер хищения: по существу, как отмечает Ю.Г. Алексеев, это разные случаи кражи из закрытого помещения.

Вторая часть статьи говорит о преступлениях, представляющих значительно большую опасность: *разбой, находъ, грабеж*. Разбой - наиболее опасное преступление. Он упоминается в Русской Правде, наказание за разбой самое суровое - *поток и разграбление,* или *вира,* в которую не вкладывается община.

В памятниках XV в. термин *разбой* сохранил значение неспровоцированного убийства с целью грабежа, вооруженной засады на дорогах с той же целью. По-видимому, в данном значении употребляется термин *разбой* и в Псковской Судной грамоте.

На тяжесть перечисленных преступлений указывает размер штрафа, определенного законом, - 70 гривен. Вряд ли можно согласиться с мнением В.О. Ключевского и А.А. Зимина о том, что 70 гривен - это описка, а пра-

вильно надо читать 9 гривен. Сама тяжесть деяния предполагает суровость наказания.

Если учесть, что преступления, предусмотренные этой частью ст. 1, могли сопровождаться убийством или угрозой убийства, то вряд ли наказание за них могло быть равное наказанию за кражу сена из стога. Поэтому штраф в 70 гривен (или 2,3 рубля) представляется вполне допустимым (ср.: 2 рубля за оскорбление, выразившееся в вырывании бороды; 1 рубль за убийство).

Спорным является вопрос о характере 70-гривенного вознаграждения: компенсация ли это потерпевшему (Ю.Г. Алексеев) или штраф в пользу Пскова (А.А. Зимин)? Последняя точка зрения представляется верной. Несмотря на важную роль, какую играл в Пскове князь, он все же выполнял, пользуясь современным языком, функции чиновника. В отличие от Киевской Руси, где великокняжеская казна составляла единое целое с личным имуществом князя, в Псковской феодальной республике такого единства быть не могло. Поэтому в Русской Правде мы видим, как правило, два вида денежных взысканий за преступление: штраф в пользу князя *(вира, продажа)* и компенсация потерпевшему *(головничество, урок)*; иногда определялись отчисления в пользу людей князя (вирника, емца). В Псковской Судной грамоте другая картина: *продажа* распределяется между князем, посадниками и Псковом (государством, казной). Денежная компенсация потерпевшему определяется в грамоте не всегда.

2. Князю, посаднику и наместнику архиепископа не (следует) пересуживать дела, решенные судьею; судьи и (архиепископский) наместник (также) не пересуживают дела, решенные князем.

В статье речь идет о разграничении суда светского и духовного *(владычню наместнику* дела, подсудные светскому суду, не судить). Особо оговаривается княжеский суд: дела, подсудные княжескому суду, не могут рассматриваться и пересматриваться ни местным судом, ни судом духовным.

Статья дает представление о том, кем осуществлялся суд в Пскове.

Помимо княжеского суда, речь о котором шла в ст. 1, существовал особый суд наместника новгородского архиепископа (см. Новгородскую Судную грамоту), кроме этого, имелись судьи, вершившие суд на местах.

Комментирование статьи во многом зависит от того, относятся ли слова *князю и посаднику* к окончанию ст. 1 (как в настоящем издании, а также в изданиях Археографической комиссии 1914 г., И.Д. Мартысевича 1950 г., Л.В. Черепнина и А.И. Яковлева 1940 г.) или к ее началу ст. 2 (как у А.А. Зимина в Памятниках русского права). В интерпретации А.А. Зимина речь в статье идет о невозможности пересмотра князем, посадником и владычным наместником дел, уже решенных местными судьями. Ю.Г.

Алексеев предпочитает видеть в первых двух статьях грамоты одну статью, мотивируя это палеографическими особенностями текста, однако внутри статьи вторую ее часть выделяет в смысловом отношении так же, как А.А. Зимин.

3. Если какой-либо посадник вступает в исполнение своих обязанностей, то ему (следует) присягнуть в том, что он будет (впредь) судить действительно в соответствии с присягой, и не будет присваивать городских судебных пошлин с горожан, пользоваться правом суда в целях личной мести кому-либо, решать дела по дружбе, правого осуждать, а виновного оправдывать, (а также) без расследования осуждать на суде или на вече.

Статья содержит текст присяги, которая давалась посадником при вступлении в должность. Эта присяга является древнейшей из дошедших до нас. Так, в Новгородской Судной грамоте имеется только упоминание об обязанности судей судить по крестному целованию. Князь приносил присягу при вступлении на стол.

Конец статьи трактуется по-разному. И.И. Полосин считает, что текст не содержит пропуска и поэтому речь идет о суде на вече (*на суде на вечи)*. И.Е. Энгельман, а за ним Л.В. Черепнин и А.И. Яковлев при переводе этого фрагмента допускают возможность чтения *ни на суду, ни на вече,* а А.А. Зимин предлагает именно так и читать текст статьи, поскольку трактовка статьи И.И. Полосиным противоречит ст. 4 Псковской Судной грамоты, запрещающей князю и посаднику судить на вече.

В.О. Ключевский, считая, что общеуголовные дела рассматривались на суде князя *на сенях,* а политические - на вече, понимает слова *погубити на суду* как ложное обвинение в общеуголовном преступлении, а *погубить на вече* - ложно обвинить в политическом преступлении.

Употребление в статье термина *куны* говорит о раннем ее происхождении. Этим многие исследователи объясняют ее видимое противоречие со ст. 4, появившейся позднее.

4. Князь и посадник на вече не судят, им (следует) судить в княжеских хоромах, руководствуясь в соответствии с присягой (псковским) законом. Если же они будут судить не по закону, то пусть их осудит бог на втором пришествии Христа. А незаконных взяток не взимать ни князю, ни посаднику.

В ст. 4 говорится уже вполне определенно о том, что на вече ни князь, ни посадник суд не осуществляют. Упоминаний о суде веча, за исключением данной статьи и ст. 3, в Псковской Судной грамоте нет, хотя во

многих статьях говорится о суде князя, посадников, сотских (т.е. *господы*), владычного наместника, наместников князя. Поэтому можно признать справедливой точку зрения М.Ф. Владимирского-Буданова и Ю.Г. Алексеева об ограничении в XV в. функций псковского веча в области судопроизводства. Посадник не может судить на вече (а ведь именно он *ведет* народное собрание). Правда, летописи содержат примеры суда на вече в Пскове, относящиеся даже к 1509 г., а также вечевого суда в Опочке в 1477 г. (жители Опочки были наказаны за это).

Суд происходит в княжеском доме, но судят князь и посадник вместе, коллегиально. Судят по крестному целованию, по законам, по справедливости. Однако реальных гарантий от неправого суда грамота не дает, указывая лишь на наказание на *втором пришествии.*

Статья осуждает также и взяточничество - *тайный посул.* Представляется неверной точка зрения В.О. Ключевского и А.А. Зимина, согласно которой законодатель обращает внимание на слово *тайный,* в то время как явный, «законный» гонорар чиновнику допускался. *Посул* - слово, имевшее в русском языке несколько значений. Это и обещанная плата, и выкуп, и пошлина, и взятка. Причем в нормативных актах и в сходном контексте *посул* употребляется в значении «взятка» (см., например, послание Белозерского игумена Кирилла князю Андрею 1408-1413 гг., договорную грамоту Новгорода 1426-1461 гг. и, наконец, Судебник 1497 г.). Сочетание *тайный посул* в данной статье имеет, таким образом, цель усилить смысл запрета, а не противопоставить тайный, запрещенный законом посул явному, вполне дозволенному.

5. Если какому-либо княжескому слуге (придется) поехать наместником во (псковский) пригород, то ему (следует) присягнуть в том, что он будет желать Пскову (всяческого) добра и судить действительно, в соответствии с присягой. А если ему (придется) поехать на какое- либо ...

Статья не завершена. Первая ее часть говорит о присяге при вступлении в должность наместника – должностного лица, осуществлявшего управление и суд в *пригороде.* Вполне справедлив, вероятно, вывод Л.В. Черепнина, А.И. Яковлева и Б.Б. Кафенгауза о том, что вслед за этой статьей должны были идти ст.ст. 77-83, говорящие о суде и о присяге местных судей, о межевщиках, судейских приставах и т.п.

В состав Псковской феодальной республики входили 12 *пригородов*, т.е. городов и волостей, признававших власть Пскова. Несмотря на то что *пригороды* были вечевыми городами и самостоятельно избирали администрацию, наместников в *пригороды* присылали из Пскова. Причем в первые годы существования республики наместники эти назначались Псковом, но постепенно право назначать наместников получили и князья. До XV в. князь посылал своих наместников только в два *пригорода* - в по-

граничные, важные в стратегическом отношении города Изборск и Остров; но постепенно это право распространилось и на другие *пригороды.* С 1414-1428 гг. число *пригородов,* куда князь посылал своих наместников, увеличилось до 7, а с 1467 г. князь посылал своих наместников во все 12 *пригородов.* Но, как видно из статьи, наместник должен был принести присягу верности Пскову и его законам, подобную той, какая содержится в ст. 3 Псковской Судной грамоты (присяга посадника).

6. Если какой-либо (степенный) посадник оставит свою должность, (то он должен) сам закончить судебные дела; другой же (посадник), заняв его место, решенные им судебные дела не пересматривает.

В статье говорится о порядке рассмотрения дел в случае переизбрания посадника. Согласно сложившемуся правилу, дело должен был рассматривать и выносить по нему решение тот посадник, который начал его слушать (ср. Новгородская Судная грамота, ст. 20). Такой порядок достаточно справедлив и логичен. Дело не прерывается и его не начинает рассматривать новый посадник, иначе открывалась возможность произвола и волокиты. Невозможность пересмотра уже решенного судебного дела вполне соответствует положениям ст. 2.

7. Вора, обокравшего (псковский) Кремль, конокрада, изменника и поджигателя в живых не оставлять.

Статья вводит новый вид наказания, не знакомый Русской Правде, - смертную казнь. Нельзя, однако, согласиться с И.Д. Мартысевичем в том, что с этого времени денежный штраф - *продажа* - хотя и применялся еще широко как наказание, однако уже отошел на второй план. Известны только две статьи (ст.ст. 7 и 8), предусматривающие смертную казнь; в подавляющем большинстве случаев по-прежнему применялась продажа. Сомнительно также утверждение А.А. Зимина, что введение смертной казни для изменников, поджигателей и воров (в случае совершения квалифицированной кражи) доказывает ярко выраженный классовый характер этого установления, использовавшегося против попыток открытых выступлений народных масс. В данном случае можно говорить об интересах общества в целом, которые защищаются правом. В ст. 7 перечислены преступления, представлявшиеся во времена грамоты наиболее опасными: измена, поджог, *кримская* кража, конокрадство. О случаях совершения этих преступлений доносит до нас летопись. И хотя летописание находилось в руках господствующего класса, мы не встречаем упоминаний о *перевете* в смысле выступлений народных масс.

В статье содержится перечень наиболее опасных преступлений. Уровень развития уголовного права в то время не был достаточно высок для того, чтобы законодатель отграничивал преступления по объекту посягательства на государственные и общеуголовные. Поэтому деяния, которые с точки зрения современного уровня развития уголовного права относятся к категории особо опасных государственных преступлений (измена), стоят рядом с имущественными преступлениями (конокрадство). С точки зрения законодателя конокрадство было так же опасно, как и измена.

Много споров велось по вопросу о том, какое воровство называли *кримским*. Н.Н. Мурзакевич и Ф.Н. Устрялов считали, что это воровство из помещения, клети (храмины), М.Ф. Владимирский-Буданов и вслед за ним С.В. Юшков доказывали, что речь идет о краже церковного имущества, М.М. Исаев видит в этом преступлении кражу имущества из церкви, т.е. не только непосредственно церковного имущества, но и нецерковного, хранившегося в церкви (чаще всего в подклети). А.И. Яковлев, Л.В. Черепнин, И.Д. Мартысевич, А.А. Зимин, Ю.Г. Алексеев рассматривают *кримскую татьбу* как кражу из Кремля (Крома).

Такое разнообразие мнений было вызвано опиской при переписке грамоты. Уже в XVII в. неизвестный читатель Псковской Судной грамоты приписал на полях у трудно понимаемого слова *кримской* слово *храмской*, т.е. увидел здесь кражу церковную. Толкование *кримской татьбы* как Кромской, т.е. кражи из Кремля, обосновывают значением Кремля как места хранения казны, припасов, документов и отсюда выводят особенную опасность такой кражи. Ссылаются также на указание ст. 8 о том, что вор-рецидивист наказывается так же, как *кромский* вор. Тем не менее представляется все же более верной точка зрения М.М. Исаева, поскольку значение кончанских церквей для *конца* было такое же, как Кремля, для всего Пскова: в них хранились и запасы пороха, и продукты, и товары. Поэтому они также нуждались в усиленной охране.

Конокрадство на Руси издревле рассматривалось как наитягчайшее преступление. Ю.Г. Алексеев считает, что есть закономерность в том, что преступления, караемые по Русской Правде потоком и разграблением (т.е. наиболее суровой мерой наказания), наказываются по Псковской Судной грамоте смертной казнью. К этим преступлениям относятся конокрадство и поджог. В грамоте к ним добавляются измена и *кримская татьба*, но нет упоминания об убийстве в *разбое*. Появление этих новых составов преступлений действительно было вызвано новыми условиями XIV-XV вв., пограничным положением Пскова. Однако объяснение отсутствия в грамоте статьи об убийстве в *разбое* действием норм Русской Правды в данном случае вызывает сомнение. Отношение к тем или иным видам преступлений со временем менялось, и то, что признавалось особо опасным в одно время, в другую эпоху таковым уже не считалось. Поэтому если во времена Русской Правды разбойников выдавали князю на *поток и разграбление,* то отсюда вовсе не следует, что во времена Псковской Судной грамоты их

надо было казнить смертной казнью. В грамоте имеются ст.ст. 1 и 96, которых вполне достаточно для наказания разбойника-убийцы. Кроме того, в настоящее время трудно определить, что было опаснее с точки зрения древнего псковича: убийство в *разбое* или конокрадство? Во всяком случае, известно, что вплоть до XX в. конокрады в деревнях подвергались самосуду, а что касается разбойников, то их поимкой больше интересовались государственные органы.

8. Если что-либо будет украдено на посаде, то дважды (вора) милуя, не лишать жизни, а, уличив (в воровстве), наказать в соответствии с его виною; если же он будет уличен в третий раз, то в живых его не оставлять (так же), как и вора, обокравшего Кремль.

Несмотря на то, что текст статьи в значительной степени испорчен описками переписчика, смысл ее вполне ясен. Статья определяет наказание за кражу на посаде. В ней дается определение рецидива, которое характеризуется как троекратное совершение преступного деяния. Троекратность совершения преступления показывает особую опасность преступника, на которого не действуют меры, применяемые по отношению к ворам обычным. Это позволило приравнять вора-рецидивиста к *кромскому татю.* Санкция статьи относительно неопределенная, как и в ст. 7: нет конкретного вида смертной казни. Летописи говорят о том, что Псков знал смертную казнь через повешение, сожжение, утопление.

9. Если начнется с кем- либо судебный процесс о полевой земле или о воде, причем на той же земле окажется двор или распаханное поле а (одна из сторон) пашет и владеет этою землею или водою года 4-5, то той стороне (следует) сослаться на (свидетельство) человек четырех-пяти соседей. Если же соседи, на которых указала одна из сторон, прийдя (на судебное разбирательство), скажут по совести, что действительно тот человек, который сослался (на их показания), пашет и владеет тою землею или водою года 4-5, а противная сторона в течение трех лет не судилась (с ним) и не предъявляла претензий истца, а ответчик - от дачи присяги (в подтверждение своих прав); истец, не судившийся и не предъявлявший претензий (на землю или воду), таким образом, не получает удовлетворения по иску.

Статья определяет порядок приобретения права собственности по давности владения. Разрешение подобных споров основывается на показаниях свидетелей. Ю.Г. Алексеев считает, что такой порядок связан с пережитками общинного строя и касается спора между общинниками. Но можно предложить и иное решение вопроса. Спор о земле разрешается на ос-

новании показаний свидетелей не потому, что на землю нет никаких документов, а потому, что документы эти, независимо от того, есть они или их нет, - не имеют значения. Суть заключается в том, что владение и пользование пахотной землей в течение 4-5 лет уже сами по себе предполагают возникновение права собственности. Возникновение права собственности на недвижимость по давности нельзя рассматривать как пережиток общинных отношений и связывать только с внутриобщинными отношениями. Напротив, наличие этого института свидетельствует о развитии права собственности, а не о том, что мы имеем здесь дело с «общинным правом». А поскольку ст. 9 говорит об оспаривании возникновения права собственности, то нет никакого противоречия между этой статьей и ст. 78, определяющей порядок разрешения споров на землю между собственниками. То же самое можно сказать и о ст. 106, которая приводится Ю.Г. Алексеевым в защиту аргумента об архаичности нормы, содержащейся в ст. 9. Статья 106 опять-таки говорит о случае, когда на землю претендуют два собственника, а ст. 9 неприменима, так как не прошло тех 4-5 лет, когда владелец пахотной земли мог бы приобрести на нее право собственности по давности.

Дело решается *господой*, как и в случае, предусмотренном ст. 10. Вполне справедливо замечание Ю.Г. Алексеева о том, что число свидетелей в статье названо не случайно: 4-5 свидетелей, причем свидетелей особых - соседей, называют и другие статьи Псковской Судной грамоты (27, 55, 56).

10. Если начнется судебный процесс о лесных угодьях, и обеими (сторонами) будут представлены документы на одну (и ту же) землю, причем документы (одной из сторон) будут противоречить документам (другой из сторон), то пусть обе тяжущиеся стороны, взяв межевщиков, укажут границы спорного участка в соответствии с документами, затем, став перед господою, подтвердят расследование о межах, произведенное межевщиками (и после этого) дело должно решиться поединком (тяжущихся сторон).

Статья говорит о порядке разрешения споров о праве собственности на лесные участки. В отличие от предшествующей статьи ст. 10 предлагает разрешать спор на основании изучения грамот на землю, представленных спорящими сторонами, а в случае недостижения решения - определить правую сторону при помощи поединка. Встает вопрос, почему по ст. 9 спор разрешается показаниями свидетелей, а по данной статье решающим доказательством являются грамоты и поединок. И.И. Полосин и вслед за ним Ю.Г. Алексеев усматривают в ст. 9 пережитки общинного суда; статья же 10 свидетельствует уже о новой стадии в развитии феодального права. Однако представляется верной иная точка зрения, предложенная И.Д.

Мартысевичем. Он видит в ст. 9 способ возникновения права собственности по давности владения. Но этот порядок возможен лишь по отношению к пахотной земле: легко можно доказать пользование пашней на основании показаний соседей-свидетелей. Что же касается владения участками леса, то показания свидетелей здесь не могут быть применены. Поэтому не может возникнуть и право собственности по давности, а отсюда и иной порядок разрешения спора: только на основании грамот, подтверждающих право собственности и *поля*.

11. Кто же (из тяжущихся будет побежден своим соперником (на поединке), (тот признается стороной, проигравшей процесс).

Статья не завершена. В тексте имеется пропуск. И.Е. Энгельман предлагает читать конец статьи так: *переможе(ет на поли, ино тому присужать землю по его грамотам)*. А.А. Зимин дает более краткий вариант: *переможе(ет, ино того человека повинити)*.

Если предположить, что статья является непосредственным продолжением предшествующей, то можно принять реконструкцию А.А. Зимина, т.е. побеждает сторона, выигравшая поединок. Правда, это было слишком уж очевидно для законодателя, чтобы специально оговаривать.

12. Если какая-либо тяжущаяся сторона (предъявит на процессе документы, которые будут отвергнуты на основании другой стороны), то ее (следует) признать виновной и документы ее признать недействительными, а стороне, выигравшей процесс, выдать на ту землю (которая была объектом иска), судницу, а судебных пошлин князю и посадникам со всеми сотскими взять 10 денег.

...грамоты его посудить - 1) по его грамотам производить судебное разбирательство (Ф.Н. Устрялов); 2) не принимать грамоты во внимание (Н.Н. Мурзакевич); 3) грамоты его признать недействительными (Л.В. Черепнин, А.И. Яковлев).

В статье имеется пробел, где уместилось бы примерно 15 знаков. И.Е. Энгельман в своем варианте реконструкции текста предлагает читать: *истец (а будет побит с своими грамотами)*. А.А. Зимин несколько меняет текст: *будет побит по грамотам*.

Из текста статьи ясно, что земельный спор решается *господой* (князь, посадник, сотские); установлен размер судебной пошлины, вероятно, общий для всех случаев рассмотрения *господой* земельных споров, поскольку в предшествующих статьях ее размер не определен. Решающим доказательством в деле является результат судебного поединка. В зависимости от его исхода и определяется действительность грамот. В ст. 12 определена завершающая стадия судебного разбирательства: судебный по-

единок выявил выигравшую сторону, выносится решение, в котором одна из предъявленных грамот на участок земли признается недействительной.

13. Если кто-либо у кого станет отнимать землю, ссылаясь на право выкупа, а тот, на чью землю покушаются, предъявит на процессе документы, доказывающие давность его владения (тою землею), то дело передается на усмотрение последнего: он может истца вызвать на поединок или привести к присяге, (чтобы выяснить), на основании какого срока выкупа тот покушается на землю его.

Статья регламентирует порядок разрешения споров, возникающих из права выкупа земли. Право «родового выкупа» земли представляет древнейший институт феодального права (этот институт в России просуществовал практически до 1917 г.). Однако более интенсивное по сравнению с другими областями Русского государства развитие в Псковской земле товарно-денежных отношений наложило отпечаток и на право родового выкупа. Право выкупа ограничивалось, во-первых, сроками давности и, во-вторых, самим порядком разрешения спора. Лицо, владеющее землей на основании каких-либо сделок, удостоверенных грамотами, само решает, избрать для разрешения спора судебный поединок или присягу истца.

14. Если кто-либо, предъявив домашнюю расписку, станет взыскивать с наследников, отданное на сохранение (наследодателю) имущество: деньги, одежды, драгоценности или что-либо иное из движимого имущества, а (окажется, что) умерший оформил свое завещание в письменной форме и положил его в (псковский) архив, - то к наследникам нельзя предъявлять иска (об отданном на хранение имуществе), если он не подкреплен завещанием; нельзя (также) искать на наследниках и ссуды, не обеспеченной залогом и записью. Если же (у истца) будет заклад или запись (подкрепляющие его претензии к наследникам), то он может ссылаться на (эту) запись, или залоговую сделку. Если у наследников умершего не окажется ни залога, ни записи, составленной покойным (которой они могли бы подкрепить свои претензии к какому-либо лицу), то они не могут предъявлять иска (к нему) ни о займе, ни о торговой ссуде, ни об имуществе, отданном на хранение.

В Псковской Судной грамоте значительное место уделено регулированию гражданско-правовых отношений. Статья расчленяется некоторыми авторами на несколько небольших статей (например, Ю.Г. Алексеев полагает, что в ст. 14 содержатся три статьи).

Статья регулирует широкий круг отношений. Прежде всего она содержит положение о наследовании по завещанию - *рукописанию.* К заве-

щанию предъявляются определенные формальные требования: оно подлежит хранению в архиве Кремля; в нем должны указываться все долги завещателя, а также, по-видимому, должны оговариваться все сделки, участником которых являлся наследодатель, и, в частности, должен содержаться перечень имущества, взятого или сданного наследодателем на хранение. Наследовать по завещанию, как показывают грамоты, найденные при раскопках Новгорода, могли не только члены семьи завещателя, но и иные лица. Часто в роли наследников по завещанию выступали монастыри. Тот факт, что письменно оформленные завещания были найдены и в Новгороде, говорит об их широком распространении. В завещаниях подробно указывалась судьба имущества завещателя.

Статья позволяет также установить порядок заключения ряда гражданско-правовых договоров, и прежде всего договора хранения. Если в Русской Правде это скорее товарищеская услуга, то в Пскове, крупном торговом центре Руси, договор поклажи в силу его распространенности, а также из-за того, что на хранение стали отдаваться значительные ценности (деньги, одежда, украшения), изменил свою сущность. Для того чтобы получить защиту закона в случае нарушения условий договора, необходимо было его юридически оформить, причем оформить письменно (документом, копия которого хранилась в архиве Троицкого собора). Точно такой же порядок существовал и при оформлении договора ссуды (за некоторыми исключениями). И.Д. Мартысевич считает, что речь в ст. 14 идет исключительно о ссуде, П.Н. Мрочек-Дроздовский видит здесь возможность понимать ссуду и как заем. Последнее вполне вероятно. Хотя Псковская Судная грамота и знает особый термин *заим*, все же из контекста ст. 14 можно заключить, что обязательства из договора займа также регулируются подобным образом. Договор ссуды мог гарантироваться не только записью, но и закладом. В.О. Ключевский считал, что запись должна была сочетаться с закладом.

В статье среди различных видов договоров упоминается и *торговля.* По-видимому, можно согласиться с А.А. Зиминым, что здесь имеется в виду договор «купеческого займа» (как в Русской Правде).

Если договор поклажи или ссуды был оформлен надлежащим образом, то обязательства из договора распространялись и на наследников по завещанию - в любом случае и в полном объеме.

15. Если после какого-либо умершего останутся отец или мать, или сын, или брат, или сестра, или кто-либо из ближних родственников, владеющих движимым имуществом покойного, но только не из числа посторонних людей, то они могут предъявлять иски, не ссылаясь на залог и на запись, составленную умершим; (на тех же основаниях) можно и к ним предъявлять иски.

Статья 15 тесно связана со ст. 14: делается исключение для близких родственников наследодателя. При переходе к ним наследства не требуется соблюдения всех формальностей, обязательных для *сторонних* людей. Родственники могли *искать* и отвечать по договорам наследодателя и без записи или залога.

Возможно, что применение статьи ограничивалось случаями, когда дела по искам возникали между родственниками. Логически это подтверждается тем, что среди членов семьи сделки вряд ли заключались с соблюдением необходимых формальностей. Именно это обстоятельство и могло учитываться законодателем. Однако текст статьи не исключает возможности применения ее в случае, если наследником является близкий родственник, а противной стороной - чужие люди.

16. О хранении (имущества). Если кому (кто-либо отдаст что-нибудь (на сохранение) и это (имущество) у того погибнет во время грабежа или) пожара или народного восстания, а тем временем лицо, взявшее на хранение это (имущество), будет запираться (т.е. отрицать получение имущества на хранение), то лицу, взыскивающему (свое имущество), можно (судом) добиваться удовлетворения своих претензий.

Все ученые практически сходятся на том, что речь в статье идет о разновидности договора поклажи, который заключен между псковитянином и лицом, приехавшим из чужой земли. Далее, однако, взгляды расходятся. А.А. Зимин считает, что статья говорит о случае, когда имущество пропало у поклажепринимателя во время пожара, грабежа. И.Е. Энгельман, М.Ф. Владимирский-Буданов видят особые условия в момент заключения договора: пожар, восстание народа, т.е. именно эти обстоятельства и побудили собственника передать вещь на хранение. Н.Л. Дювернуа характеризует этот договор как depositum miserabile.

Последняя точка зрения представляется более соответствующей грамоте. Только в том случае, если договор поклажи заключается в условиях бедствия, к нему нельзя предъявлять требований, установленных ст. 14, о необходимости сделать запись. При наличии записи, копия которой хранится в архиве Троицкого собора, вряд ли возможно «запирательство» поклажепринимателя, а при отсутствии записи нельзя предъявить иск.

Многие ученые объединяют ст. 16 со следующей статьей, рассматривая их как одну.

17. (Если же кто), приехав из чужой земли через неделю после пожара или грабежа (предъявит иск об имуществе, отданном на хранение), а ответчик будет отрицать (дачу ему этого имущества), то дело передается на усмотрение того (к кому предъявлен иск): он может присяг-

нуть или выйти на поединок (с истцом) или возвратить истцу на суде (отданное на хранение имущество).

Необычный порядок заключения договора хранения вызывает и необычные способы доказательства своей правоты. Суд принимает в качестве доказательства присягу ответчика, поединок, присягу истца.

И.Д. Мартысевич видит в статье указание на срок давности; по его мнению, иск в таком случае может быть подан только в течение недели после возвращения собственнику вещи, сданной на хранение, или спустя неделю после пожара. Л.В. Черепнин, наоборот, рассматривает выражение «за неделю» как предоставление истцу права требования лишь неделю спустя после происшествия.

18. Если кто по волости ходит, из поступивших в закупни, или из скотников, также предъявит иск об отданном на хранение имуществе или хлебе, то господе, расследовав дело, также (следует) передать его на усмотрение того, к кому предъявлен иск: он может присягнуть или выйти с истцом на поединок или возвратить истцу на суде (отданное на хранение имущество или хлеб).

Договор хранения заключается с лицом, не имеющим постоянного места жительства и живущим в сельской местности (по *волости ходит)*. Видимо, это лицо, принадлежащее социальным низам, выполняющее работы на пашне или скотном дворе. Такое обстоятельство, а также сложность оформления записи в сельской местности приводили к тому, что разрешалось заключение договора без соблюдения общеустановленных правил.

19. Если кто-либо будет взыскивать отданное на сохранение имущество, ссылаясь на давно полученные доски, в которых (к тому же) нет поименного перечисления (этого имущества), то его иск не удовлетворяется.

Статья завершает раздел, посвященный договору хранения (ст.ст. 14-19). Здесь излагается общий порядок заключения договора поклажи. М.Ф. Владимирский-Буданов считает, что иск из договора поклажи не подлежит удовлетворению, если договор: а) оформлен *доской*; б) нет поименного обозначения вещей; в) пропущен срок. М.М. Богословский, напротив, считает, что иск по *доскам* и без поименного обозначения вещей не удовлетворяется лишь в случае истечения срока давности.

20. Если кто-либо возбудит против кого-нибудь процесс по обвинению в избиении или в ограблении, то, вызывая ответчика в суд повесткой, князю, посадникам и сотским (следует) произвести расследование, имеются ли свидетели (послухи, бывшие на том месте), где (истец) обедал или где ночевал (в день избиения или ограбления); если свидетель назовется на розыске его соночлежником или обедавшим вместе с ним, (то следует) также опросить и избитого (о месте), где его били и грабили, заявлял ли он о случившемся (кому-нибудь), чтобы он мог сослаться на тех (кому он заявлял); если тот, на кого сошлются, прийдя на суд, скажет по совести, что избитый заявлял ему об избиении и ограблении, а свидетель, прийдя на суд, даст свои показания, согласно с ним, то дело передается на усмотрение того, к кому предъявлен иск: он может выйти и на поединок со свидетелем или перед свидетелем на суде возвратит (награбленное).

Статьи 20-24 посвящены процессу. Центральное место в процессе по делам о *бое* и грабеже отведено свидетелю - *послуху.* Послух в процессе играет активную роль: свои показания он должен защищать в поединке, причем заменить себя наймитом не вправе. Статья 20 определяет порядок допроса истца и его послуха. Прежде всего суд должен удостовериться, что послух действительно находился вместе с истцом. Затем допрашивается истец, выясняется, показывал ли он кому свои побои и говорил ли о грабеже. Люди, которым он предъявлял *бой и грабеж*, также допрашиваются. Они должны подтвердить показания истца. Но самым важным свидетельством правоты истца должно быть совпадение его показаний с показаниями послуха. Само дело решает поединок послуха с ответчиком или присяга.

21. Если (тот, кому придется выступать на поединке) напротив послуха (окажется) старым или малым, или калекой, или попом, или монахом, то (ему) можно (вместо себя) нанять наймита, для участия в поединке с послухом; послух же наймита не выставляет.

В статье определен круг лиц, имеющих право поставить за себя наймита в случае обвинения в *бое* и грабеже (см. ст. 36 грамоты).

22. Если свидетель, на (показания) которого сошлется одна из сторон, не явится (на судебное разбирательство) или, явившись на суд, не подтвердит ее показания, или скажет что-либо противоречащее (им), то этот свидетель перестает рассматриваться свидетелем (данной стороны), а иск стороны, выставившей его (на судебное разбирательство), не удовлетворяется.

По статье можно определить значение показаний послуха. Неявка послуха в суд и противоречивость его показаний автоматически ведут к проигрышу дела истцом.

23. Если какая-либо сторона (обвиняя другую) (в избиении) сошлется на (показания) свидетеля, а обвиняемый (отведет его (показание)), заявляя (при этом): «он сам меня бил с тем своим свидетелем, а теперь на его (показание) ссылается», то свидетелем (следует признать) того, кого утвердят на суде.

Статья очень тесно связана с предшествующей и особенно последующей статьями. Вряд ли можно согласиться с А.А. Зиминым в том, что в статье говорится об отводе послуха истца на основании показаний ответчика. Закон разрешает ответчику уже во время судопроизводства выдвигать послуха в свою защиту.

24. Если же обвиняемый в разбое не станет ссылаться на показания свидетеля (противной стороны), то, чтобы (на показания свидетеля) не ссылался (только) один истец, господе (следует) послать с суда своих представителей (для расследования обстоятельств дела), а сторону, отказавшуюся ссылаться (на показания свидетеля противной стороны), из-за (этого) отказа не признавать виновной. Пусть господа не удивляется этому псковскому установлению.

Статья интересна тем, что подчеркивает активную роль судей в процессе, что не свойственно состязательному процессу. Суд ведет следствие, посылает своих людей на место для выяснения обстоятельств дела.

25. Если же какой-либо судебный исполнитель будет послан для вызова стороны на суд, а эта вызванная (сторона) не придет на погост к церкви для чтения (судебной) повестки или (вообще) скроется, когда ей будут вручать повестку, то повестку прочитать на погосте в присутствии попа; а если же тот, кто вызван повесткой, уклонившись от выполнения (своих) обязанностей, не явится на суд господы, то господе на пятый день (после прочтения повестки следует) выдать судебным исполнителям грамоту (с распоряжением о насильственной доставке его в суд).

Статьи 25-26 определяют порядок извещения ответчика и доставки его в суд. Интересно, что вызов ответчика в суд производился публично, на церковной площади, являвшейся центром территориальной общины. Однако закон делает упор именно на то, что это церковная площадь и что

позывница читается в присутствии священника. Если бы смысл статьи состоял в информировании в первую очередь общины, как полагает Ю.Г. Алексеев, то в качестве лица, которому зачитывается позывница, статья назвала бы старосту.

Видимо, нередки были случаи, когда ответчик пытался уклониться от суда; если в течение пяти дней он не являлся на суд, *господа* давала разрешение на его принудительную доставку.

26. Если какая-либо сторона возьмет (такую) грамоту (на противную сторону), то ей не (следует), задержав, согласно грамоте, ослушника, ни мучить, ни избивать его, а привести (на суд) к господе; также и приведенный по грамоте не должен драться со стороной (доставляющей его в суд); а если он применит оружие и совершит убийство, (головщину), то будет (судим), как убийца.

Статья продолжает предшествующую и говорит о принудительной доставке ответчика в суд. Грамота на принудительную доставку выдавалась *господой* истцу, который мог сам доставить в суд своего противника, а мог предоставить это приставу. Согласно ст. 64 грамоты, последним мог быть как княжий человек, так и псковский чиновник; мог им быть и простой псковитянин. Статья 26 особое внимание обращает на предотвращение самосуда в случае доставки ответчика самим истцом. Однако вряд ли можно понимать положение о *головщине* буквально, как убийство истцом ответчика. Если истец убивает ответчика, он и так должен ответить за убийство. Здесь, представляется, законодатель устанавливает ответственность за любой случай попытки истца самостоятельно расправиться с ответчиком.

Наказанием за *головщину* по Псковской Судной грамоте был штраф (ст. 96), поэтому мнение Ф.Н. Устрялова о том, что виновного предают смертной казни, неверно.

27. Если где-нибудь на рынке или на улице во Пскове или в пригороде или в сельской местности, на пиру изобьют кого-либо, избитый не будет ограблен, и это (избиение) на рынке, на улице или на пиру видели многие, а перед нами станут человек четыре-пять, заявив, «того (он действительно) бил», то, согласно их показаниям, лицо, нанесшее побои, подвергнуть (денежному взысканию) в пользу избитого, взыскав также (с оскорбителя) штраф в пользу князя. Если избитый станет обвинять (ответчика) и в грабеже, то он должен вести процесс, выставив одного свидетеля, потому что (для решения дела могут) присудить поединок.

Статья может быть условно разделена на две части. В первой говорится о *бое*, учиненном в публичном месте. Ю.Г. Алексеев рассматривает *бой на торгу* как самостоятельный новый состав преступления, появление которого свидетельствует о росте значения государственной власти. Однако такое мнение представляется недостаточно обоснованным. *Бой,* избиение - эти термины мы встречаем и в других статьях. Публичность *боя* не доказывает здесь того обстоятельства, что преступление преследуется по инициативе государства: суд начинается только по жалобе потерпевшего.

Особое внимание законодателя к месту совершения преступления объясняется особенностями процессуального рассмотрения дела. Дела подобного рода не требуют наличия послухов, так как правонарушение видело много людей, и свидетельств 4-5 из них вполне достаточно.

Вторая часть статьи говорит о случае, когда потерпевший обвинит своего обидчика еще и в грабеже. В этом случае судопроизводство идет обычным порядком, и потерпевшему необходимо выставить послуха, поскольку такое обвинение, как грабеж, влечет за собой возможность поединка послуха с ответчиком.

28. Если кто-либо станет взыскивать на ком-нибудь денежную ссуду по доскам, предъявив сверх того и залог (который ответчик признает своей вещью, отрицая факт залога), то дело передается на усмотрение того человека, кто станет взыскивать деньги, предъявляя залог: он может сам присягнуть (в том, что давал ссуду) и взять свои деньги, а может на суде возвратить залог ответчику, который, присягнув, пусть возьмет свой залог. В делах о ссудах, обеспеченных залогом, поединка не присуждать, а досок, обеспеченных залогом, недействительными не объявлять.

Статья начинает раздел, посвященный договору займа. Договор займа - более распространенный вид договора, чем договор поклажи. Способы его заключения различны. В.О. Ключевский отмечает три способа, влекущие за собой защиту в суде: 1) заем под обеспечение заклада с оформлением записи; 2) заклад с оформлением закладной *доски*; 3) заклад. Договор займа, заключенный без необходимых формальностей, судебной защите не подлежал. Тем не менее закон говорит в некоторых случаях и об охране займа по *доскам* (см. ст. 38).

Первый способ - оформление договора займа закладом и записью - явление, во времена Псковской Судной грамоты, видимо, еще не очень распространенное. Записью пользуются в особо важных случаях, и ее нельзя оспорить в судебном порядке.

Со вторым способом оформления договора займа мы встречаемся в данной статье. Так как *доска* не рассматривается в качестве документа, безусловно свидетельствующего о заключении договора займа, то возмож-

но возникновение споров. Исследователи грамоты по-разному определяют причину конфликта, легшего в основу ст. 28. И.Е. Энгельман, а вслед за ним и А.А. Зимин считают, что в данном случае истцом является кредитор, а должник-ответчик отрицает факт заключения договора займа, заложенную же вещь признает своей и считает отданной на хранение. М.Ф. Владимирский-Буданов видит в истце должника, отдавшего долг, а в ответчике - кредитора, не вернувшего залог. Первая точка зрения представляется более вероятной. Она, по крайней мере, соответствует тексту статьи, согласно которому истец и залогодержатель должны быть одним лицом.

Законодатель явно стоит на стороне залогодержателя, кредитора, предоставляя ему, хотя он и является истцом, право выбора судебного доказательства, причем среди доказательств отсутствует *поле*.

О третьем способе заключения договора займа говорит следующая статья.

29. Если какой-либо человек отдаст кому-нибудь под залог (взятых им) денег документы, или еще что-нибудь, а тот (в свою очередь), неожиданно, насильно доставит кредитора на суд или (просто) начнет тяжбу с ним на суде господы, причем у кредитора, который получил залог, не будет доски, подтверждающей залог, то лицу, отдавшему под залог (деньги), этого в вину не ставить, а проверив его показания, передать дело на его усмотрение: он может присягнуть, что давал деньги (под залог), или возвратить залог (противной стороне) на суде, и (эта сторона) пусть, присягнув, возьмет свой залог.

Статья показывает, какую большую роль играл заклад при заключении договора займа. Наличие заклада ставило закладодержателя в выгодное положение в случае возникновения спора. Ему было предоставлено право выбора доказательства: личная присяга или требование присяги другой стороны.

Статью трактуют по-разному. М.Ф. Владимирский-Буданов и другие видят здесь отрицание должником (пользующимся тем, что кредитор не успел еще получить закладную доску) самого договора займа. Залог же, находящийся у кредитора, должник объявляет своей вещью, отданной на хранение. В.О. Ключевский определяет в лице истца должника, который пытается выдать свой заклад за вещь, отданную на хранение.

30. Если кто-либо станет давать деньги взаймы, то без залога (обеспечивающего заем), и без записи, (фиксирующей заем), (следует) давать не более рубля, свыше рубля без залога и записи (взаймы) не давать. Если же кто-либо будет взыскивать денежную ссуду (на сумму) свыше рубля, не обеспеченную залогом, по доскам, то такие доски ко взысканию

не (следует) принимать, а того, к кому предъявлен иск (по делу о займе), оправдать.

Статья устанавливает общий порядок заключения договора займа: суммы свыше 1 рубля даются в долг только под заклад или оформляются записью.

По подсчетам Ю.Г. Алексеева, 1 рубль по Псковской Судной грамоте равен 3 гривнам Русской Правды. Таким образом, сумма, начиная с которой требуется особый порядок при заключении сделки, остается прежней. Замечание А.А. Зимина о том, что такой порядок был выгоден залогодержателям - представителям псковской городской верхушки, мало что объясняет. Здесь справедливо высказывание Ю.Г. Алексеева о том, что разница в оформлении ссуды отражает разницу в социальном масштабе сделки. Сделки свыше рубля заключались зажиточными жителями Пскова.

31. Если кто-либо взыскивает денежную ссуду, ссылаясь на доски и предъявляя сверх того залог, состоящий из одежды, доспехов, коня или чего-нибудь ценного из (движимого) имущества, то при ссылке на такой залог, (от которого отказывается ответчик), тяжбы о (ссудных) деньгах не учинять; если (ответчик) будет отказываться от своего залога, говоря (при этом) так: «я тебе этого не закладывал и у тебя ничего не брал (в долг)», то истцу (следует) владеть закладом, а того, к кому предъявлен иск, оправдать.

В статье показана роль залога как способа обеспечения исполнения обязательства. Должник, отказываясь от уплаты долга, терял свой залог. Речь здесь в первую очередь идет о договоре займа, поскольку ссуду серебра иначе, как заем, понять нельзя.

32. Если какой-либо человек поручится за другого, гарантируя уплату денег, взятых тем взаймы, а при взыскании кредитором с поручителя своих денег должник будет ссылаться на расписку, говоря: «я, брат, тебе выплатил деньги, обеспеченные порукой, вот у меня и расписка» (в том), что кредитору этих денег не взыскивать ни на должнике, ни на поручителе, то эту расписку (следует) признать недействительной, если во (Псковском) архиве не будет с нее списка, а истец (кредитор) пусть взыскивает свои деньги с поручителя, гарантировавшего уплату (денег по займу).

33. Порука обеспечивает займы (размером) до рубля, (при займах) больше рубля порука не является обеспечением.

Статья знакомит с еще одной формой обеспечения исполнения обязательств - поручительством. Поручительство может применяться в тех случаях, когда сумма долга или иного денежного обязательства не превышает 1 рубля. Закон не определяет, каким образом оформляется поручительство, но, оговаривая сугубо формальный порядок возвращения долга должником в случае наличия поручительства, дает сведения о формальном способе заключения *поруки.* При возвращении денег должнику необходимо сделать соответствующие записи не только в документе, имеющемся у него на руках, но и на копии, хранящейся в архиве Троицкого собора. Отсутствие соответствующей отметки в архивной копии вело к признанию невыполнения должником своего обязательства.

На основании ст. 30 договор займа на сумму меньше 1 рубля не нуждается в оформлении записью. Поручительство допускается в сумме, не превышающей 1 рубль. Значит, не сумма долга, а поручительство заставляет оформлять договор специальным документом, составлявшимся в нескольких экземплярах, один из которых хранился в архиве Троицкого собора. По-видимому, мы встречаемся здесь с разновидностью записи.

34-35. Если какой-либо псковичь будет обокраден во Пскове, или пригороде, или в сельской местности, то (следует) заявить об этом старостам, соседям или (вообще) посторонним людям; если (воровство случится) на пиру, то (следует) заявить организатору или участникам пиршества; хозяина помещения, где происходит пир, (к присяге) не приводить; и псковичь (человека из) (псковской) волости, (подозреваемого в воровстве) во Пскове к добровольной присяге не приводит: ему (следует человека), которого он подозревает (в воровстве), привести для присяги к церкви, расположенной (в местности), где произошла кража. Также и житель пригорода и села не может вызывать псковича для (принесения) присяги в пригород, ему следует отвести псковича для присяги (туда), где произошла кража.

Статья регламентирует первый этап производства по краже: от момента обнаружения до приведения подозреваемого к присяге.

Прежде всего обращает на себя внимание состязательный характер процесса. Пострадавший, объявив о краже, сам разыскивает вора и ведет его к присяге.

Исследователи Псковской Судной грамоты особое внимание обращают на то, что в законе изменяется старый способ принесения присяги. Вместо *вольной роты* всех жителей села или пирового старосты к присяге приводится один подозреваемый (Ф.Н. Устрялов, И.Е. Энгельман, Ю.Г. Алексеев). Присяга приносится на месте совершения преступления, в том приходе, где совершена кража: *где татба учинилась*.

36. Если на ком-либо станут взыскивать долг, ссылаясь на доски, женщина или подросток, или старик, или больной, или чем-либо изувеченный, или монах, или монахиня, то им можно нанять (вместо себя) наймита (для участия в поединке), при этом стороны присягают, а наймиты (только) бьются (на поединке); против (такого) наймита ответчик может биться (на поединке) сам или выставить своего наймита.

Статья говорит о случае, когда истец может выставить вместо себя наймита. Но интерес представляет тот факт, что основанием для судебного поединка послужило взыскание долга по *доскам*. Специально о досках как форме заключения договора займа в грамоте не говорится; напротив, имеются данные, позволяющие считать, что иски по доскам не принимались. Тем не менее прав и Ю.Г. Алексеев, утверждающий, что на практике *доски* применялись. Статья 36, вероятно, содержит норму, конкретизирующую норму ст. 38, частным случаем которой она является.

Поединок в гражданско-правовом споре постепенно перестает сохранять даже видимость *божьего суда*: в случае, если ответчик выставлял наймита, истцу также предоставлялось право взять наймита.

37. Если какому-либо человеку присудят поединок и на поединке какая-либо сторона победит другую, то победившая сторона получает с другой искомое; в случае убийства (на поединке одного из тяжущихся) деньги (по тяжбе) не взыскиваются, (победившая сторона) только снимает (с убитого) доспехи и другие (одежды), в которых (убитый) сражался; проигравший процесс (должен) заплатить и штраф в пользу князя и приставное двум приставам по 6 денег (в случае), если поединок состоялся; а если стороны помирятся (до поединка), то судебным исполнителям заплатить по 3 деньги, а князю, если ни одна из сторон не получит (материального) удовлетворения по иску, штраф не платится.

Статья говорит о завершающей стадии процесса - поединке - и рассматривает три возможных случая его завершения: поединок кончается гибелью одного из сражавшихся, примирением или победой одного из них. Только в последнем случае на побежденного возлагается обязанность в полном объеме уплатить судебные пошлины. В случае смерти участника поединка взыскания на наследников погибшего не распространяются, истец ограничивается доспехами погибшего, княжеская же пошлина не уплачивается вовсе. В случае мировой пошлины сделки уплачиваются в половинном размере. Интересно, что процесс может быть по желанию тяжущихся прекращен на любой стадии, даже перед *полем*.

38. Если же кто-либо будет с кого-нибудь взыскивать торговую ссуду, ссылаясь на доски, а ответчик в ответ на это предъявит расписку (о погашении ссуды), но копии с такой расписки (рядницы) во (псковском архиве) у Троицкого собора не окажется, то эту расписку (о погашении ссуды) признать не действительной.

Кредитные операции в торговой среде предполагают некоторые особенности. Если в период Русской Правды это были неформальные сделки, заключаемые без свидетелей, то теперь они оформляются письменно. Ю.Г. Алексеев особо подчеркивает тот факт, что *доски* еще довольно широко распространены. Однако существенным является то, что *доски* отходят в прошлое и взамен появляются *рядницы*, копии которых хранятся в архиве Троицкого собора. Рост товарооборота, увеличение численности купцов исключали и «домашние» способы заключения сделки. В связи с расширением круга лиц, ведущих торговые операции, уменьшается возможность неофициальных отношений между контрагентами. На первое место выступает *рядница*, но *рядница*, надлежащим способом оформленная. В противном случае это будет такой же неофициальный документ, как и *доска*, а законодатель по традиции отдает предпочтение в этом случае *доске*.

39. Если какой-либо мастер, плотник или (вообще какой либо) наймит, отработает (обусловленный соглашением) срок (работы) (и уйдет от господина), выполнив свою работу, (то ему (следует получить) с господина (плату за работу), а (в случае отказа последнего) публично взыскать (полагающуюся ему) плату.

Статьи 39-41 посвящены регулированию отношений, вытекающих из договора найма.

Договор заключается, как правило, устно, без формальностей. Как об исключении упоминает ст. 41 о записи. Сторонами в договоре являлись *государь* и *мастер, плотник или наймит*. Исследователи считают, что *государь* в памятниках того времени употребляется в различных смыслах: и как «феодал», и как «хозяин». Однако трактовка И.И. Полосина *господина* как «феодала» вряд ли применима к данной статье. Безотносительно, является ли *господин* в действительности феодалом, купцом, ремесленником, т.е. безотносительно к его социальной принадлежности, в данной статье государь выступает как наниматель, хозяин. Второй стороной в сделке является *мастер плотник или наймит*. Некоторые авторы, например Л.В. Черепнин, А.И. Яковлев, А.А. Зимин, считают, что мастер-плотник - это одно лицо, т.е. самостоятельный ремесленник, а не ученик. Ю.Г. Алексеев полагает, что мастер – это подрядчик, плотник - ремесленник, наймит -

общее название для вступающего в договор. Наймит - свободный. Он может расторгнуть договор и уйти (ст. 40), может *искать на государе*.

Договор заключается на время (*отстоит свой урок)* или для выполнения определенной работы (*свое дело отделает*).

Устный порядок заключения договора сказался и на порядке судопроизводства. Процесс начинается *закличем*, т.е. объявлением наймитом своих претензий к господину на торгу или в ином общественном месте. Ю.Г. Алексеев видит здесь сугубо межобщинные отношения. Однако представляется, что *заклич* необходим для выявления свидетелей - «окольных» соседей, сторонних людей, которым были известны условия договора и то, что он был выполнен истцом. Это не послухи, а именно *сторонние* люди, подобные тем, кто свидетельствуют о давности пользования полевой землей (ст. 9), о драке на торгу (ст. 27), т.е. свидетельствуют очевидное, а наличие таких свидетельств, естественно, должно упрощать процесс.

40. Если какой-либо наймит, (работавший) в господском дворе, уйдет от господина, не доработав своего срока, (обусловленного соглашением), то ему (следует) получить плату за (работу) по расчету (соответственно времени, проработанному на господина); он может взыскивать свою плату в течение года (после ухода от господина), хотя бы (при этом) он взыскивал плату даже за все пять или десять лет работы, если он не получал ее у господина раньше; но если пройдет больше года (после его ухода), то он теряет право взыскания (платы) на (своем) господине.

Статья является частным случаем ст. 39, когда договор заключается на срок.

И.Е. Энгельман предложил двоякое толкование статьи. Первое: в случае ухода *дворного наймита* до срока он может требовать плату только за год. К этому пониманию статьи присоединились М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.Н. Масленникова, И.И. Полосин. Второе: срок исковой давности равен году. Этот взгляд поддерживают М.М. Богословский, Н. Дювернуа, Л.В. Черепнин, А.И. Яковлев, И.Д. Мартысевич, А.А. Зимин, Ю.Г. Алексеев. Представляется, что статья дает больше оснований, чтобы признать справедливой вторую точку зрения.

Заставляет обратить на себя внимание статус наймита дворного, определяемый, с одной стороны, личной свободой, а с другой - утратой или сокращением хозяйственной самостоятельности (наймит годами живет у своего господина).

41. Если какой-либо наймит-плотник, не выполнив своей работы, станет взыскивать (за нее) плату при уходе, а господин заявит: «нет, ты не выполнил всей своей работы», то при отсутствии записи (содержащей

условия работы наймита), господин может на суде возвратить то, на что претендует (наймит) или присягнуть (в подтверждение своих показаний).

В статье говорится о договоре найма плотника на работу. Договор должен был быть оформлен путем *записи*. В случае, если договор не получил указанного оформления, *запись* не была составлена и возник судебный спор, то ответчик оказывался в сложном положении. Именно такой случай предусматривает ст. 41. Наймит - плотник, не выполнивший весь объем работы, мог претендовать на всю оплату: *ино государю у креста положыть чего сочить* (т.е. заплатить все, что требует наймит, относительно чего он *сочить* - предъявляет иск). Но ответчик (*государь*) может попытаться и защитить свои интересы, оспаривая в суде притязания наймита (*или государь сам поцелует*), принеся присягу и доказывая тем самым свою правоту.

42. Если какой-либо господин захочет дать отказ своему изорнику или огороднику или кочетнику, то этот отказ пусть произойдет в Филиппово заговенье. Точно так же, если изорник захочет отказаться от работы на земельном участке или (если захочет отказаться) огородник или кочетник, то пусть выход происходит в тот же срок; никакого другого (срока) отказа не (следует) назначать ни господину, ни изорнику, ни кочетнику.

42(а). Если изорник или огородник или кочетник будут отрицать факт предоставления им выхода господином (в установленный срок), то после приведения их к присяге (которой они подтвердят свои показания, следует) отказать господину в выплате четверти (урожая, платившейся издольщиком при расторжении зависимых отношений), или части (урожая) с огорода или части улова рыбы с рыболовного участка.

Статья свидетельствует о процессе закрепощения крестьян в Псковской феодальной республике. *Государь* имел право отпускать (*дать отрок*) *изорника*, *огородника*, *кочетника* только в Филиппов день (т.е. 14 ноября по старому стилю). Это положение можно сравнить с Юрьевым днем (ст. 57) по Судебнику 1497 г. В случае отказа (если изорник, огородник, кочетник *запрется*, т.е. откажется уходить, оспорит *отрок* и при этом присягнет в своей правоте - *правда дать*), *государь* лишался четверти урожая, части огородной продукции или части рыболовного улова (*ысады рыбной части*). Изорник, кочетник, огородник - представители феодально-зависимого крестьянства, отличавшиеся по профессиональному признаку (*изорник,* видимо, пахарь; *кочетник* - рыболов; *огородник* – обрабатывавший огород). Статья их объединяет в одну группу, так как они занимают одинаковое положение относительно феодала - *государя* (как справедливо отмечают Б.Д. Греков и Л.В. Черепнин).

Вопрос о природе изорничества в Пскове - один из самых спорных в литературе. Многие из дореволюционных историков (например, В.О. Ключевский, М.Ф. Владимирский-Буданов) видели в изорнике арендатора земли по договору. С.В. Юшков, Б.Д. Греков, Б.Б. Кафенгауз, Л.В. Черепнин (на наш взгляд, совершенно обоснованно) определяют положение изорника как феодально-зависимого крестьянина. Подробный анализ положения псковских крестьян-изорников дан в работе Б.Б. Кафенгауза «Древний Псков» (М., 1969), в главе «Псковские крестьяне» и в книге Ю.Г. Алексеева «Псковская Судная грамота» (Л., 1980) в главе «Изорник и его государь». Там же дана и историография вопроса. Статья 42 говорит об изорнике (огороднике, кочетнике) как о феодально-зависимом человеке, который мог уходить от *государя* в определенные дни в году, уплатив при этом четверть урожая.

43. Если какой-либо кочетник или какой-либо другой исполовник (издольщик) не воспользуется весной (для рыбной ловли) на господина, то он (все равно должен) выплатить своему господину часть весеннего улова, как с того же рыболовного участка платили другие (рыболовы).

В статье говорится о возможности *кочетника* (в тексте - *котечника*) заложить ту часть дохода, которая будет получена на весеннем промысле (*заложи весну*). Статья содержит рекомендацию для определения размера отдаваемого в залог. За исходное следовало взять доход, полученный другим рыбаком (другоичате) на том же участке *(исаде* - в тексте *саде*). Есть и другие толкования этой статьи. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов считает, что в статье речь идет о *весняке* - жителе веси, который не заплатил *весну*, т.е. плату с поля. А.А. Зимин полагает, что *кочетник* обязан был регулярно выплачивать возложенную на него часть улова, если бы даже он пропустил *весну* (заложил *весну*) и не производил лова рыбы в *исаде*. Словарь русского языка XI-XVII вв. (1978, т. 5), определяя различные значения слова *заложи*, *заложити*, не указывает на возможность понимать его в смысле «пропустить», «не заплатить».

Статья 43 упоминает также *исполовника*, т.е. человека, зависимого от господина-*государя* и отдававшего ему половину своего урожая в уплату феодальной повинности. Статья 43, таким образом, говорит о том, что возможность залога неполученного урожая имелась не только у рыбаков-кочетников, но и у других феодально-зависимых крестьян Пскова.

44. Господин может публично взыскивать с изорника или с огородника и с кочетника подмогу деньгами и всякого зерна, точно (перечисляя), яровой ли пшеницы или озимой, как в случае выхода, происшедшего по инициативе самого (издольщика).

Статья определяет процедуру взыскания *покруты*, (*подмоги*) - возвратной ссуды, взятие которой приводило к установлению большей зависимости крестьянина - изорника, огородника, кочетника - от господина (*государя*). Для понимания этой статьи следует обратиться к ст. 30 Псковской Судной грамоты, установившей порядок письменного оформления путем записи договора займа на сумму больше рубля (*болши рубли не давати без заклада и без записи*). Не допускалось даже простое письменное оформление договора путем *доски*. Для взыскания же покруты *государь* не должен был представлять письменное доказательство заключения договора. Для взыскания покруты он мог прибегнуть к закличу, указав точно, сколько серебра, другого имущества (*верши по имени*), пшеницы яровой или озимой ему должен крестьянин. *Закличь* - объявление на торгу, в публичном месте претензий к ответчику - был известен еще Русской Правде. По Русской Правде он применялся чаще всего при краже. Псковская Судная грамота говорит о *закличе* в двух статьях - в ст. 39 (см. комментарий) и ст. 44. По ст. 44 *государь* прибегал к *закличу* в случае *отрока* крестьянина - изорника, огородника, кочетника - по его собственной инициативе или по инициативе крестьянина.

Содержание ст. 44 прямо связано со ст. 51 (см. комментарий). *Закличь* мог быть началом *свода* (см. ст.ст. 46, 54, 56).

45. Если кто-либо будет взыскивать торговую ссуду или деньги на поручнике отданное на хранение имущество или (обычную) ссуду или выморочное имущество без поименного перечисления (этого имущества), то иск его не удовлетворяется.

В статье говорится о порядке предъявления иска о возврате денег, данных в ссуду для торговли, или взыскания долга с поручителя (*поруки*), или требования вещей, отданных на сохранение (*зблюдениа*), или взыскания ссуды, долга или имущества после умерших родственников (*выморшини*) – имущества, оставшегося без владельца и без наследников. Иск должен быть составлен точно (*имянно*) с указанием цены иска. Если это требование не соблюдено, то истец проигрывает дело. Статья интересна тем, что указывает на поручительство (*поруки*), а также на понятие «выморочного имущества».

46. Если какой-либо человек опознает у другого человека какую-либо свою пропавшую вещь, и последний заявит: «я купил (ее) на торгу, а у кого (ее) купил, не знаю», то (следует) привести этого (добросовестного приобретателя) к присяге (в том), что он, действительно, купил (опознанную вещь) на торгу и не поделился (прибылью) с вором; если же (ответчик) не выставит на суд (лицо, у которого покупал опознанную вещь),

а сам (к тому же) не окажется вором, и не вступал в сделку (с вором), то иск к нему не удовлетворяется.

Статья устанавливает порядок так называемого *свода* (ср. с соответствующими положениями Русской Правды). О своде говорят также ст.ст. 34, 39, 44, 46, 47, 54, 56. Статья интересна тем, что в ней придается большое значение присяге как судебному доказательству (что вообще является характерным для Псковской Судной грамоты). Человек, у которого нашли краденую вещь, должен был *правду дать*, т.е. присягнуть, что он купил на торгу, а с татем-вором не поделился. Человек, у которого нашли краденую вещь, не должен был искать вора (или человека, у которого он купил краденую вещь) и доставлять его в суд (*а не поставит его*). Статья указывает также и на следующее важное обстоятельство - ответчик ранее не был замечен в воровстве и не вызывал подозрений (*ни пословицы не было будеть*).

47. Если кто-либо купил что-нибудь в городе (но не на торгу) или в чужой стороне, или где-нибудь найдет (чужую вещь), а кто-нибудь предъявит на нее свои права, - то дело решать (так же), как (в случае иска о вещи, приобретенной) на рынке.

Статья устанавливает тот же порядок, что и ст. 46, в случаях, если кто-то купил вещь в чужой земле, или в городе (не на торгу), или нашел ее где-либо, а другой признает ее своей. Обе статьи защищают добросовестного приобретателя вещи.

48. Если кто-либо возбудит иск о возвращении вознаграждения (за судебное содействие) к волостелям, (якобы) снявшим одежды или уведшим лошадь, заявляя при этом, что: «в счет мзды снял (одежду) или увел лошадь», то снявших (одежды) или уведших лошадь судить как грабителей.

В статье говорится о случаях, когда сторона в судебном процессе дала *посула* - взятку должностному лицу - волостелю. При этом волостель, видимо, вымогал взятку и отнял у человека одежду или коня. В случае обращения в суд с иском волостель отвечал за свои действия как за грабеж. Но возможно и другое толкование статьи. По мнению И.Д. Мартысевича, в ней говорится не о взятке, а о вознаграждении должностному лицу. Также переводит термин *посул* и А.А.Зимин. Правильнее, как нам представляется, рассматривать посул как взятку. Именно в таком смысле говорится о посулах в ст. 4 Псковской Судной грамоты (а *тайных посулов не*

имати) и ст. 26 Новгородской Судной грамоты (а *докладчикам от доклада посула не взять, а у доклада не дружить никоею хитростью…*).

49. При служебных поездках княжеских людей или подвойских пошлины взимаются (из расчета) на 10 верст (пути) одна деньга; если бы даже отправились в поездку двое или трое, то путевые пошлины им (следует) взять как одному. Если человек князя или подвойский не согласится поехать за такую плату, то псковичь может послать (кого-либо другого) за те же путевые пошлины.

Статья устанавливает оплату прогонов для княжих людей и подвойских - судебных должностных лиц (ср. Новгородскую Судную грамоту, ст. 23) - за 10 верст *денга*. В случае, если должностное лицо ехать отказывается, можно послать любое другое, оплатив его услуги по установленной таксе (*ис того*). Статья рекомендует *ездит дворит* (т.е. исполнять обязанности, исполнять службу) вдвоем или втроем, но при этом *езд* - оплату - брать одному.

50. Княжеский писец должен взимать пошлины при написании судебной повестки, приставной или бессудной грамоты, согласно установившемуся обычаю, если же он захочет взять сверх того, что принято платить (в таких случаях), то можно написать (этот документ) где-нибудь еще, а князю (следует) приложить печать (к нему); если князь откажет в приложении печати, то ее (следует) приложить (в архиве) у Троицкого (собора), (и) это не будет считаться нарушением обычая.

Статья определяет порядок оплаты судебных пошлин и оформления различных судебных документов: *позовницы* - повестки в суд (ср. ст. 20 Псковской Судной грамоты); *безсудной грамоты* - судебного решения, вынесенного без судебного разбирательства в связи с неявкой стороны в суд; *приставной* - документа, доставлявшегося судебным приставом (например, о вызове в суд). Перечисленные документы могли быть исполнены княжим писцом, который мог взять за это с человека по *силе*, т.е. по таксе (ср. ст. 82 Псковской Судной грамоты). В случае если сторона не обращалась к княжему писцу, а составляла документы у другого лица (*ино волно инде написати*), то устанавливался обязательный порядок обращения либо к князю, либо в архив Троицкого собора (ср. ст. 14 Псковской Судной грамоты) для приложения печати. Статья указывает, что при обращении к Троицкому собору за приложением печати к частным документам нет *измены* князю, нет, видимо, и оскорбления его власти, нарушения обычая (ср. ст. 82 Псковской Судной грамоты).

51. Если изорник будет отрицать получение им подмоги от господина, говоря: «(я) у тебя на селе (некоторое время) жил, но ни чем тебе не обязан (т.е. подмоги не брал)», то в ответ на это господин (должен) выставить человека 4 или 5 (свидетелей), которым (следует) по совести сказать, на каких условиях (изорник) в действительности обрабатывал землю на селе, (после чего) дело передается на усмотрение приведенного к присяге господина, который может взять свою (подмогу) или согласиться с показаниями изорника. Если же господин не выставит свидетелей, которые бы подтвердили, что изорник обрабатывал землю в селе (получив подмогу), то ему (следует) в иске о подмоге отказать.

Статья возвращается к вопросу об изорниках и покруте, как бы продолжая ст. 44. В случае, если изорник станет отрицать получение подмоги (*покруты*) от господина и будет утверждать, что он жил в его селе, но *покруты* не получал, *государь* должен представить свидетелей - 4 или 5 сторонних людей, которые могут подтвердить факт предоставления покруты изорнику. *Государь* приносит присягу, но может допустить к присяге и изорника (*то воля государева*). В случае отсутствия свидетелей покрута не возвращается (*покруты своей не доискался*).

Статья свидетельствует о том, что Псковская Судная грамота придает большое значение свидетельским показаниям (см. ст.ст. 9, 27, 55, 56, 57).

52. Если истец не взыщет чего-либо по обвинению в воровстве и разбое, то и князь не получает штрафа (с части иска, которая не была удовлетворена).

Статья относится к нормам, регулирующим вопросы уголовного права (ср. ст.ст. 1, 96, 97, 111, 112, 117). Кроме *продажи* - штрафа за совершение преступления, поступавшей в пользу князя, виновный должен был уплатить денежное вознаграждение потерпевшему или его родственникам. Если суд не устанавливал последнее, то и *продажа* князю не уплачивалась. Речь идет, видимо, о случаях, когда суд не мог определить виновного в совершении кражи или разбоя, т.е. не мог удовлетворить поданный в суд иск. Есть и другое толкование статьи. И.Д. Мартысевич полагает, что в ст. 52 речь идет о случае отказа истца от иска. Таким образом, продажа соизмерялась с требованием истца, доказанным в суде.

53. Если сын не будет содержать отца или мать до их смерти, уйдя из дома (родителей), то он не получает и части (причитающейся ему из имущества родителей).

Статья лишает сына права на наследство, если тот отделился от отца и матери и отказал им в помощи (*не скормит до смерти*).

54. Если в ходе судебного разбирательства или принесения присяги (добросовестный приобретатель чужой вещи) укажет на лицо, у которого он (ее) купил, то истец должен вести судебный процесс против этого лица, а кто снял (с себя подозрение в воровстве) выступает поручителем (за указанного им человека) во время расследования.

Статья продолжает рассматривать отношения, возникавшие в связи со *сводом*. Если человек, у которого обнаружили пропавшую вещь, представлял на суд или к присяге (*у креста поставить*) того, у кого он купил вещь, то судебный спор происходил между истцом и этим последним человеком. А добросовестный приобретатель, снявший с себя подозрение, становился поручителем в том, что новый ответчик явится в суд.

55. Если предъявят кому-либо иск об имуществе, входившем в наследство, полученное от отца или по завещанию (от кого-нибудь еще), а это будет известно ряду лиц, из которых человека 4 или 5, придя (в суд), скажут по совести, что действительно (данное имущество) получено по наследству от отца или по завещанию (от кого-нибудь), то иск к ответчику, в пользу которого были свидетельские показания, не удовлетворяется (даже) без принесения последним присяги; если же не найдется 4-5 свидетелей, которые бы по совести сказали, что (спорная вещь) действительно получена (ответчиком) по наследству, то ответчика (следует) привести к присяге (чтобы подтвердить его показания.

Это одна из многих статей, регулировавших нормы наследственного права. Статья говорит об *отморшине* - наследовании по закону и о *приказном* - наследовании по завещанию. В случае спора право на наследство могло быть доказано свидетельскими показаниями 4 или 5 соседей или *сторонних* людей. Конец статьи непонятен. М.Ф. Владимирский-Буданов считает, что «конец статьи дефектен, пропущено «не» перед словами «будет человек 4 или 5 скажут». Если это так, то смысл второй части статьи: в случае, если свидетелей нет, должна быть принесена присяга (*правда дать*) для доказательства прав на наследство.

56. Если также кто-либо купит (что-нибудь) на рынке и (при этом не сможет указать), у кого он совершил покупку, (поскольку не знает продавца), а (о покупке) будет известно людям, пользующимся доверием, из которых человека 4-5 скажут по совести «он в присутствии нас на рынке

совершил покупку», то ответчика, в пользу которого были свидетельские показания, (следует) оправдать (даже) без принесения им присяги; если же он не сможет выставить свидетелей, то его привести к присяге, (после чего) иск истца (следует) отклонить.

Статья продолжает рассмотрение случаев, связанных с добросовестным приобретением вещи, ранее украденной. Если у добросовестного приобретателя были свидетели 4 или 5 человек, то других доказательств не требовалось. Если же свидетелей не было, то следовало прибегнуть к присяге как доказательству (*правда дати*).

57. Если кто-либо возьмет у князя или посадника пристава для (расследования) дела о воровстве, - то князю и посаднику (следует) посылать людей, пользующихся доверием, которые произведут розыск по делу о воровстве.

Если же эти приставы скажут «когда мы приехали расследовать дело о воровстве на двор (к подозреваемому), то он не дал нам произвести обыск, не пустил нас в дом и выгнал со двора», а тот, у кого нужно было произвести обыск, скажет так: «у меня, (уважаемые) господа, эти приставы не были», или скажет так: «у меня эти приставы были: я их пускал в дом, но они, не произведя розыска, сами уехали с (моего) двора, а теперь меня ложно обвиняют в том, что я их согнал (со двора)», то (в таком случае) князю и посаднику (следует) спросить приставов: «можете ли вы чем-нибудь подтвердить, что вас согнали со двора», и в ответ на это последним, (т.е. приставам, следует) выставить человек 2-3 (свидетелей). Если же эти свидетели, придя на суд, скажут по истине: «в нашем присутствии этот человек выгнал со двора приставов, не дав им произвести обыск», то (следует) приставов привести к присяге, а человека, (не допустившего расследование), признать вором; если же приставы (не выставят свидетелей), то они не могут рассматриваться приставами, а иск по делу о воровстве лица, взявшего их (для проведения обыска), не удовлетворился.

В статье говорится о таком следственном действии, как обыск в случае совершения кражи. Лицо, подозреваемое в краже, обязано было допустить в свой двор приставов для обыска. В противном случае оно обвинялось в краже. Обычно статьи Псковской Судной грамоты требуют представить суду 4-5 свидетелей. Судебным приставам достаточно было 2-3 свидетелей для доказательства того, что их не пустили обыскивать двор. Если же приставы сами не выполнили порученное им дело, они отстранялись от выполнения обязанностей, а истец проигрывал дело (*ино тии пристави не в пристави*).

58. На суде присутствие лиц, помогающих сторонам вести процесс, не допускается; в помещение суда допускаются только тяжущиеся; ни одной из сторон не (следует) выставлять вместо себя ходатаев, кроме женщин, подростка, монаха или монахини, очень старого или глухого человека, вместо которых (могут) выступать (в суде) ходатаи; если же кто-нибудь станет кому-нибудь помогать (в суде), за исключением вышеупомянутых лиц, или попытается с применением насилия ворваться в помещение суда, или ударить подверника, то такого (человека следует) заключить в колодки и взыскать с него рубль в пользу князя и 10 денег в пользу подверника.

Статья определяет порядок рассмотрения дел в суде. В судебное помещение (*судебницу*) допускались только тяжущиеся стороны (*двема сутяжникома*). Судебное представительство допускалось только для защиты интересов женщин, малолетних, монахов и монахинь, стариков и глухих (*увечных*). Статья близка по содержанию ст. 5 Новгородской Судной грамоты, запрещавшей вмешиваться (*збивати*) толпе в суд посадника и других судей. Закон предусматривает ответственность за самовольное и насильственное вторжение в судебное помещение, за нанесение ударов *подвернику* – специальному должностному лицу, следившему за порядком в помещении суда. Устанавливалось наказание: заключение в колодки (*всадити его в дыбу*), штраф в пользу князя в размере 1 рубля и подвернику - 10 денег.

59. А этими подверниками (следует) назначать одного от князя, другого – от Пскова; они должны присягнуть в том, что (они) не будут осуждать правого и оправдывать виновного; со всякого судоговорения им (следует) взимать на двоих одну деньгу со стороны, проигравшей процесс.

Статья специально посвящена подверникам, которых при суде было двое: один являлся представителем Пскова, другой - князя. Перед вступлением в должность они приносили присягу в том, *што праваго не погубити, а виноватаго не оправить*. Им полагалась пошлина, уплачиваемая стороной, проигравшей дело (*а со всякого суда имати им денга одна обема, на виноватом человеки*). Статья 65 называет эту пошлину *дверское*.

60. Показаниям вора не доверять; а если (он) на кого-либо возведет обвинение (в воровстве), то (следует) провести обыск в доме оговоренного; если же в его доме будет обнаружено поличное, то он признается вором, а если не найдут ничего в его доме, то он освобождается (от дальнейшего участия в процессе).

Показаниям вора Псковская Судная грамота предлагает не доверять. Но тем не менее обыск у человека, на которого *тать возклеплет*, производился. В случае обнаружения у него краденой вещи (полишного) человек признавался вором, если же ничего не находили, то его объявляли свободным от подозрения.

61. Князь и посадник не (должны) объявлять недействительными правые грамоты, составленные по форме; но подложные грамоты и доски, произведя по истине расследование, (следует) на судебном разбирательстве признать недействительными.

В статье говорится о стабильности решений, принятых судебными органами. *Правые* грамоты, т.е. судебные решения, не могли быть отменены князем и посадником (*а князю и посаднику грамот правых не посужати…*). Другое дело - подложные судебные решения и документы (*лживые грамоты и доски)*. Последние после разбора дела могут быть признаны недействительными. Интересно, что речь идет в статье только о *досках*, но не о *записях* - специально оформленных документах. Есть и другое толкование статьи: А.А. Зимин полагает, что князь и посадник не могли признать недействительными подлинные, надлежащим образом оформленные документы.

62. Если кто-либо будет взыскивать на ком что-нибудь, на основании досок или залогов, и, договорясь с ним на суде или даже у присяги (он), ограничится взиманием части своего иска, то за это его не штрафовать; (также следует поступать даже и в том случае), если он и вовсе отказался от своих претензий к ответчику, не приводя последнего к присяге.

Статья предусматривает возможность для истца и ответчика договориться (*с молве*) уже во время судебного процесса. При этом истец не платил пени (штрафа).

63. Если какой-либо изорник выйдет (из состояния зависимости) от господина, землю которого он обрабатывал, или господин предоставит ему право выхода, то господину (следует) получить с него половину (последнего урожая), собранного изорником, а изорник (получает другую) половину.

Статья определяет условие ухода изорника от своего господина. *Половину своего изорника* исследователи обычно понимают как половину

урожая за последний год. Статья является продолжением ст. 42 Псковской Судной грамоты.

64. Если какие-либо приставы, кто бы они не были, княжеские люди или (городские) подвойские или псковичи, посылаются для вызова (сторон или свидетелей) на суд, а также для наложения или снятия оков, то (им следует) взимать путевые пошлины (из расчета): на 10 верст одну деньгу.

Статья определяет плату за проезд (*прогоны*), которая полагалась приставам, княжьим людям или подвойским - судебным агентам, должностным лицам (см. также ст. 23 Новгородской Судной грамоты). Статья 64 является дополнением к ст. 49. Она содержит указание на право не просто *позвать на суд*, а *сковати* или *расковать* подозреваемое лицо. Оплата труда пристава не зависит от цели его посылки.

65. Если какой-либо пристав поедет для производства расследования по делу о воровстве, то ему (следует) взимать путевые пошлины в двойном размере, которые платит лицо, признанное вором; но если пристав (во время расследования) не найдет украденное, то приставное и дверское взыскивается с того, кто посылал его (на расследование).

Статья продолжает ст. 64 и устанавливает двойную плату приставу, осуществлявшему поездку в связи с татьбой. Эта плата вносится вором, виновным в совершении преступления. Если же вор не найден, пошлины (приставные и дверские – шедшие подверникам) платились истцом.

66. Если какой-либо пристав или дворянин возьмет у кого за причитающиеся ему путевые пошлины коня или что-нибудь иное, то (эту вещь следует) передать на поруки (кому-нибудь) постороннему человеку; если же (никто) не возьмет (ее) на поруки, то он (т.е. пристав) может (временно) взять ее к себе, а путевые пошлины (впоследствии) платит тот, кто проиграет процесс.

Статья устанавливает порядок выемки приставом коня или иного имущества во время выполнения им своих служебных обязанностей. Имущество следовало передать на поруки *сторонним* людям. Взять это имущество с собой пристав мог только в случае, если некому было его поручить. Статья еще раз повторяет, что *езд* (прогоны) оплачивает тот, кто проиграет процесс, кто окажется виноватым.

67. Если истец, приехав с приставом, силою возьмет что-нибудь у ответчика в обеспечение своего долга, то (следует) считать это (насилие) грабежом; а за грабеж судить и подвергать денежному взысканию; (при этом) сторона, проигравшая процесс, платит и приставное.

Статья запрещает самоуправство истца, приехавшего вместе с приставом и пожелавшего взять силой что-либо из имущества ответчика за долги. Он обвиняется в грабеже и несет соответствующее наказание. Проигравшая сторона оплачивает все судебные пошлины.

68. Никакому посаднику не (следует) выступать ходатаем по чьим-либо делам, за исключением его собственных (и дел, касающихся) церкви, при которой он состоит старостой, - в этих делах он может принимать участие.

69. И всякому волостелю (также) не (следует) выступать ходатаем по чьим-либо делам, за исключением его собственных.

70. А (по делам) о церковной земле соседи ходатаями не выступают; по делам о церковной земле выступают старосты.

71. В течение дня один и тот же ходатай не может выступать в двух судебных процессах.

Статьи устанавливают правила относительно судебного представительства. Посадник не мог быть представителем в суде. Он имел право выступать в суде как сторона в случае спора о его собственных делах или имуществе (*опрочь своего орудиа*) или в том случае, если он - староста церкви (*или где церковное старощение дръжит*).

Статья 69 устанавливает более общую норму: всякое лицо, облеченное властью (*властель*), не может быть представителем в суде. Оно может быть стороной в процессе только в случае спора по его делу.

Статья 70 определяет порядок представительства по делам о церковной земле. Представителями по этим делам могли быть только старосты (*и на суд помочю суседи не ходят*). Судебному представителю (*пособнику*) в один день не разрешалось вести два дела.

72. Если какому-либо человеку будет оставлено по завещанию недвижимое имущество на условиях пожизненного пользования и он, завладев документами на земельные или рыболовные угодья, продаст эту землю или рыбные угодья или что-либо еще, то когда уличат этого человека (в незаконной продаже), ему (следует) эту землю или рыбное угодье или что-либо другое (выкупить), но (при этом он) теряет свои права на пользование этим недвижимым имуществом.

Содержание статьи находит продолжение в ст.ст. 88 и 89 Псковской Судной грамоты. *Кормля* устанавливалась, видимо, чаще всего для пережившего супруга (до его смерти или заключения нового брака).

Статья 72 запрещает продавать землю, рыболовный участок и другое имущество, полученное как *кормля* по завещанию (*рукописанию*). В случае продажи *кормли* человек обязан был ее выкупить. В наказание закон лишал его этого имущества (*а свою кръмлю покрал*). А.А. Зимин рассматривает *кормлю* в ст. 72 как условное феодальное держание земли и рыболовных угодий во Пскове и отличает ее от *кормли* по ст.ст. 88, 89. Как нам представляется, ст.ст. 72, 88, 89 говорят об одном институте вещного права - права прижизненного пользования вещью. В статье 72 говорится о *кормле*, данной по завещанию (*рукописанию*), а ст.ст. 88 и 89 определяют право на *кормлю* пережившего супруга без завещания, т.е. по закону.

Такого же мнения относительно указанных статей придерживались М.Ф. Владимирский-Буданов и И.Д. Мартысевич. Как нам представляется, *кормля* - не владение, а именно пользование вещью, т.е. извлечение из вещи выгод, получение доходов и плодов. Именно в таком смысле употребляют этот термин документы и материалы Пскова, которые подробно рассмотрены в монографии Ю.Г. Алексеева «Псковская Судная грамота». Словарь русского языка XI-XVII вв. определяет слово *кормля* как содержание, обеспечение.

73. Если какой-либо человек будет взыскивать на ком-либо (ссуду) по записи, в которой сверх того будет зафиксировано обязательство уплаты процентов (кредитору), заявив об этом господе в срок, (назначенный на погашение ссуды), - то он имеет право на взыскание причитающихся ему процентов и по прошествии означенного срока; если же заявление не будет сделано господе в (установленный для погашения ссуды) срок, то по его прошествии кредитор теряет право на взыскание процентов.

74. Если кто-либо будет взыскивать с ответчика деньги до истечения срока (погашения ссуды), то он теряет (при этом) право на получение процентов. Если должник захочет возвратить кредитору деньги, (взятые им в ссуду), до истечения срока (ее погашения), то он обязан заплатить и проценты, которые кредитору (следует) получить по расчету (за время, прошедшее от дачи ссуды до ее возвращения).

В статьях говорится о ссуде под проценты. Из содержания статей можно сделать вывод о том, что Псковская Судная грамота в отличие от Русской Правды не устанавливала максимального размера процентов. Вопрос о размере процентов определяется соглашением сторон путем оформления в *записи*. Кредитор имел право обратить свое требование, долговое обязательство (*имание*) в обозначенный соглашением срок уплаты (в *за-*

рок). Если кредитор заявляет в срок свое требование перед судом, то он получает проценты. Если же он это сделает не в срок (*не явит зарок господе*), пропустит срок уплаты ссуды, то проценты не получит. О *господе* как судебном органе Псковская Судная грамота упоминает во многих статьях (ст.ст. 10, 18, 24, 25, 29, 57, 73, 106, 111).

Статья 74 устанавливает права кредитора, пожелавшего получить свои деньги (*сребре*) до срока. Кредитор при этом теряет право на проценты. Если же должник начнет возвращать долг досрочно, то он должен заплатить проценты, но не все, а по расчету времени (по *счету ему взять*).

75. Если какой-либо изорник предъявит доску в обоснование своих претензий к господину, то такую доску (следует) признать недействительной.

75а. Изорник-старожил обязан отправлять подводную повинность в пользу (своего) господина.

Статья объявляет недействительными претензии изорника к господину, основанные на *доске* - письменном документе без специального оформления. *Доска* не может быть принята во внимание (*доска посудит*). Вторая часть статьи (некоторые исследователи делят эту статью на две самостоятельные) говорит о дополнительной повинности, возлагаемой на изорника-старожила - *вози вести на государя*. Есть и другие толкования этой статьи.

76. Если какой-либо изорник сбежит с занимаемого участка земли за пределы Псковской земли, или еще куда-нибудь, оставив на этом участке свое (движимое) имущество, которое может быть (его) господином забрано в погашение подмоги, данной им изорнику, то господину (следует), взяв у князя и посадника приставов и позвав волостных старост и посторонних людей, распродать это (движимое) имущество изорника в присутствии судебных исполнителей и посторонних людей и (вырученное) взять в счет подмоги, (которую он давал изорнику). Если же (вырученного) не хватит (для погашения подмоги) и изорник по прошествии времени объявится, то господину не запрещается (взыскивать с него) часть подмоги, (не погашенную при распродаже имущества изорника). Изорник (по возвращении) не может взыскивать с господина своего (движимого) имущества, (распроданного в счет подмоги), а взыскивает Псковским…

Здесь определяется положение изорника и права *государя* на взыскание покруты в случае бегства изорника за рубеж, т.е. за границу псковской земли или куда-нибудь еще настолько далеко (*инде* где), что место пребывания его невозможно установить. *Государь* имеет право получить

покруту, обратив взыскание на имущество изорника, но при этом он должен обратиться за помощью к государственным органам (князю и посадникам) и вместе с приставом, губскими старостами и свидетелями (*сторонними* людьми) продать имущество изорника и получить компенсацию за покруту. Если этого имущества не доставало, а изорник тем временем возвращался, *государь* мог *добровольно искать остатка своей покруты*, т.е. обратиться в суд. Закон этого не запрещал (*а государю пени нет*). Изорник же в отношении *государя* таким правом не обладал. Если он считал, что допущена ошибка, он мог обратиться с иском (или с жалобой?) к властям (*а сочит псковским*). Продолжением этой статьи являются ст.ст. 84-87.

77. И псковским судьям, и посадникам, и старостам из пригородов (следует) также присягнуть в том, что они будут судить действительно в соответствии с присягой; а если (они) не будут судить справедливо, то пусть осудит Бог в страшный день второго пришествия Христа.

78. Если кому-нибудь из княжеских людей случится поехать вместе с сотскими для разбирательства поземельных споров, то ему также (следует) присягнуть.

Статьи устанавливают порядок принесения присяги всеми должностными лицами (*судьям псковским и посадником погородским и старостам приго(ро)цским*) в том, что они будут судить *право*, т.е. по закону. Статья 78 подчеркивает, что и представитель князя обязан приносить присягу.

Эти статьи можно сравнить со ст. 5 Новгородской Судной грамоты, содержащей требования к судьям судить *право*, т.е. в соответствии с законом. Видимо, имелась специальная процедура принесения присяги (*крестное целование*) должностными лицами и в Новгороде, и в Пскове.

Статья 78 могла появиться в период, когда князья пытались усилить свое влияние в Псковской феодальной республике.

79. Если во время тяжбы (по делам) о владении землею или водою (обе тяжущиеся стороны) предъявят грамоты (в подтверждение своих прав), то грамоты одной стороны (следует) прочесть княжескому дьяку, а грамоты другой стороны (следует) прочесть городскому дьяку… Если же поступит грамота с пригорода, то эту грамоту (следует) прочесть городскому дьяку.

Статья также отражает стремление ограничить власть князя в судопроизводстве. В случае судебной тяжбы о земле или *воде* (рыболовном участке) грамоты (документы, представленные в суд) должны были чи-

таться и княжеским дьяком, и дьяком городским (т.е. представителем городской администрации). Грамоты, присланные из пригородов, должен был обязательно читать представитель городской администрации.

В ст.ст. 78 и 79 речь идет о спорах о земле и *воде*, т.е. о важнейших делах. Именно по этим делам Псковская Судная грамота пытается ограничить влияние князя.

80. Если кто с кем подерется во Пскове или в пригороде или в волости на пиру или где-либо еще и (подравшись) помирится с ним, не вызвав его с приставом в суд, то в этом случае князю штрафа не (следует) платить.

Статья предусматривает возможность решить дело миром (*а промеж себе прощенье возмут*) в случае драки. В этом случае наказание не устанавливалось (*ино ту князю продажи нет*). Статья близка по содержанию к ст. 3 Уставной Двинской грамоты 1397-1398 гг. и ст. 53 Судебника 1497 г.

81. По делам, подведомственным приставам, и для проверки показаний (сторон или свидетелей) княжеские люди должны ездить одновременно со псковскими подвойскими.

Данная статья регулирует процессуальные вопросы и предусматривает участие в процессуальных действиях людей князя на паритетных началах с представителями псковской судебной администрации, вероятно, выборными. Ю.Г. Алексеев справедливо видит в этом определенный надзор за княжеской администрацией: «Княжеская администрация отдельно не существует - она всюду смыкается с независимой администрацией вечевого города - земли».

82. Если княжеский писец напишет судницу (по тяжбе) о земле, то ему (следует) получить (за это) 5 денег, а за составление судебной повестки - деньгу, а за приложение печати - деньгу, а за составление бессудной и приставной также взимают по деньге. Если же княжеский писец захочет (получить) сверх того, что принято платить (в таких случаях), то можно написать (эти документы) где-нибудь еще, а князю (следует) приложить печать (к ним); если князь откажет в приложении печати, то ее (следует) приложить (в архиве) у Троицкого собора, - это не будет считаться нарушением обычая.

В соответствии с общей нормой ст. 50 данная статья определяет размер судебных пошлин и повторяет общее правило ст. 50. В названных статьях четко оговаривается, что выписка судебных документов и прило-

жение к ним печати не являлись исключительной прерогативой князя и его писцов. Сторонам разрешалось оформить судебные документы и помимо князя и его писцов.

83. Если какому-либо человеку (случится) взять у князя или (посадника) грамоту, содержащую разрешение на выезд за пределы (псковской земли) по своим делам, то княжескому писцу (следует) получить за составление этой грамоты деньги и пошлины за приложение печати в размере деньги.

Статья определяет размер пошлин, взимаемых княжеским писцом, за оформление выездной грамоты за границу. Следует обратить внимание на то, что выездные грамоты выдавались вместе - князем и посадником. А.А. Зимин неверно заменил при переводе текста союз «и» на разделительный союз «или». В действительности князь не имел права единолично выдавать выездные грамоты. Ю.Г. Алексеев подметил важную особенность в положении князя в Псковской республике: «Являясь формально главой господы, князь - судья и правитель - по рукам и ногам (был) связан вечевыми органами во главе с посадником».

84-86 статьи регулируют вопрос о взыскании *государем* данной изорнику покруты после смерти изорника.

84. Если какой-либо изорник умрет, являясь держателем земельного участка, (полученного им от) господина, и после него не останется ни жены, ни детей, ни брата, ни родичей (вообще), то господину также следует распродать (движимое) имущество изорника в присутствии приставов и посторонних людей и (вырученное) взять в счет подмоги (которую он давал изорнику); в последствии же ни брат, ни (другие) родичи изорника не могут взыскивать (с господина движимое) имущество изорника.

Статья предусматривает порядок взыскания хозяином данной изорнику подмоги. В случае, если после смерти изорника не оставалось наследников, хозяину предоставлялось право продать имущество изорника с соблюдением определенных в ст. 76 процессуальных форм, т.е. в присутствии приставов и посторонних людей. Соблюдение этих формальностей должно было служить гарантией того, что хозяин не возьмет из вырученных денег больше, чем ему причитается. Объявившимся впоследствии родственникам запрещалось требовать от хозяина имущество изорника. По смыслу статьи, хозяину предоставлялось право продажи имущества изорника в счет подмоги лишь в случае, если ему не было известно о наличии

родственников у изорника или они действительно отсутствовали. Случаи же взыскания подмоги при наличии родственников определялись нижеследующими статьями.

85. Если у какого-либо человека, господина умрет живший по записи и обязанный ему подмогой изорник, после которого останется жена и дети, (не упомянутые) в (этой) записи, то жена и дети изорника не освобождаются от (выплаты) господской подмоги, которую им (следует) возместить в соответствии с (упомянутой) записью; если же изорник проживал за господином не по записи, то дело решить судом (согласно) псковским обычаям.

Данная статья указывает на переход к жене и детям долговых обязательств умершего изорника. Законодатель устанавливает, что не имеет никакого значения тот факт, что в письменном документе, которым оформлялся договор изорника с хозяином о покруте, такой переход специально не оговаривался. В случае же, если договор между изорником и государем не был письменно оформлен, вопрос о взыскании долгов изорника с его жены и детей решался по исконным обычаям Пскова. Вероятно, законодательное закрепление псковских обычно-правовых норм мы видим в ст.ст. 9, 51, 55 и др. Поэтому под указанием *на псковскую пошлину* следует понимать судебный процесс с приглашением 4-5 свидетелей, как это определяется, в частности, в ст. 51.

86. Если останется у изорника брат или кто-либо еще из родичей, которые предъявят претензию на (его движимое) имущество, то господину (следует) взыскивать с них и подмогу, (данную им изорнику); ни брату изорника ни его (другому) родственнику не (следует) предъявлять к господину (изорника) претензий, обвиняя его в присвоении (изорничьего) зерна в кадках и лукошках; если же (после изорника) останется конь или корова, то (наследники изорника) могут предъявить иск к господину.

В ст. 86 имеется в виду случай, когда умирает одинокий изорник и *государь* завладевает его имуществом в счет выданной покруты. Если бы у изорника вообще не было родственников, то *государь* обязан был бы поступить в соответствии со ст. 84. Но в ст. 86 говорится о ситуации, когда до продажи имущества *государем* объявятся родственники изорника, желающие принять наследство. Законодатель возлагает на них долговые обязательства изорника перед *государем* и запрещает им предъявлять *государю* претензии по поводу мелких, к тому же индивидуально не определенных вещей. Закон допускает предъявление исков лишь по поводу коня или коровы. Ю.Г. Алексеев удачно подметил, что «в статьях ПСГ изорник

предстает не нищим на грани холопства и челядинства, а хозяином, собственником своего живота».

87. Если изорник предъявит иск к господину о (движимом) имуществе, а господин докажет на расследовании (свои) права на ту (вещь), которую изорник объявлял своею, причем посторонним людям и соседям будет известно, что (спорная вещь) принадлежит господину, то иск изорника не удовлетворяется, а господин оправдывается.

В статье изложен, по-видимому, реальный казус, когда изорник предъявил иск к господину по поводу имущества. В статье регулируется порядок рассмотрения данного спора. *Государь* должен был привести того, у кого приобретена спорная вещь, а *сторонние люди* и *околные суседи* - подтвердить право собственности *государя*. В этом случае он признавался правым, а иск изорника отклонялся. Удивительно, почему А.А. Зимин, точно передав смысл статьи в переводе, в комментарии все же говорит об отвержении претензий изорника на «свое» имущество и делает вывод о том, что «закон последовательно защищал интересы псковских феодалов». Но от кого? Как это видно из данного казуса, от не вполне добросовестного изорника, который оказался не прочь, если называть вещи своими именами, прихватить лишнее.

88. Если у какого-либо мужчины умрет жена, не оставив (письменного) завещания, а после нее останется недвижимое имущество, то ее мужу (следует) пожизненно пользоваться этим недвижимым имуществом, если только он (вторично) не женится; если же он (вторично) женится, то теряет право на пожизненное пользование (этим имуществом).

89. Если у какой-либо женщины умрет муж, не оставив (письменного) завещания, а после него останется движимое или недвижимое имущество, то его жене (следует) пожизненно пользоваться этим имуществом, если только она вторично не выйдет замуж; если же она (вторично) выйдет замуж, то она теряет право (на пользование этим имуществом).

Статьи регулируют порядок наследования движимого и недвижимого имущества после смерти супруга. Данные нормы охраняют порядок перехода родовой *отчины* по наследству. В случае вступления в новый брак супруг лишается права пользования имуществом умершего супруга. Так обеспечивается сохранение имущества в пределах одного рода. Свобода брачных отношений связывается с вопросами сохранения или упущения имущественных выгод.

90. Если у кого-либо умрет жена и вдовец (вторично) женится, а мать или сестра или кто-либо еще из родичей жены станет взыскивать (на нем ее) одежду, то мужу (следует) по совести отдать (всю) действительно оставшуюся у него одежду (жены), а к присяге в том, что вся одежда жены (возвращена) без остатка, мужа не приводить. Также если муж умрет, а отец его или братья станут взыскивать (на жене) его одежду, то ей (следует) по совести отдать действительно оставшуюся после него одежду, а к присяге в том, что вся одежда мужа (возвращена) без остатка, жену не приводить.

Статья предусматривает право ближайших родственников предъявить иск к пережившему супругу по поводу одежды умершего родственника. Закон, обязывая пережившего супруга отдать «по совести» искомые одежды, не подкрепляет это процессуально, поскольку запрещает приводить к присяге для выяснения вопроса об одежде умершего супруга.

91. Если у кого-либо умрет сын, а после него останется невестка, которая начнет взыскивать на свекре или девере принадлежавшие ей драгоценности или одежду, то свекру или деверю (следует) отдать (ей) драгоценности или одежду; если же невестка будет взыскивать сверх того, что ей возвратили, то (дело передается) на усмотрение свекра или деверя: он может сам присягнуть или на суде возвратить невестке (то), что она взыскивала.

Данная норма говорит о порядке разрешения имущественных споров между невесткой и свекром или деверем. Ситуация, описанная в этой статье, свидетельствует о намерении невестки отделить собственное имущество от имущества свойственников после смерти мужа. Закон признавал за ней право собственности на платья и на драгоценности. Имущественные споры невестки со свойственниками разрешались крестоцелованьем. Вопрос о том, кто должен целовать крест, определялся ответчиком.

92. Если кто-либо станет взыскивать с кого деньги, вложенные в (любое) совместное предприятие, кроме купеческого, или еще что-нибудь, предъявив в подтверждение (своих претензий) доску, то дело передается на усмотрение того, с кого взыскивают: он может сам присягнуть, (подтвердив тем самым свои показания), или возвратить истцу на суде (искомое) или пойти с ним на поединок.

Статья регулирует вопрос о решении споров между сотоварищами. Правота той или иной стороны устанавливалась или присягой, или поединком. Выбор формы доказывания предоставлялся ответчику. Ю.Г.

Алексеев верно обратил внимание на противопоставление в ст. 92 порядка рассмотрения споров между товарищами и купцами. Договоры между купцами регулировались еще Русской Правдой (ст.ст. 48, 54, 55 Пространной Правды). Псковская Судная грамота уже проникает во внутренний мир общинников – *сябров*. Но это вторжение осуществлялось лишь при явных признаках распада товарищества, раз уже появились споры о серебре: присяга или даже поединок - вполне достойные способы выявления правоты в этом случае.

93. Если чей-либо должник, (обязательства которого зафиксированы) в записи, скроется, не явившись (для платежа) в указанный срок, а равно как если изорник, (обязательства которого были зафиксированы) в записи, попытается скрыться, благодаря чему учинятся убытки и судебные издержки (т.е. приставное, заповедь), то все это, наряду с железным, (следует) взыскать с виноватого, (то есть с того), кто скроется.

Слово *железное* имеет два значения. Одно из них обозначает испытание железом - форму ордалий. Здесь же, в данной статье, имеется в виду пошлина за наложение оков (*желез*) на пойманного ответчика.

Статья предусматривает обязанность должника не только уплатить долг, но и погасить издержки, связанные с его розыском и поимкой, если он скрывался от кредитора.

94. Если старший брат живет одним хозяйством с младшим братом и (от них) потребуют уплаты отцовского долга, причем не будет (предъявлено) записи, подтверждавшей долговое обязательство их (отца), то следует привести к присяге старшего брата, (и если он подтвердит отцовские обязательства, то) пусть заплатит из совместного (с братом) имущества и произведет (с ним) раздел остатков (с этого имущества).

Статья предусматривает переход долговых обязательств отца к его сыновьям. Сыновья обязывались уплатить долг отца из общего имущества, а остаток разрешалось разделить.

95. Если младший брат или двоюродный брат, проживая одним хозяйством со старшим братом или с (двоюродным) братом, попытается воспользоваться деньгами своего (родного) брата (или двоюродного) и будет отпираться (от этого), то пусть присягнет, что не пользовался (этими деньгами) и произведет (с братом) раздел имущества.

Данная статья предусматривает раздел имущества, если в отношения вместе живущих братьев закрадывалась тень подозрений против одного из них в своекорыстном использовании общего имущества.

96-98 статьи посвящены вопросам о преступном и непреступном убийстве.

96. Если где-либо произойдет убийство и обнаружат убийцу, то князю (следует) взыскать с убийцы рубль штрафа.

Ю.Г. Алексеев обратил внимание на то, что Псковская Судная грамота упоминает *головшину* лишь в двух местах: в ст. 26 и в ст.ст. 96-98 Он высказал предположение о том, что эти статьи Псковской Судной грамоты представляли лишь надстройку над соответствующими нормами Русской Правды, которые продолжали действовать в Псковской республике. Но в отличие от Русской Правды Псковская Судная грамота не устанавливает никакой дифференциации *вир* в зависимости от социальной принадлежности убитого. Псковская Судная грамота упоминает лишь о рублевой *продаже* в пользу князя. А.А. Зимин справедливо предположил, что кроме продажи в пользу князя убийца должен был выплатить и материальную компенсацию семье убитого. Однако при сравнении виры Русской Правды и продажи за убийство, упоминаемой в Псковской Судной грамоте, А.А. Зимин, произведя расчеты, подсчитал, что *продажа* за убийство в Пскове равнялась 94 гривнам кун. Если вспомнить Русскую Правду, то вира равнялась 40 гривнам. Отсюда А.А. Зимин сделал вывод о «росте княжеской продажи», свидетельствующем о «дальнейшем усилении уголовных репрессий княжеской власти». Имеется и прямо противоположная точка зрения. Ю.Г. Алексеев произвел следующие расчеты. Он взял в качестве эталона стоимость овцы. Согласно ст. 45 Русской Правды Пространной редакции, за овцу уплачивался *урок* в размере 5 кун. В гривне серебра Ю.Г. Алексеев насчитывает 50 кун (следует оговорить, что в разное время в гривне серебра содержалось разное количество кун: 50-кунное содержание гривны сложилось к концу XII - началу XIII вв., в то время как раньше в гривне содержалось 25 кун). Таким образом, 40-гривенная вира должна равняться стоимости 400 овец. Согласно ст. 112 Псковской Судной грамоты, за овцу уплачивалось хозяину возмещение ущерба в размере 10 денег. В рубле, по мнению Ю.Г. Алексеева, насчитывалось 300 денег (большинство специалистов считают, что псковский рубль равен 220 деньгам). Значит, говорит Ю.Г. Алексеев, *продажа* за убийство равнялась стоимости лишь 30 овец. Очевидно, что реальный размер штрафа за убийство в Пскове понизился по сравнению с Русской Правдой более чем в 10 раз. Ю.Г. Алексеев высказал резонное предположение о том, что *про-*

дажа в пользу князя могла умышленно назначаться низкой, поскольку псковские власти не были заинтересованы в обогащении князя.

97. Если же сын убил отца или брат (убил) брата, то князю (следует уплатить) штраф.

Статья предусматривает взыскание *продажи* в пользу князя в случаях отцеубийства и братоубийства. Появление этой статьи в светском сборнике норм права, каковым является Псковская Судная грамота, заставляет выяснить вопрос о соотношении светской и церковной юрисдикции во Пскове. Русское обычное право предоставляло право кровной мести роду убитого. В Русской Правде (Пространной редакции) уже зафиксировано вмешательство княжеской власти в этот вопрос и отмена кровной мести. В Уставах кн. Владимира и кн. Ярослава о церковных судах вопросы регулирования семейных отношений закрепляются за церковью. В ст. 9 Устава кн. Владимира (Синодальной редакции) именно к церковным судам относятся случаи, когда *сын отца бьеть* (а в некоторых списках даже сказано *убьет*). В Уставе кн. Ярослава (в ст. 32 Краткой редакции) наряду с церковным упоминается и светское наказание в виде *волостельской казни*. Правда, в церковных уставах речь идет непосредственно об избиении, а не об убийстве, но вполне можно предположить, что церковь тем более не оставалась в стороне в случаях убийства сыном отца или братом брата. По-видимому, и в Псковской республике указанные в этой статье дела подлежали церковному суду. Псковская Судная грамота оговаривает участие князя в суде над отце- и братоубийцами и предусматривает «продажу» (по-видимому, в размере рубля, как это можно предположить на основании предшествующей статьи) в пользу князя. В Псковской Судной грамоте ничего не говорится о церковном наказании, но таких сведений и не следует искать в светском законе.

98. Если какой-либо человек приедет с приставом (к кому-либо) на двор для ареста вора или для розыска по делам о воровстве, или для ареста должника, и в это время (беременная) женщина выкинет ребенка и станет обвинять пристава или истца в убийстве, то этот (случай) убийством не считается.

В данной статье описывается очень интересный казус, в котором следует видеть непреступное причинение вреда. Законодатель не ставит в вину истцу, который приехал с приставом *татя ... или длъжника имать*, случившийся у жены *татя* выкидыш. Ю.Г. Алексеев видит в этой статье защиту истца и пристава, которые, на его взгляд, «силой ворвались на двор», учинили «скандал, возможно, потасовку с хозяином и членами его

семьи, что и привело к драматическому исходу». Закон, однако, дает мало оснований для такого понимания этой статьи.

99. Если какая-либо сторона не явится для (принесения) присяги на суде, то (ей следует) заплатить (искомое другой) стороне, которая освобождается от (принесения) присяги; при этом (платится сполна) все в соответствии с претензиями истца.

Данная статья обязывает сторону, отказавшуюся от присяги, уплатить цену иска без присяги.

100. Если какой-либо человек при своей жизни или перед смертью собственноручно даст своему племяннику что-нибудь из платья или из (движимого) имущества, или из недвижимого имущества, да при этом и грамоты выдаст (ему) в присутствии попа или посторонних людей, то тому (племяннику следует) владеть этим дарением, хотя бы даже (дарителем) и не было составлено (письменного) завещания.

На основании ст. 100 можно сделать вывод о том, что племянник не являлся наследником по закону. Чтобы передать ему движимое или недвижимое имущество по наследству, требовалось соблюдение определенных формальностей. Если племянник не был указан в завещании, то доказательством законности владения имуществом умершего могли служить лишь письменные *грамоты*, подтверждавшие акт дарения или договор купли-продажи, причем эта сделка должна была быть удостоверена попом или *сторонными людми*.

101. О торговой ссуде и обязательствах поручителей. Если кто-либо будет взыскивать на ком торговую ссуду или исполнение обязательств поручителя или еще чего-либо, то дело передается на усмотрение того, кому предъявили иск: он может выйти на поединок (с ответчиком) или возвратить на суде (объект иска).

В данной статье предусматриваются процессуальные формы решения споров о торговых ссудах, о поручительских обязательствах или о взыскании *именного чего*. В зависимости от воли ответчика мог быть выбран поединок или присяга как форма доказывания. В отличие от ст. 45, в которой говорится о неудовлетворении *безымянных* исков, в настоящей статье говорится о приеме судом иска к рассмотрению, поскольку он *именной*, т.е. конкретно, индивидуально обозначенный.

102. Если какой-либо мастер будет взыскивать с ученика плату за ученье, а ученик будет отказываться (от уплаты), то (дело передается) на усмотрение господина (т.е. мастера): он сможет сам присягнуть (в подтверждение своих претензий) на плату за ученье или пусть верит показаниям ученика.

Данная статья, как и предшествующая, указывает на процессуальные формы, но упоминает лишь одну из форм - присягу. В отличие от обычного порядка, установленного в ст.ст. 92, 101, выбор того, кто будет присягать, предоставляется по вполне понятным причинам истцу - мастеру.

103. Подсуседнику дозволяется взыскивать с господина ссуду или еще чего-нибудь.

103а. Если у кого происходила с кем-либо тяжба (по делу) о (долге), зафиксированном в записи или обеспеченном залогом, а впоследствии то лицо, которое было обязано (выплатить долг) по записи или согласно залогу, предъявит к нему (самому встречный) иск (по другому делу) о ссуде или имуществе, отданном на хранение, или еще о чем-либо, ссылаясь на доски, или о торговой ссуде, то эти дела судить в соответствии с псковским обычаем.

А.А. Зимин верно усматривает по *исковой пошлине* указание на псковские обычаи, закрепленные в ст. 101, предусматривающей решение споров поединком или присягой.

Данная статья предусматривает право *подсуседника* предъявлять иск к хозяину. Тот факт, что между *подсуседником* и *государем* был заключен письменный договор или долговое обязательство, обеспеченное залогом, еще не является препятствием для *подсуседника* предъявлять иски к *государю* по поводу ссуды или имущества, отданного на хранение, даже если доказательством служат лишь простые письменные документы (*доски*). Такие споры решались по псковским обычаям. Ю.Г. Алексеев справедливо замечает, что из норм Псковской Судной грамоты видно, что «социальное и имущественное расслоение зашло достаточно далеко, должника в записи можно уже «имать» с приставом как простого татя, врываясь к нему на двор. Однако этот должник еще не вовсе беззащитен перед лицом кредитора, он еще имеет возможность (по крайней мере в теории) ответить иском на иск и постоять за себя по старым законам - «по псковской пошлине».

104. Если какие-либо истцы предъявят (к наследникам) умершего (претензии, ссылаясь на его) залог, (состоящий) из двух-трех или пяти до-

кументов, (которые подтверждают его права) на землю, или на воду, или только на двор или дом, причем у тех истцов, у которых (имеется) залог, (состоящий) из грамот, кроме того, будут в записи, фиксирующие обязательства покойного и его факт залога, у других же истцов не будет (таких) записей, а только залог, (состоящий) из грамот, то после приведения их (т.е. последних) к присяге, если близкие родственники (умершего) захотят выкупить залоги, пусть (истцы) разделят (сумму, полученную от выкупа залогов), по долям, соответственно сумме денег, (давшейся каждым из них под залог): сколько (давал) денег (под залог), столько (причитается) ему в (его) долю; если у какого-либо истца (имеется) залог умершего и записи, (подтверждающие долговые обязательства последнего), то ему не (следует) присягать в подтверждение своих претензий.

А.А. Зимин полагает, что в данном случае под словом *заклад* имеются в виду грамоты. Думается, однако, что это понятие не меняет здесь своего обычного смысла-залога в виде перечисленных в статье объектов собственности: земли, воды, двора, клети.

В этой статье разбирается случай, когда после смерти должника объявляются истцы с *грамотами*, удостоверяющими их право собственности на заложенный должником один и тот же участок земли, воду и т.д. Истцы должны были присягнуть и поделить заложенное имущество пропорционально предоставленному умершему займу. Если же среди истцов были такие, которые обладали кроме *грамот* еще и *записями*, то их иски подлежали удовлетворению и без присяги. *Ближнему племени* предоставлялось право выкупить заложенное имущество и выплатить долги умершего. Так можно было избежать раздела имущества кредиторами. Данная статья развивает вопросы, затронутые в ст.ст. 14-15.

105. Если какой-либо чужеземец предъявит к (другому) чужеземцу иск (по обвинению) в избиении и ограблении, то дело передается на усмотрение того, к кому предъявлен иск: он может сам присягнуть в том, что не избивал и не грабил истца, или на суде возвратить ему (то), что тот с него взыскивает.

Судя по ст. 105, дела между гражданами Пскова и иностранцами решались по упрощенной процедуре (ср. ст. 20). Гражданин Псковской республики мог присягнуть в том, что не бил иностранца и не грабил, и тем самым отвести от себя обвинения. Следует заметить, что процедура, предусмотренная Псковской Судной грамотой, выглядит проще и выгоднее для соотечественников, чем процедура, установленная Русской Правдой. Согласно ст. 31 Пространной редакции, *варяг или колбяг* мог представить свидетелей драки, которые могли подтвердить факты под присягой.

106. Если кто-либо с кем начнет тяжбу о земле или об угодии с ульями диких пчел и предъявит грамоты, доказывающие давность его владения (этим угодьем), и свою купчую, причем его грамоты коснутся земель и угодий с ульями диких пчел ряда совладельцев, которые все вместе явятся на суд, защищая каждый (по отдельности) свои права на землю и угодье с ульями диких пчел, предъявят господе (свои грамоты, возьмут межевщиков и отграничат в присутствии старожильцев истцу часть (земли или угодий), согласно его купчей, то истец приносит присягу (в подтверждение своих прав) на свою часть (земли или угодий). Присяга приносится (истцом) один раз; если кто-либо присягнет за всех совладельцев, то он получает и судницу (только) на (ту) часть (земли или угодий), о которой он присягал.

В данной статье рассматривается спор о земле или о пчелиных ульях между *общинниками* и лицом, купившим участок земли или леса с пчелиными ульями. Законодатель предписывает решать такие споры в присутствии всех *общинников* перед *господою*. Межники должны были разграничить участки *общинников* и купленный участок и после присяги покупателя ему выдавалось судебное решение о праве собственности на купленный участок. Так разрешался спор, и решение суда доводилось до сведения каждого заинтересованного лица. Ю.Г. Алексеев расценивает ст. 106 как новый этап в развитии судопроизводства о земле в целом: проникновение письменного документа в круг общинников с необходимостью должно было привести к перестройке внутриобщинных отношений. Статья 106 фактически отрицает нормы ст. 9. Последняя перестает действовать тогда и постольку, когда и поскольку в спор «о земли или о борти» вступают грамоты. С этого момента грамоты становятся основными аргументами тяжущихся сторон со всеми вытекающими отсюда последствиями - последствиями, заведомо благоприятными для обладателя грамоты, в ущерб страждущим владельцам и их соседям.

107. Если же кто-либо отдал что-нибудь в залог за (взятые им в долг) деньги и в последствии станет отдавать (эти) деньги, требуя возвращения своего залога, а тот (залогодержатель) будет отрицать получение им залога, заявляя: «(я) тебе денег не давал и у тебя залога не брал», - то дело может решиться трояко по усмотрению того, к кому предъявлен иск (о залоге): он может сам присягнуть, подтвердив тем самым свое отрицание факта залога, или может возвратить на суде стоимость залога, или выйти на поединок с истцом (залогодателем).

В данной статье обрисована ситуация, прямо противоположная той, которой посвящена ст. 31. В ст. 31 говорилось о случае, когда должник, взявший ссуду под залог, отказывался вернуть долг и забрать свой залог

обратно. В данной же статье описывается ситуация, в которой должник и кредитор меняются местами: теперь кредитор (залогодержатель) отрицает факт получения залога, данного в обеспечение договора займа. В этом случае залогодатель предоставлял кредитору, к которому предъявлялся иск о возвращении залога в обмен на данные кредитором в ссуду деньги, выбрать подходящий для него вариант: или присягнуть в том, что не брал залога, или положить у креста цену иска и предоставить возможность присягнуть истцу, или состязаться с истцом в поединке. Иск о возвращении залога приравнивался по форме к искам о возвращении отданных на хранение вещей. Очевидно, что и в ст. 31, и в ст. 108 говорится о таких договорах займа, которые не были оформлены *записью*. В этом отношении Псковская Судная грамота похожа на Русскую Правду, не упоминавшую о каких-либо письменных документах: ведь в основном споры решались в зависимости от показаний *послухов*. Но в отличие от Русской Правды Псковская Судная грамота предпочитает *послухам* поединок или присягу.

108. Если какой-либо казус отсутствует в псковском законе, то посадникам (следует) сделать сообщение (об этом) псковичам на вече и записать этот казус (в законе). Если же какой-либо казус из этого закона будет нежелателен псковичам, то его можно исключить из законов.

Данная статья имеет важнейшее значение для выяснения роли посадников и веча в законотворчестве в Псковской республике и для понимания всего закона. Право законодательной инициативы предоставлялось посадникам, которые должны были докладывать на вече о пробелах в законе. А вече предоставлялась роль законодательного собрания: от его воли зависела ликвидация пробелов и отмена устаревших, потерявших значение норм права. В этой связи представляется очень важным вопрос о социальном составе веча. По этому вопросу единой точки зрения нет. Четкую позицию занял В.Л. Янин, писавший, правда, о Новгородской, а не Псковской республике. На его взгляд, вече нельзя рассматривать как народное собрание, поскольку главную роль на вече играли представители привилегированных сословий. Менее четко аналогичная точка зрения была высказана в ранней работе И.Д. Мартысевича. Показав разнородный состав веча («вече состояло из бояр, духовенства, купцов, житьих людей и черных, или молодших, людей»), он все же пришел к выводу, что «такой состав веча обеспечивал господствующему классу руководящую роль при решении вопросов, стоявших на повестке дня веча». Иначе расценивает роль народа на вече И.Я. Фроянов: «нет досаднее заблуждения, чем то, согласно которому народ на вече является чем-то вроде послушной овечки в руках знати». «Громкий голос» простых горожан, влияющий на принятие тех или иных государственных решений, отмечал и Л.В. Черепнин. Б.Б. Кафенгауз, специально исследовавший историю псковского веча, показал, что на «ве-

чевых собраниях вместе с феодалами участвовали и «середние», «молодые», «мелкие люди» и даже «препростая чадь». По-видимому, все же нельзя отрицать роль народа в республиканском законотворчестве. Правовые нормы Псковской Судной грамоты не могли приобрести силы закона без одобрения веча. С одной стороны, участие народа в вечевых собраниях создавало возможность для народа влиять на внутреннюю и внешнюю политику. С другой стороны, непосредственные творцы политики могли, используя массовую психологию и рычаги влияния на массы, прикрывать законодательное закрепление собственных интересов ссылкой на «голос народа».

109. Попов и дьяконов, и просвирницу, и монаха, и монахиню (следует) судить наместнику архиепископа. Если же (судится) поп или дьякон или (процесс возбужден) против монаха или монахини, причем обе (стороны) будут не мирянами, а людьми, подсудными церкви, то (их) не (следует) судить ни князю, ни посаднику, ни (другим) судьям, ибо они подсудны наместнику архиепископа. Если же одной из сторон будет мирянин, (т.е.), если человек, подсудный церкви, предъявит иск к человеку, не подсудному церкви, то (следует) судить князю и посадникам совместно с наместником архиепископа; так же (следует судить и другим) судьям.

Статья содержит положения, аналогичные нормам ст.ст. 16-18 Устава кн. Владимира (Синодальной редакции). Смысл их заключается в оговаривании неподсудности церковных людей суду князя, а в Псковской республике - суду князя и посадника. Церковные люди подлежали суду владыки или его наместника. Лишь когда одной из сторон являлся церковный человек, а другой — мирянин, составлялся общий суд наместника владыки и князя с посадником. По такому же принципу должны были действовать и местные суды.

110. Если к какому-либо человеку предъявят иск о коне, или о корове, или об иной скотине, и даже о собаке, а он заявит: «это (животное) – мое, доморощенное», то (следует) привести его к присяге в том, что (спорное животное) действительно доморощенное (чем и решается дело).

Данная статья предоставляет ответчику, к которому предъявляется иск о домашних животных, отвести претензии истца путем присяги. Если ответчик присягал в том, что спорные животные были выращены в его хозяйстве, претензии истца отклонялись. На взгляд И.Д. Мартысевича, такой порядок защиты права собственности соответствовал интересам только господствующего класса. Однако, как справедливо заметил Ю.Г. Алексеев, те же объекты собственности имелись и у крестьян. Простота выяснения

вопроса, обычно-правовой характер судебного процесса и просто мелочность предметов иска указывают на то, что эта норма права защищала скорее мелких собственников, «патриархальных владельцев».

111. Если одна из сторон на суде господы ударит другую, то ее (следует) подвергнуть денежному взысканию в пользу того лица, (которому был нанесен удар), а также оштрафовать в пользу князя.

Статья предусматривает санкции за нанесение побоев на суде. Денежный штраф шел в пользу князя, и, кроме того, виновная сторона обязывалась возместить моральный ущерб потерпевшей стороне в материальной форме. Сумма этого взыскания равнялась, по-видимому, одному рублю.

112. А за барана по суду взыскивается 6 денег, за овцу 10 денег (ее) хозяину, а судебных пошлин 3 деньги по старому закону. А за гусака и гусыню по суду взыскивается по 2 деньги хозяину (и) судебных пошлин 3 деньги. А за утку и за селезня и за петуха и за курицу взыскивать по суду по 2 деньги.

Статья устанавливает ставки возмещения хозяину украденных у него домашних животных, а также размер судебных пошлин.

113. А объединение (братьщина) совместно пирующих (может) судить, как судья.

Слово *братьщина* И.Д. Мартысевич понимал как группу «соседей, объединявшихся между собою с целью организации в складчину общественных пирушек», которая могла рассматривать мелкие дела, вроде оскорблений и драк во время пира. Однако Ю.Г. Алексеев подвергает сомнению мнение И.Д. Мартысевича. На взгляд Ю.Г. Алексеева, *бои в пиру* были не подсудны *братьщине*, а относились к юрисдикции князя, как это вытекает из ст. 27. То же относится и к *татьбе в пиру* (ст. 34). Соглашаясь с возражениями Ю.Г. Алексеева по поводу отнесения к юрисдикции *братьщины* дел о *боях*, следует заметить, что кражи на пиру, как это видно из ст. 34, вполне могли подлежать суду *братьщины*.

114. Если кто-либо с кем обменяется чем-нибудь или купит что-нибудь спьяна, а когда проспятся, один (из участников сделки) будет недоволен, то им (следует) разменяться (тем, чем ранее они обменялись), а к присяге (их) по суду не (следует) приводить.

Статья признает недействительным договор мены или купли-продажи, заключенный в пьяном виде, если, протрезвев, одна из сторон пожелает его расторгнуть. Законодатель предписывает произвести обмен без всяких затруднительных условий - без присяги.

115. А княжеские люди (пусть) по дворам корчем не содержат ни в (самом) Пскове, ни в пригороде, и хмельной напиток не продают ни ведром, ни ковшом, ни бочкою.

Данная статья запрещала людям князя открывать в Псковской республике питейные заведения и торговать хмельными напитками в розницу. Вероятно, этот запрет преследовал цель ограничения доходов князя и ограждения республиканской монополии на *мед*. Как подметил А.А. Зимин, аналогичные запреты налагались и на немецких *гостей*.

116. Если кто-либо предъявит кому-либо обвинение в поджоге, а (прямых) улик никаких не обнаружится, то может (обвиняемого) вызвать для принесения добровольной присяги.

По мнению И.Д. Мартысевича, *вольная рота* означала присягу в невиновности, которую должен был принести подозреваемый в случае недостаточности улик. Ю.Г. Алексеев рассматривает *волную роту* как очистительную присягу коллектива, готового поручиться за подозреваемого. Однако следует оговорить, что четких доказательств для этой гипотезы закон все же не дает (см. также комментарий к ст. 34).

В отличие от ст. 7, в ст. 116 говорится о недоказанном поджоге.

117. Если кто-либо вырвет у другого клок бороды, и это подтвердит свидетель, то (последнему следует) принести присягу и выйти на поединок (с оскорбителем); если свидетель одолеет (на поединке своего противника), то за повреждение бороды и за избиение (следует) присудить вознаграждение в размере двух рублей; послух (в таких делах) должен быть (только) один.

Слово *послух* фигурирует еще в Русской Правде. Во времена Русской Правды оно заключало в себе по крайней мере два значения: свидетеля доброй славы и очевидца. В данном казусе *послуху* отводится, на взгляд Ю.Г. Алексеева, «роль стоятеля за правое дело», что, по-видимому, не исключает роли очевидца происшествия.

Данная статья очень сложна для понимания. Вызывает недоумение предписание закона *битися на поли* послуху, а не потерпевшему. Удивляет

непомерно высокая ставка денежного взыскания в пользу потерпевшего. Два рубля - это самая крупная денежная санкция, названная в Псковской Судной грамоте. Следует заметить, что вырывание бороды каралось и по Русской Правде самой высокой *продажей* - 12 гривен (ст. 67 Пространной редакции). Если памятники светского права предусматривают случаи насильственного лишения бороды, то в церковном Уставе кн. Ярослава содержится запрет брить собственную бороду. Попытка объяснения смысла этого запрета, а также логики столь высоких санкций за вырывание бороды дается в комментарии к ст. 26 Устава кн. Ярослава о церковных судах (Краткой редакции).

118. Если (кто-либо) купит по полюбовному соглашению корову, то после (совершения) торговой сделки нельзя взыскивать телят; если же проданная корова начинает кровоточить, то такую корову (следует) воротить (ее хозяину), даже если были заплачены (за нее) деньги.

Ю.Г. Алексеев полагает, что в данной статье речь идет о продаже коровы без телят, о которых просто забыли во время заключения сделки. На его взгляд, иск предъявляется к продавцу, интересы которого защищает закон. Такое представление о данной статье кажется неверным. Прав И.Д. Мартысевич, толкующий статью иначе: «Лицо, продавшее стельную корову, не могло требовать возвращения телят, родившихся после продажи коровы». Такое понимание вполне согласуется с логикой правового решения вопроса о приплоде, сформулированного римскими юристами в афоризме «Принадлежность следует судьбе главной вещи».

Иное дело, когда продавалась вещь со скрытыми дефектами. Тогда такая сделка должна быть признана, согласно ст. 118, недействительной: корова возвращалась продавцу, а деньги - покупателю.

119. В тяжбах между женщинами (следует) присуждать поединок, причем ни одна из них не может выставлять вместо себя наймита.

Статья предписывает решать споры между двумя женщинами поединком. Причем в отличие от ст.ст. 21 и 36 ст. 119 запрещает сторонам выставлять вместо себя наймитов для поединка. Очевидно, граждане Пскова не желали лишать себя столь любопытного зрелища, как поединок двух женщин.

120. Если кто-либо предъявит к кому-нибудь иск по обвинению в избиении, причем по делу об избиении взыскивать будут пять или десять человек или вообще любое число (людей) на пяти или на одном (человеке) и

(в результате они) выиграют процесс, то всем им (следует) присудить за побои, (скольким бы человекам они ни были бы нанесены) один рубль, взыскав (с проигравших процесс) штраф в пользу князя в одинарном размере.

В данной статье устанавливается единая ставка денежных взысканий в пользу потерпевших, а также единая *продажа* в пользу князя независимо от количества обвиняемых и потерпевших по делам о побоях.

(Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 1. М., 1984).

СУДЕБНИК 1497 ГОДА

ВВЕДЕНИЕ

Впервые упоминание о Судебнике 1497 года имеется в Записях о Московии австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, бывшего послом императора Максимилиана I при дворе Василия III. Опубликованные в 1556 году в Базале на латинском языке, эти записки раскрывали содержание лишь первых статей Судебника (3-7, 9-16) о порядке решения споров при помощи судебного поединка и наказаниях за разного рода преступления.

Рукопись Судебника 1497 года была обнаружена в 1817 году П.М. Строевым и опубликована им совместно с К.Ф. Калайдовичем в 1819 году. Она остается до сих пор единственным известным списком Судебника и хранится в фонде Государственного древнехранилища Центрального государственного архива древних актов в Москве.

В советское время вышло академическое издание «Судебники XV-XVI вв.» (подготовка текста к печати и комментарий Л.В. Черепнина). Исследуя сохранившийся единственный список Судебника 1497 года, Л.В. Черепнин пришел к выводу, что текст его был переписан с подлинника или другого списка не менее чем тремя сменявшими друг друга писцами. Рукопись Судебника не имеет постатейной нумерации. Ее текст подразделяется с помощью киноварных заголовков на 36 разделов, внутри которого имеются более мелкие подразделения – выполненные также киноварью инициалы. Систематизируя эти подразделения, М.Ф. Владимирский-Буданов при публикации текста Судебника в своей «Хрестоматии», изданной в 1873 году, разделил его на 68 статей. Однако, как показал Л.В. Черепнин, эта система деления искусственна. М.Ф. Владимирский-Буданов, не имевший возможности ознакомиться с рукописью Судебника и пользовавшийся исключительно публикацией К.Ф. Калайдовича и

П.М. Строева, в которой не всюду учитывалось наличие выполненных киноварью инициалов, не отразил полностью архитектонику памятника. По мнению Л.В. Черепнина, памятник следует разбить на 100 статей. Однако ввиду того, что все научные работы, посвященные Судебнику 1497 года, основаны на нумерации Владимирского-Буданова, в академическом издании (и в настоящей публикации) сохранено общепринятое деление.

М.Ф. Владимирский-Буданов отметил наличие в Судебнике определенной системы по сравнению с предшествовавшими актами. Предложенное выделение из состава Судебника четырех частей – постановления о суде центральном, суде местном, материального права и дополнительных статей – было воспринято всеми последующими исследователями. Рассматривая Судебник 1497 года как объединение местных законов в один общий, М.Ф. Владимирский-Буданов впервые предпринимает попытку более детального изучения вопроса о его источниках. Формально юридическое сравнение, проведенное путем текстологического анализа, приводит его к выводу, что в качестве «не только основного, но и единственного источника» Судебника выступают уставные грамоты, а нормы обычного права употреблены в незначительной степени. Использована Псковская Судная грамота, несколько видоизмененная по сравнению с вечевым законодательством. Судебник, считает М.Ф. Владимирский-Буданов, значительно беднее по сравнению с Псковской Судной грамотой как по содержанию, так и по искусству редакций. Он находит и неизвестные ранее памятникам статьи, например, запрещение отказывать в правосудии (ст. 2), законы о взяточничестве и лжесвидетельстве (ст. 67) и некоторые другие, автором которых он считает Ивана III.

В советской историко-юридической литературе наиболее крупные специальные исследования Судебника 1497 года принадлежат С.В. Юшкову и Л.В. Черепнину.

С точки зрения С.В. Юшкова, централизация территориальная предопределила централизацию законодательную. Однако господствовавшая в 20-е годы XX века концепция «торгового капитализма» при определении общественно-политического строя России периода XIV – XVI вв. оказала влияние и на труды, посвященные проблемам юридического оформления процесса ликвидации феодальной раздробленности и образования единого Российского государства. Судебник 1497 года трактуется С.В. Юшковым как памятник права, регламентировавший определенные социальные сдвиги на пути замены феодальных общественных отношений отношениями «торгового капитализма».

Солидаризируясь в основном с С.В. Юшковым по вопросам об источниках Судебника, а также в оценке ряда его статей и значения для процесса централизации Русского государства, Л.В. Черепнин предложил иное решение проблемы авторства Судебника 1497 года. Он пришел к выводу, что составителем Судебника не был и не мог быть сын боярский Владимир Гусев (этот вывод Л.В. Черепнина был подтвержден позднее А.Н. Насоно-

вым), и предположил, что активное участие в создании Судебника принимали бояре-князья И.Ю. и В.И. Патрикеевы, С.И. Ряполовский, а также великокняжеские дьяки В. Долматов, Ф. Курицын и др.

Изучая вопрос об источниках Судебника 1497 года, С.В. Юшков и Л.В. Черепнин сделали заключение, что при его составлении были использованы не только Русская Правда, Псковская Судная грамота и уставные грамоты наместничьего управления. Например, дошедшие до нас Двинская 1397 года и Белозерская 1488 года уставные грамоты, в которых, помимо вопросов местного управления и суда, содержались и нормы материального, гражданского и уголовного права. Действовало также местное законодательство, определявшее *корм* наместника, судебные и торговые пошлины, уголовные штрафы, отношение наместника к суду центральному, а также законодательство присоединенных к Москве княжеств и земель. Так, помимо известных нам Псковской и Новгородской Судных грамот, В.Н. Татищев упоминает о не дошедших до нас ростовских и рязанских законах.

К источникам Судебника относятся правые и жалованные грамоты, указы и инструкции, касающиеся суда и управления, и издававшиеся как Московским, так и иными княжествами. Таков, в частности, «Указ наместников о суде городским», изданный в 1483 -1484 гг. в связи с массовой конфискацией земель крупных феодалов, противившихся централизации, и передачей этой земли дворянству. Указ предусматривал привлечение к участию в суде представителей верхов местного населения, регламентацию судебных пошлин, установление твердых сроков, которых должны придерживаться кормленщики, призываемые приставом к ответу. В Судебник также вошли «Указ о езду», содержащий таксу пошлин за поездку приставов в различные города Московского государства, и «Указ о недельщиках».

Источниками при составлении Судебника 1497 года служили грамоты отдельных княжеств, устанавливавшие сроки *отказа* крестьян, сроки исковой давности по земельным спорам и др. По мнению С.В. Юшкова, в Московском великом княжестве, вероятно, существовал и до Судебника 1497 года сборник правил о судопроизводстве, применявшийся в центральных судебных учреждениях и, весьма возможно, в тех областях, которые не получили уставных грамот. Этот сборник должен был включать в себя «…по крайней мере, исчисление пошлин и сборов, следуемых с тяжущихся в пользу судей и в пользу второстепенных органов, а также сборов, взимавшихся при выдаче различного рода официальных актов». Исследуя русские феодальные архивы XIV – XV вв., Л.В. Черепнин уточняет это предположение и приходит к выводу, что около 1491 года был составлен «московский сборник», воспринявший некоторые местные, особенно звенигородские, правовые нормы и являвшийся руководством для разбора в суде поземельных дел. Ликвидация земельных конфликтов во вновь присоединенных владениях была очередной задачей московского правительства.

Проводя доскональное сопоставление всего предшествовавшего законодательства с текстом Судебника 1497 года, С.В. Юшков пришел, однако, к выводу, что только в 27 статьях Судебника можно найти следы непосредственного влияния каких-либо известных нам юридических памятников или норм обычного права (12 статей из уставных грамот, 11 из Псковской Судной грамоты, 2 статьи из Русской Правды (ст. 55 Судебника о займах и ст. 66 о холопах) и 2 статьи из норм обычного права). Но при заимствовании из старых источников нормы права перерабатывались применительно к изменениям в социально-экономическом строе. Усиливая в связи с обострением классовой борьбы репрессии, Судебник вводит смертную казнь для *лихих* людей, тогда как статьи Белозерской уставной грамоты, послужившие источником соответствующих статей Судебника, предоставляли разрешение вопроса о наказании таких людей на усмотрение суда. Судебник изменяет по сравнению с прежним законодательством порядок обращения к суду, обязанности судей, вводит новое понятие института послушества и т.д.

40 статей, т.е. около 3/5 всего состава Судебника, не имеют какой-либо связи с дошедшими до нас памятниками. Они или извлечены из несохранившихся законодательных актов Ивана III, или принадлежат самому составителю Судебника и представляют, таким образом, новые нормы, не известные прежней судебной практике. Именно новизной Судебника объясняется, по мнению С.В. Юшкова, то обстоятельство, что далеко не все его статьи осуществлялись на практике. Часть их оставалась программой, пожеланием, для реализации которой требовалось время. Именно поэтому Судебник 1497 года был положен в основу царского Судебника 1550 года, а отдельные его положения и принципы получили дальнейшее развитие в последующем законодательстве. Роль и значение Судебника 1497 года особенно возрастают в свете исследований Л.В. Черепнина, И.И. Смирнова и Б.А. Романова, доказывающих отсутствие промежуточного памятника права, а именно – Судебника Василия III.

СУДЕБНИК 1497 ГОДА
(текст и комментарий)

В сентябре месяце 1497 года Великий князь всей Руси Иван Васильевич со своими детьми и боярами установил, как судить боярам и окольничим.

1. Суд осуществляется боярами и окольничими в присутствии дьяков. Судьям запрещается брать за производство суда и ходатайств взятки, а также решать дело несправедливо из-за мести или дружбы со стороной.

Статья 1 определяет состав боярского суда и пределы его компетенции. Суд осуществляется членами Боярской Думы, занимавшими высшие придворные должности и исполнявшими фактически обязанности судей. В целях ограничения судебных прав бояр и необходимости ведения судопроизводства к боярскому суду допускаются представители иных сословий – дьяки. Первоначально дьяки появились в штате князя и, как правило, занимались оформлением его духовных и иных грамот. Иногда они даже были холопами, на что указывают документы времен Ивана Калиты. Первые официальные упоминания о великокняжеском казенном дьяке встречаются в 1447-1453 гг., а в 1493 году появляется упоминание о «Казне». Она понимается как Казенный приказ с дьяками и делопроизводством, ведавшим личным имуществом великого князя, его казной, а также архивом.

Избираемые князем не от *шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичов, или от простого всенародства,* дьяки являлись его надежной опорой. Не из бояр, а из дьяков, повествует Псковская летопись, выбрал Иван III истолкователя своей воли перед псковским вечем. Роль дьяков усиливается с возрастанием письменного делопроизводства. Они могли возглавлять приказы и являлись компетентными людьми в политических, административных, финансовых и иных вопросах. Не случайно с XVI века в состав Боярской Думы были включены думные дьяки, заведовавшие четырьмя главными приказами: Разрядным, Посольским, Поместным и Казанского Дворца.

Боярская Дума в качестве суда первой инстанции судила своих собственных членов, должностных лиц приказов и местных судей, разбирала споры о местничестве и иски служилых людей, не пользовавшихся привилегией великокняжеского суда. Боярская Дума была высшей инстанцией по отношению к местному суду. В нее передавались *по докладу* дела, изъятые из самостоятельного ведения местного суда, а также дела от приказных судей, когда между ними не было согласия, или порядок их решения не предусматривался законом. Помимо этого Боярская Дума была, наряду с великим князем, апелляционной инстанцией.

За производство суда или иного *печалования* запрещалось брать посулы (взятки). Первоначально *посул* – не столько взятка в буквальном смысле этого слова, сколько плата за проявление судьей прилежания в разборе дела. О посулах, как плате за суд, свидетельствует и ст. 4 Записи о душегубстве 1456 – 1462 гг.: *А тиуну великого князя что посулят.* Посулы, как вознаграждение, мзда от тяжущихся были обычным явлением и в последующее время.

Централизация государственного аппарата и недовольство масс злоупотреблениями должностных лиц на местах требовали упорядочения и ограничения прав должностных лиц. Так, в послании известного церковного деятеля Кирилла Белозерского князю Андрею (от 1413 года) предлагалось, чтобы *судьи…посулов не имели, довольны бы были уроки своими.*

Запрещение тайных посулов, т.е. взяток, отразили Новгородская и Псковская Судные грамоты. Статья 4 последней гласит : *А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику.* С этого времени слово *посульник* принималось уже как взяточник. В таком же смысле посул понимается и в статье 6 Двинской уставной грамоты, устанавливавшей ответственность наместника, отпустившего вора за взятку: *Кто…татя отпустит, а себе посул возмет.* Запрещение посула как взятки получило законодательное подтверждение в статьях Судебника, отразивших ряд мер по ограничению прав кормленщиков (ст.ст. 1, 33, 38, 43, 65, 67).

2. Судья обязан принять всех обратившихся к нему истцов и разобрать дело, если оно не превышает компетенции данного судьи. Если дело не подсудно данному судье, он должен доложить об этом великому князю или послать истца к тому судье, в компетенцию которого входит разбор данного дела.

Статья указывает на наличие у судей различной компетенции. Если к судье попадает дело, ему не подсудное, он должен обратиться за указанием к великому князю или сам передать дело по подсудности.

Статья впервые упоминает о зарождении приказной системы. Высказанное Л.В. Черепниным и поддержанное А.К. Леонтьевым мнение о том, что в статьях 1-2 нет еще данных, указывающих на оформление приказной системы, и что судьи для разбора того или иного дела назначались каждый раз по решению великого князя, вызывает возражение. Уже в XIV – XV вв. наряду с дворцово-вотчинной системой отдельные дела поручались, приказывались какому-нибудь боярину или дьяку, которые разрешали их самостоятельно. Поэтому приказы часто носили имя дьяка, которому поручалось выполнение того или иного дела (например, Приказ дьяка Варфоломея.). Должности дьяков переходили к их преемникам, постепенно образуя постоянные учреждения.

Полемизируя с А.А. Зиминым, выдвинувшим трехзвенную схему формирования приказной системы: приказ – «поручение», что и было, по его мнению, в Судебнике 1497 года, приказ – изба (50-е годы XVI в.) и приказ – учреждение (со времен опричнины), И.И. Смирнов отмечает, что принцип суда по приказам намечается еще в Судебнике 1497 года. Но здесь он выступает еще в виде своего рода дополнения к старому боярскому суду. Суд по приказам применяется лишь в тех случаях, когда дело не может быть разрешено обычным, старым путем. В Судебнике 1550 года суд по приказам превращается уже в основную форму центрального суда. Действительно, ст. 2 Судебника 1497 года предусматривает обязанность судьи принимать к производству дело в пределах его компетенции. Если дело выходит за эти пределы, то судья, а не великий князь отсылает истца к надлежащему судье. Статья 7 Судебника 1550 года, аналогичная ст. 2,

свидетельствует о закреплении судей за определенными приказами: *А кто к которому боярину…придет жалобник его приказу.*

3. Со стороны, признанной судом виновной, взыскивается боярином и дьяком судебная пошлина: боярину 2 алтына, дьяку 8 денег, если цена иска в деле равна рублю.

Статья 3 и следующие статьи развивают и конкретизируют ст. 9 Белозерской уставной грамоты, определяя размер и порядок взимания пошлин за рассмотрение дел боярским судом. Статья 3 направлена против посулов и заменяет их строго регламентированными судебными пошлинами, которые взыскивались на виноватом, т.е. со стороны, проигравшей дело. Размер пошлины зависел от суммы иска и лица, его подающего. За основу бралась цена иска в один рубль. При этом боярин получал два алтына (12 денег), а дьяк 8 денег. С увеличением или уменьшением суммы иска пропорционально изменялся и размер пошлины.

4. О пошлинах за судебный поединок.
Если стороны в процессе судебного разбирательства придут к примирению до начала поединка, с них взыскивается пошлина из расчета по 2 алтына с рубля боярину, а дьяку по 8 денег. От уплаты пошлин за судебный поединок окольничему, дьяку и недельщику стороны освобождаются.

Судебник конкретизирует порядок взимания пошлины за организацию судебного поединка – *поля.* Поединку предшествовало крестное целование, даже если бились не сами истцы и ответчики, а наймиты – *полевщики,* представляющие интересы той или иной стороны. Это уже институт судебного представительства (подробнее о нем см. комментарий к ст.ст. 49 и 52). Отказ от поля расценивался как признание вины. По свидетельству Герберштейна, на судебный поединок стороны «могут выставить вместо себя…какое угодно лицо, точно так же …могут запастись каким угодно оружием, за исключением пищали и лука. Обыкновенно они имеют продолговатые латы, иногда двойные, кольчугу, наручи, шлем, копье, топор и какое-то железо в руке наподобие кинжала, однако заостренное с того и другого краю; они держат его одной рукой и употребляют так ловко, что при каком угодно столкновении оно не препятствует и не выпадает из руки. Но по большей части его употребляют в пешем бою».

Судебный поединок как вид доказательства существовал еще в Древнерусском государстве, но законодательно впервые закреплен в Псковской грамоте (ст.ст. 10, 13, 17, 18, 21, 36, 37, 101, 117, 119). Поле назначалось только по делам, не затрагивающим интересов государства, и могло быть заменено свидетельскими показаниями. Организацией поля ведали окольничий, дьяк и недельщик.

Недельщик – должностное лицо, в обязанность которого входили вызов в суд сторон, арест и пытка обвиняемых и передача в суд дел о воровстве, организация судебного поединка и исполнение решения суда. По определению Гербештейна, «недельщик есть до известной степени общая должность для тех, кто зовет людей на суд, хватает злодеев и держит их в тюрьме; недельщики принадлежат к числу благородных». Наименование свое недельщики получили потому, что сменялись по неделям. Недельщики могли назначаться судом по просьбе истца для помощи ему в отыскании ответчика и обеспечения его явки в суд. Гербенштейн писал: «Всякий желающий обвинять другого в воровстве, грабеже или убийстве, отправляется в Москву и просит позвать такого-то на суд. Ему дается недельщик, который назначает срок виновному и привозит его в Москву». Эти сведения подтверждаются историческими документами. Так, правая грамота 1528 года митрополичьей кафедре упоминает недельщика Данилу Трофимова, который доставлял на суд ответчиков и правил на них истцов иск. За отправление этих обязанностей недельщик получал вознаграждение от заинтересованной стороны.

Если стороны приходили к примирению в ходе судебного разбирательства до начала поединка, то пошлина взыскивалась в пользу лиц, ведущих судебное разбирательство, т.е. боярина и дьяка, а полевая пошлина в пользу лиц, организующих поле, не взыскивалась.

5. Если стороны придут к примирению во время судебного поединка, с них взыскиваются судьями пошлины по тому же расчету, а также четвертая часть в пользу окольничего и недельщика и 4 алтына с деньгою дьяку. Недельщик взыскивает дополнительно 2 алтына за скрепление сделки сторон о поединке или за организацию его.

При примирении сторон во время судебного поединка, наряду с пошлиной боярину и дьяку, взыскивалась пошлина в пользу должностных лиц, наблюдающих за полем. При этом в пользу недельщика, помимо полевой пошлины, взыскалась *вязчее.*

Вязчее или вязебное – одна из наиболее ранних пошлин, предусмотренных еще в ст.114 Русской Правды, за связывание беглого холопа. В XV – XVI вв. под *вязчим, вяжщим, вязьбой* понималась пошлина за связывание подсудимого, наложение оков на него или за подтверждение заключенного сторонами соглашения о судебном поединке и за его организацию. Насколько можно судить, размер этой пошлины, восходящей еще ко временам Русской Правды, в XV – XVI вв. составлял примерно 20 – 24 деньги.

6. Если судебным поединком решаются споры, вытекающие из обязательств по договорам займа или по делам о личном оскорблении, то с по-

бежденного боярин и дьяк взыскивают пошлины в размере, равном сумме иска, окольничий и недельщик – полтину, а дьяку – четверть. Недельщик взыскивает также за скрепление сделки сторон в поединке или за организацию его 4 алтына.

В данном случае поле состоялось, а значит, есть и побежденный, с которого взыскивают пошлины. В ст. 6 предусматриваются сравнительно небольшие дела – по спорам о займе и об ответственности за побои. Установление единого порядка судопроизводства для дел об оскорблениях действием и обязательств из договоров подтверждало, по мнению С.Г. Струмилина, отсутствие в тот период резкой грани между сферой уголовных и гражданских дел. Более правильным, однако, представляется объяснение М.Ф. Владимирского-Буданова, относившего дела об оскорблениях действием и обязательствах из договоров к категории дел, нарушавших интересы частных лиц в отличие от деяний, приносящих вред всему господствующему классу в целом, что и обусловливало впоследствии разницу между судом и розыском.

7. Если судебным поединком решаются дела о поджогах или убийстве, или разбое, или воровстве, то с побежденного берутся требуемые другой стороной сумма иска и пошлины: окольничему полтина и доспехи, дьяку четверть, а недельщику полтина и за скрепление сделки сторон о поединке или за организацию его 4 алтына. Побежденный подвергается также наказанию и «продаже» по усмотрению судьи.

Здесь поле применяется только по уголовным делам и притом преимущественно тяжким делам – об убийстве, разбое, воровстве, поджоге. Побежденный уплачивал полевые пошлины в том же размере, что и по ст. 6, но, кроме того, отдавал окольничему доспехи, в которых участвовал в судебном поединке. Проигравший дело подвергался наказанию, предусмотренному законом за соответствующее преступление.

Однако на практике поле как доказательство, не способное охранять интересы господствующего класса, допускалось только в исключительных случаях, когда не было возможности разобрать дело при помощи других доказательств. Стремление господствующих классов ограничить применение поля проявляется еще до Судебника 1497 года. Так, в 1410 году митрополит Фотий писал новгородскому духовенству, чтобы священники не причащали идущих на поле и не хоронили убитых. Убивший своего противника рассматривался как душегубец; священник, причащавший или отпевавший участника поля, лишался сана.

8. О воровстве. Если обвиненный в воровстве, разбое, убийстве, злостной клевете или в ином каком «лихом деле» окажется ведомым лихим челове-

ком, он карается смертной казнью, а из его имущества удовлетворяется иск. Оставшаяся часть имущества поступает судьям. Пошлина и «продажа» делятся судьями: боярину 2 алтына, а дьяку 8 денег. При отсутствии у лихого человека имущества для удовлетворения иска он не может быть выдан стороне для отработки или до выплаты долга, а должен караться смертной казнью, которая осуществляется тиуном Московского великого князя.

В статье наряду с процессуальными появляются нормы материального уголовного права. В ст. ст. 8 и 9 вводятся некоторые новые составы преступлений. Так, наряду с татьбой и разбоем, известными еще Русской Правде, впервые появляется понятие ябедничества (т. е. ложного доноса, злостной клеветы), имевшего своей целью обвинить невиновного. Наиболее существенным новшеством является введение в статью такой категории преступного деяния, как *лихое дело.*

Статья вводит понятие *ведомого лихого человека.* Уже по ст. 10 Белозерской уставной грамоты совершившие татьбу, разбой или душегубство подлежали, помимо возмещения материального ущерба истцу, наказанию по усмотрению судьи. С усилением борьбы феодально-зависимого и закрепощаемого населения, принявшей массовый характер, совершение преступлений ведомым *лихим человеком,* безусловно, влекло для него смертную казнь. Определяя порядок распоряжения его имуществом, часть которого шла в возмещение иска, а остальная — в пользу судей, ст. 8 специально подчеркивает невозможность отмены смертной казни и передачи обвиненного, при отсутствии у него имущества, истцу для отработки долга. Здесь, подчеркивает М.Ф. Владимирский-Буданов, в первый раз требования истца уступают требованиям уголовного закона.

Судебные функции по поручению великого князя или наместников и волостелей осуществляли тиуны. В соответствии с этим тиуны подразделялись на государевых и боярских. Боярские подчинялись наместнику или волостелю, в пользу которых они собирали доходы. Тиуны государевы или великокняжеские были лишь в Москве и московских волостях, являвшихся великокняжескими вотчинами. Доходы с них поступали в пользу великокняжеской казны. Московский тиун подчинялся не наместнику, а непосредственно великокняжескому казначею. Таким же правом пользовался Новгородский тиун.

Лихим человеком мог быть признан любой, хотя бы и не совершивший никакого конкретного деяния, но сочувствовавший требованиям народа, поддерживавший их и в силу этого являющийся лицом опасным для господствующего класса. Он отнюдь не был рецидивистом, как трактует это Е. И. Колычева. Виновность оговоренного подтверждалась не представлением доказательств, а крестным целованием (присягой) оговаривающих (ст.ст. 12—13), что свидетельствовало о применении следственной формы процесса при расследовании наиболее опасных деяний. Дела начинались,

как явствует из статьи, не только по иску частного лица, но, главным образом, вследствие *довода,* т. е. обвинения, производимого специальными должностными лицами — *доводчиками.* Они находились в штате наместников и выполняли, по мнению С. Б. Веселовского, обязанности судебных следователей. Вероятно, во избежание лишних поборов, вызывавших недовольство населения, *доводчикам* предписывалось *ездити в стану* без *паропка* (помощника) и *без простые* (в данном случае — без лишней) лошади... *А где доводчик ночует, туто ему не обедати, а где* обедаеть, *туто ему не ночевати.* Доводчикам поручался также вызов в суд, а иногда и выполнение судейских обязанностей.

9. Совершивший убийство господина, крамолу, церковную кражу или святотатство, кражу, сопровождавшуюся убийством, передачу секретных сведений или оговор невиновного, поджог города с целью предать его врагу, а также ведомый лихой человек карается смертной казнью.

Имея в своей основе ст. 7 Псковской Судной грамоты, ст. 9 перечисляет особо опасные преступления против государства и церкви, а также деяния, совершаемые феодально-зависимым населением против своих господ. На первом месте упоминается *государский убойца,* т. е. убийца своего господина. Именно так переводит это выражение Герберштейн. Введение специального понятия *государский убойца* и установление смертной казни для лиц, совершивших это деяние, обусловливалось учащением случаев выступления зависимого населения против своих господ и необходимостью защиты жизни представителей господствующего класса.

Крамола упоминается, например, в договоре князя Семена Ивановича (сына Калиты) с братьями в начале 50-х годов XIV века по отношению к боярину Олексию Хвосту, который *вшел в коромолу к великому князю.* Первоначально крамола выражалась главным образом в *отъездах* князей и бояр, пытавшихся сохранить свою самостоятельность. Крамольник и его дети лишались боярского чина и права на имущество, но не подлежали еще уголовному наказанию. По мере усиления борьбы с великокняжеской властью крупные бояре стали прибегать к прямой измене, заговорам, восстаниям и иным действиям, направленным против власти и жизни самого великого князя.

Можно предположить, что крамольник, покушавшийся на государственный строй или особу государя, наказывался даже за голый умысел. Так, в 1456 году за прежние деяния и по подозрению в умыслах *крамолы* был *пойман* на Москве и сослан в Углич серпуховской князь Василий Ярославич. Несомненно, что крамола инкриминировалась и всем тем представителям низов феодального общества, которые вступали в открытую борьбу против господствующего класса. Интересно, что В.Н. Татищев называет крамольника возмутителем народа. Под церковным татем, по мнению большинства исследователей Судебника, понимается лицо, совершившее

святотатство, т. е. деяние, так или иначе нарушающее права и интересы церкви, являющейся оплотом феодального государства. Однако ни Судебник 1497 года, ни Судебник 1550 года не определяют еще специальных составов святотатства.

Относительно понятия *головная татьба* нет единого мнения. По словам В.Н. Татищева, «головной тать на многих местах разумеет смертноубийцу, да и всякий тать, по словам христовым, из того не выключен», т. е. тать включал и понятие убийцы. Л.В. Черепнин считал, что под головной татьбой следует рассматривать воровство, сопровождавшееся убийством. Оспаривая это положение, Е.И. Колычева присоединяется к сложившейся в историко-правовой литературе позиции, согласно которой *головная татьба* — это похищение людей, преимущественно холопов.

Квалификация *головной татьбы* как кражи холопов – наиболее ценного для господствующего класса имущества — не лишена основания. Тем более что ст. 10, открывающая цикл статей о порядке ответственности за разного рода кражи, включает в их число *головную татьбу.* К толкованию термина *головная татьба* как кражи людей (для продажи в холопство) присоединяется и А.А. Зимин, считая нелогичным с точки зрения древнерусского права понимать *головную татьбу* как татьбу с убийством. Однако, как показывает Л.В. Черепнин, укрывательство людей, похищение холопов или переправка их за рубеж влекли не смертную казнь, а похолопление виновных.

Ярко выраженный классовый характер Судебника 1497 года, защищавшего феодальную собственность и личность феодала, не исключает установления высшей меры наказания за такое квалифицированное преступление, как кража, сопровождавшееся убийством собственника, что могло быть одновременно и средством расправы с тем или иным представителем господствующего класса, но не группой лиц, а в одиночку. Исходя из вышесказанного, точка зрения Л.В. Черепнина представляется убедительнее.

Еще более спорным является определение преступных деяний, инкриминируемых *подымщикам* и *зажигалникам. Подымщик* в досоветской историографии трактовался преимущественно как поджигатель дома, двора, жилого помещения *(дыма),* в отличие от поджигателя укреплений, города — *зажигалника.* Справедливо отмечая, что данная трактовка не объясняет, почему понадобилось такое подразделение, если оба вида поджога относятся к числу наиболее опасных преступлений и влекут высшую меру наказания, Л.В. Черепнин заменяет термин ст. 9 *подымщик* другим, содержащимся в ст. 61 Судебника 1550 года, — *подметчик*. А затем высказывает предположение, воспринятое советской историографией, что *подмет* — это шпионаж или разглашение секретных сведений. Впервые на неточность такой трактовки ст. 9 обратил внимание О.И. Чистяков. Он не только отметил неправомерность проведенной замены и отождествления термина *подымщик* с *подметчиком,* но и не со-

гласился с тем, что подмет означает шпионаж. *Подмет* — это подбрасывание кому-либо не только похищенного имущества с целью обвинения его в разбое или татьбе, но и подметных писем. Аналогичную трактовку давал и В.Н. Татищев: «Подметчик двояков: 1) которой поличное кому подкинет, хотя оного невинно ополичить..; 2) пасквилянт, которой поносительные или возмутительные письма, сочиня, подкладывает... ». Подметное письмо, по мнению О.И. Чистякова, не шпионаж, а скорее какая-то прокламация, которую подбрасывают (подметывают) для возбуждения народа против власти или ее представителей, поэтому подымщика можно рассматривать как человека, поднимающего бунт, возмущение. Это предположение находит подтверждение в раскрытии значения слова подымщик. По Далю, оно отождествляется не с «дымом», а с характеристикой человека — подъименный, подъименщик, принявший чужое имя, живущий не под своим, а под именем другого. Более чем вероятно, что человек, занимавшийся противоправной деятельностью, «промышляющий не по праву» ‹...› «не платя торговых податей», вынужден скрываться, жить под чужим именем, быть подъименным. Представляется, что *подымщик* — лицо, нарушившее существующие, господствующие нормы поведения, скрывающееся от властей и бесспорно относящееся к разряду *лихих людей.* Еще более важны некоторые значения глагола *подымяти,* приводимые И.И. Срезневским (поднимать, вооружать, возбуждать) с примерами из летописных известий, относящихся к XV веку *(подъемша всю ... область, идоша на немецкую землю; присла ... посла псковичъ подъимать на Новгород).* То есть *подымщик,* по ст. 9 Судебника 1497 года, — лицо, поднимающее, возбуждающее кого-то, население или какую-то его часть против основ существующего правопорядка (о том, что это — серьезное покушение на правопорядок, свидетельствует сама тяжесть наказания), может быть на восстание.

Зажигалник— человек, совершивший поджог, что расценивалось как тягчайшее преступление еще во времена Русской Правды. Поэтому вполне справедливо замечание О.И. Чистякова о том, что норму ст. 9 нельзя рассматривать только как поджог города с целью сдачи его врагу. Однако наказание за поджог зависело, вероятно, от того, принадлежал ли преступник к категории *лихих людей.* Так, из судного списка от 30 июня 1503 года явствует, что виновный в поджоге монастырской деревни Михалка Жук приговорен к возмещению нанесенного монастырю ущерба в размере 5 рублей. За отсутствием денег и поручительства в уплате их виновный был передан монастырю до искупа, т. е. до отработки долга. Из судного списка видно, что Жук совершил поджог *рнясь,* т. е. злясь за взятое монастырем с него *пожилое.* Налицо злая воля. Но представляется неправильным относить, как это делает А.Г. Поляк, человека, совершившего деяние умышленно, по злой воле, к числу *ведомых лихих людей.* Подразумевается, что первоначально, когда понятия случайного и неосторожного деяния еще не были выделены, виновный действовал умышленно. Но это еще не означа-

ло, что он был *лихим человеком,* да еще ведомым. Смертная казнь по ст. 9 имеет в виду, как справедливо подчеркивает Л. В. Черепнин, особую опасность поджога, совершенного *либо ведомым лихим человеком,* либо как акт классовой борьбы. Так, когда в 1547 году начались пожары в Москве, то сразу же возникли слухи, что виной пожара были *зажигалники.* Многих поджигателей *имали и пытали,* а затем *казнили смертною казнью: глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали.* Зажигалники, т. е. те, кто пожар учиняли *нарочным делом,* подлежали смертной казни и по нормам последующего законодательства.

10. Если вор впервые совершит кражу, кроме кражи церковной или сопровождавшейся убийством, и никаких доказательств о совершении им ранее краж не будет, он карается торговой казнью, подвергается «продаже» по усмотрению судьи и с него взыскиваются убытки, понесенные истцом. При отсутствии у виновного имущества для возмещения убытков, понесенных истцом, он подвергается битью кнутом и выдается истцу в холопство до уплаты или отработки нанесенных им убытков, а взыскания в суде не производятся.

11. Вор, совершивший кражу вторично, карается смертной казнью, а из его имущества возмещаются убытки, понесенные истцом. Оставшаяся часть имущества поступает судье. При отсутствии у такого вора имущества, с которого можно взыскать убытки, понесенные истцом, он не выдается истцу до отработки или выплаты долга, а карается смертной казнью.

12. Обвинение кого-либо в воровстве со стороны пяти-шести добрых людей из числа детей боярских или черносошных крестьян, подкрепленное присягой, в случае, если будет доказано, что обвиняемый воровства ранее не совершал, влечет для него обязанность удовлетворить предъявленный истцом иск без разбора дела по существу.

13. О поличном. Если пойманный впервые с поличным будет признан под присягой пятью-шестью добрыми людьми вором, совершавшим кражи неоднократно, он карается смертной казнью, а из его имущества возмещаются убытки, понесенные истцом.

14. О воровском оговоре. Кого оговорит вор, того допросить: если оговор подтвердится доказательствами, оговоренного пытать для выяснения обстоятельств воровства, если доказательств по обвинению в прежнем воровстве не будет, то оговору вора не верить и передать оговоренного поручителям до окончания расследования.

По мнению Л.В. Черепнина, статьи 10 – 14 являются фрагментом самостоятельного устава, направленного на организацию борьбы с *татями* и охрану собственности. В них устанавливается наказание за кражу, а также порядок изобличения преступников. Наказание зависело от того, простой или квалифицированной была кража. Деление кражи на простую и квалифицированную известно еще со времен Русской Правды. Так, в ст. 38 Краткой и ст. 40 Пространной редакции потерпевшему предоставлялось право убить вора без суда и следствия при совершении кражи из закрытого помещения и ночью, тогда как простая кража влекла лишь денежный штраф. Развивая это положение, ст. 5 Двинской уставной грамоты впервые упоминает о рецидиве, а также предусматривает смертную казнь *(ино повесити)* за третью кражу. Эти нормы повторяются затем в ст. 8 Псковской Судной грамоты. Судебник устанавливает виды кражи, квалифицированные по объекту — *церковная и головная татьба* (ст. ст. 9, 10), по повторяемости — рецидив, повторная кража (ст. 11), по субъекту — кража, совершенная *ведомым лихим человеком* (ст. 13). Всякая квалифицированная кража каралась смертной казнью. При этом, аналогично ст. 8, требования частного лица уступали уголовным требованиям государства, *а не будет у того татя статка с ысцеву гыбель, ино его исцу в гибели не выдати, казнити его смертною казнью* (ст. 11).

В ст. 10 предусматривается наказание за простую кражу. Кража, совершенная впервые, кроме *церковной* и *головной,* и кража с поличным со стороны *ведомого лихого человека* влекли за собой торговую казнь, а также возмещение убытков потерпевшему. В случае несостоятельности осужденного можно было *выдать головой.* С.Г. Струмилин интерпретировал это положение лишь как продажу имущества, но никак не личности истца. Выдача неимущих истцам головою в работу до искупа получила, по его мнению, законодательное закрепление лишь в Уложении 1649 года. Однако общепринятым в науке является мнение о том, что несостоятельный должник отдавался истцу или кредитору в холопство до отработки долга. Это защищало интересы феодальных собственников.

Торговая казнь означала битье кнутом, которое производилось палачом на торгах, площадях или в иных местах скопления народа, с целью устрашения последнего. *Торговая казнь* часто являлась замаскированным видом смертной казни, особенно в случаях, когда предписывалась *торговая казнь* без пощады. Число ударов в законодательстве не определялось. В XVIII —XIX вв. число ударов доходило до 400, в XVII веке для пытки устанавливалось 300 ударов. Но уже 50 ударов считалось битьем нещадным: *Тех воров... бить кнутом... нещадно, давать бы ударов по 50*. Этот вид наказания применялся до середины XIX века.

Статья 11, относя рецидив к числу отягчающих признаков, рассматривает повторную кражу как квалифицированную. При отсутствии у ви-

новного имущества он не выдается истцу для возмещения убытков, а подвергается смертной казни.

Статьи 12—13 определяют порядок оценки показаний, изобличающих преступников. По ст. 12 оговор в воровстве со стороны 5—6 добрых людей, даже при отсутствии доказательств в виновности *(а довода на него в прежнем деле не будет),* влек для оговоренного обязанность удовлетворить требования истца без разбора дела по существу (ст. 12). Институт оговора — обвинения *(а на кого взмолвят...пять или шесть... добрых христиан*) трактовался по-разному. Б.И. Сыромятников видел в этом обыскное начало в виде язычной молки, т. е. свидетельства целой общины, которая *добрила* или *лиховала* человека, давая общую оценку его личности. Признавая, что институт оговора является остатком суда общины, М.Ф. Владимирский-Буданов рассматривает его, однако, как переходный момент к началу повального обыска. Это более соответствует действительности, ибо оговор со стороны *добрых,* т. е. благонадежных с точки зрения господствующего класса, людей приобретал в глазах законодателя безусловную доказательственную силу. К *добрым* людям обычно относились дети боярские, составлявшие разряд свободных служилых людей, занимавшие низшие и средние должности в армии и системе управления и получавшие за свою службу земельные пожалования, или волостные крестьяне, сидевшие на черных землях, находившихся под управлением общей администрации, и целовавшие крест, т. е. присягавшие при избрании их населением для выполнения различных должностей в органах местного управления. Таким образом, *добрые* люди являлись представителями господствующего класса или зажиточной части крестьянского населения. Согласно ст. 13 признание добрыми людьми вора *ведомым лихим человеком,* хотя бы и совершившего первую кражу (*а довода на него в прежнем деле не будет),* но пойманного с поличным, влекло для него смертную казнь. М.Ф. Владимирский-Буданов подчеркивает, что более строгое наказание вора, захваченного с поличным, характерно для древнего права всех народов. *Поличное* – непосредственная улика в виде украденных вещей, найденных у похитителя под замком. *А поличное то, что выимут* из *клети из-за замка; а найдут что во дворе, или в пустой хоромине, а не за замком, ино то не поличное.*

По ст. 14 оговор со стороны татя подлежал проверке. Если оговоренный татем был *прирочный* (известный как уже раз совершивший противозаконное деяние) человек с доводом, он подвергался пытке. В противном случае оговоренный отдавался на поруки до производства обыска. Обыск, по мнению большинства ученых, означал опрос *добрых* людей с целью определения репутации подсудимого. Представляется, однако, заслуживающим внимания мнение Г. Сокольского о том, что в данном случае разумеется не повальный обыск, а – аналогично ст. 60 Псковской Судной грамоты – осмотр дома. *А татю веры* не *ять; а на кого возклеплет, ино дом его*

обыскати; и знайдуть в дому его что полишное, и он тот же тать, а не найдут в дому его, и он свободен.

15. О правой грамоте. За выдачу правой грамоты взыскивается пошлина из расчета с рубля: за приложение печати — 9 денег, за подпись дьяку — алтын, за написание документа подьячему — 3 деньги.

16. О докладном списке. Докладной список скрепляется печатью боярина и подписывается дьяком. За список взыскивается пошлина из расчета с рубля: боярину за приложение печати по алтыну, дьяку за подпись по 4 деньги, подьячему за написание решения вышестоящего суда по 2 деньги.

17. О правой грамоте по холопским искам. За выдачу правой или отпускной грамоты взыскивается пошлина из расчета с человека боярину за приложение печати по 9 денег, дьяку за подпись по алтыну, а подьячему за написание грамоты по 3 деньги.

18. Об отпускной грамоте. Отпускная грамота без боярского утверждения и без подписи дьяка, а для городов — без утверждения наместником, пользующимся правом решать наиболее важные дела, является недействительной, за исключением грамоты, написанной собственноручно господином холопа.

19. О неправомерном разбирательстве дела. Решение, вынесенное судьей без надлежащего разбора дела в суде, признается недействительным, а ответчику возвращается все взысканное с него. При этом судьи ответственности не несут, а истец может передать дело в суд на новое рассмотрение.

В ст. ст. 15 — 19 определяется порядок выдачи судебных актов. Все они должны были оплачиваться судебными пошлинами, скрепляться подписью дьяка и печатью великого князя, что свидетельствовало о придании большего значения формальной стороне дела.

В ст. 15 говорится о выдаче *правой грамоты* — судебного решения. *Правая грамота* состояла из протокола судебного разбирательства и решения суда. Она выдавалась обычно по просьбе стороны, выигравшей дело, и облагалась пошлиной в пользу должностных лиц судебного аппарата, а именно - подьячего, *которой грамоту напишет,* дьяка, подписывавшего грамоту, и боярина, скреплявшего грамоту печатью.

Статья 16 определяет размер пошлин с докладного списка. *Докладной список* представлял собой протокол заседания (судный список) суда первой инстанции, передававшийся на рассмотрение (доклад) вышестоящей инстанции, которая давала указание, как решить дело. Решение выше-

стоящей инстанции писалось на оборотной стороне судного списка и служило основанием для выдачи правой грамоты судом первой инстанции. Основанием для доклада являлись сомнения судей, возникающие из трудности дела или неясности права, ограниченная компетенция судьи и разногласия судей при сместном суде. Институт *доклада,* встречающийся и в Новгородской Судной грамоте (ст. ст. 6, 20, 26, 28, 42), представлял своеобразную форму контроля вышестоящего суда над нижестоящим, содействуя централизации и укреплению княжеского и боярского суда. Установление *доклада* обеспечивало передачу особо опасных для господствующего класса дел в руки центрального суда, а именно обязательное обращение по *докладу* устанавливалось при разборе дел о холопах, татях, разбойниках, лихих людях (ст. 43). Порядок *доклада* довольно подробно определен в Новгородской Судной грамоте: *А докладу быти во владычне комнате; а у докладу быть ис онца по боярину да по житьему, да кои люди* в *суде сидели, да и приставом; а иному никому же у доклада не быть. А докладшиком садиться на неделю по трижды, в понедельник, в середу и в пяток. А кои докладшик* не *сядет на тот день, ино взять на боярине два рубля, а на житьем рубль. А докладшиком от доклада посула не взять, а у доклада не дружить никоею хитростью, по крестному целованъю: А кому сести на докладе, ино ему крест целовать на сей на крестной грамоте однова.* Решение вышестоящей инстанции по *докладу* выносилось на основе фактического пересмотра всех материалов дела. Таким образом, институт *доклада* являлся зародышем апелляционного производства в России.

Учитывая изменения экономического положения холопов, Судебник 1497 года, развивая ст. ст. 66 и 85 Русской Правды Пространной редакции о допущении к свидетельским показаниям холопов, предоставляет им право отвечать и искать на суде, т. е. признает их субъектами права. Кроме того, Судебник законодательно подтверждает практикуемый отпуск холопов на волю. Это видно в ст. 17, которая предусматривает выдачу *правой и отпускной* грамот, т.е. судебного решения по искам холопов и документа об отпуске холопов на волю. По наблюдениям Е.И. Колычевой, такой отпуск распространялся прежде всего на верхушку административно-хозяйственного аппарата, военную дружину и одиноких женщин. Он осуществлялся преимущественно в случае выморочности владений феодала и первоначально не требовал определенной регламентации. Факт освобождения того или иного *полного* человека фиксировался обычно в духовных грамотах (завещаниях). Как правило, *отпускные* грамоты давались в спорных случаях, и лишь Судебник 1497 года не только узаконил необходимость выдачи *отпускных* грамот при всех случаях отпуска холопов, но и определил порядок выдачи их (ст.ст. 17, 18, 20, 40—43). Статья 17 устанавливает одинаковую пошлину при выдаче *правой* и *отпускной* грамот, размер которой определяется не из расчета пошлин с рубля, а с *голо-*

вы, т.е. с человека. Законодательно подтверждая право на отпуск холопов, Судебник, однако, строго регламентирует порядок его осуществления.

Статья 18 относит решение вопроса об отпуске холопов к компетенции наместника, державшего кормление с боярским судом. В волостях (т. е. в частях уезда) функции управления и суда осуществляли волостели, дворецкие, слободчики, приказчики, посельские и т. д. Все они находились на содержании населения, которое предоставляло им так называемый *корм. А кто будет волостель на Кривондине волости, ... корму ... имати на Рождество Христово со шти деревень десятеро хлебов, да полоть мяса, да мех овса, да воя сена; а тиуну его... пятеро хлебов, да полоть мяса, да острамок* (полвоза) сена, *да полмеха овса; а доводчику ... с деревни хлеб, да часть мяса, да зобня* (кошель, лукошко) овса. Кормление давалось на определенный срок, обычно на год.

Стремясь централизовать судебный аппарат, Судебник установил два вида кормлений: кормление с боярским и кормление без боярского суда. Кормленщик *с судом боярским* имел право выносить окончательное решение по ряду наиболее важных дел (о холопах, татях, разбойниках). Должности кормленщика с боярским судом получали обычно лица, занимавшие привилегированное положение в системе аппарата управления Русского феодального государства, а также наместники и волостели наиболее отдаленных от центра областей. Кормленщик *без боярского суда* был обязан вносить решения по этим делам на доклад в вышестоящую инстанцию. Ею была Боярская Дума, для государевых тиунов — великий князь, а для тиунов боярских — соответствующий наместник с боярским судом. Тиуны, а также дьяки, городовые приказчики и другие приказные лица заведовали доходами в пользу самого государя — государев тиун, либо своего господина — тиуны боярские. Отпускная грамота, выданная без боярского доклада и без дьячей подписи, а в городах без доклада наместнику, державшему кормление с боярским судом, являлась недействительной. Исключение допускалось лишь в том случае, если отпускная была написана собственноручно владельцем холопа, что предполагало подтверждение его согласия на отпуск холопа.

Статья 19 предусматривает отмену неправильного решения судьи (то *грамота не в грамоту)* и предоставляет истцу право повторного рассмотрения дела. Поскольку дело начиналось заново, перед нами институт апелляционного судопроизводства, которое, по всей вероятности, осуществлял сам князь. Это способствовало усилению авторитета суда и защите прав господствующего класса. Законодательство еще не отличает неправый суд от судебной ошибки и не устанавливает ответственности судей за вынесение ими неправильного решения.

20. Указ о наместниках. Наместникам и волостелям, не имеющим права решать особо важные дела, запрещается решать дела о выдаче холопа

или рабы и выдавать правые, беглые или отпускные грамоты без утверждения вышестоящей инстанции.

Статья 20 является не столько иллюстрацией к ст. 19, сколько дополнением, уточнением, усилением ст. 18, регистрирующей отпуск холопов на волю. В ней вновь подчеркивается, что наместники и волостели, державшие кормление без боярского суда, неправомочны без обращения в вышестоящую инстанцию решать никакие дела, связанные с правовым положением холопов. Они не могут выдавать не только отпускные, но также *грамоты беглые* и *государя грамоты правые,* т. е. решения суда по спорному делу между холоповладельцами о выдаче холопа или *робы* одной из сторон или о несостоятельности притязаний феодала, когда холопу удавалось доказать свое свободное состояние. Контроль за выдачей этих документов в условиях отпуска холопов и наряду с этим массового бегства и переманивания холопов землевладельцами был особенно необходим для охраны интересов господствующего класса.

21. О суде великого князя. При осуществлении суда великим князем или детьми великого князя судебные пошлины с виновного взыскиваются в том же размере, что и при разборе дел боярским судом, т. е. из расчета с рубля по 2 алтына.

22. О правой грамоте. За выдачу правой грамоты взыскивается пошлина из расчета с рубля: печатнику великого князя или детей великого князя за приложение печати по 9 денег, дьяку за подпись по алтыну, подьячему за написание грамоты по 3 деньги.

23. С холопа и с рабы за выдачу правой грамоты взыскивается печатнику с человека по 9 денег, а подьячему за написание грамоты с человека по 3 деньги.

24. О докладном списке. Докладной список, утвержденный великим князем или детьми великого князя, скрепляется печатью великого князя или детей великого князя. С докладного списка взыскивается пошлина из расчета с рубля: печатнику за проставление печати — по 9 денег, дьяку за подпись – по алтыну, а подьячему за написание решения вышестоящего суда — по 2 деньги.

Данные статьи, могущие, по мнению Л.В. Черепнина, представлять собой самостоятельный правовой памятник, посвященный великокняжескому суду, определяют размер пошлин за разбор дел этим судом. Под княжеским судом понимался как суд самого великого князя, так и его детей. Сохранились правые грамоты XV века — сына и внука Ивана III. Ве-

ликокняжеский суд в тот период рассматривал дела в качестве суда первой инстанции по отношению к жителям своего домена, а также особо важные дела или дела, совершенные лицами, имеющими привилегию на суд князя. К ним обычно относились обладатели (духовные и светские) тарханных грамот и служилые люди, начиная с чина стольника. Помимо этого князь рассматривал дела, поданные лично на его имя, направленные по докладу из нижестоящего суда для утверждения или отмены принятого судом решения, а также являлся высшей апелляционной инстанцией по делам, решенным нижестоящими судами, осуществляя так называемый *пересуд.* Воспроизводя текст ст.ст. 3,15—17 о размерах пошлин за выдачу правых грамот, отпускных и докладного списка, статьи подтверждают, что пошлины в великокняжеском суде взыскиваются те же, что и в боярском суде.

25. О бессудной грамоте. За выдачу бессудной грамоты взыскивается пошлина из расчета с рубля: печатнику за приложение печати и дьяку за подпись по алтыну, а подьячему по 2 деньги.

В статье определяются пошлины за выдачу бессудной грамоты. Дело в этом случае решалось в пользу явившейся стороны. Поскольку бессудная грамота упоминается только в связи с производством дела в княжеском суде и в статье говорится о пошлинах печатнику, можно согласиться с А.Г. Поляком, что «решение вопроса о возможности удовлетворить иск без предварительного судебного разбирательства входило исключительно в компетенцию великокняжеской власти». Отнесение вопроса о выдаче бессудной грамоты к великокняжеской компетенции позволяло брать под защиту дворян, которые, будучи на государственной службе, могли пропустить срок явки в суд.

26. О срочных грамотах. За выдачу срочных грамот взыскивается пошлина дьяку за подпись по 2 деньги. За изменение срока явки сторон в суд пошлина взыскивается из расчета: дьяку за подпись с рубля по 3 деньги и подьячему за написание новой срочной с рубля по 2 деньги. Если изменение срока происходит по просьбе обеих сторон, то связанные с этим пошлины (в том числе — «хоженое» недельщику) уплачиваются сторонами поровну, а если по просьбе одной стороны, то уплата всех пошлин возлагается на нее. Срочные грамоты хранятся у дьяков.

В статье устанавливается пошлина за выдачу срочной грамоты, а также за изменение срока явки в суд. Если срок о*тписати,* т. е. изменить срок явки хотели обе стороны, пошлины, в том числе *хожоное* недельщику (см. комментарии к ст. ст. 4—7, 29), распределялись между ними поровну; если же срок отписывался по просьбе одной из сторон, то уплата всех пошлин возлагалась на нее. В данном случае *хожоное* – плата недельщику за

извещение истца или ответчика о явке в суд к сроку, указанному в срочной грамоте, или за посылку в суд для оформления (по поручению одной из сторон) отсрочки. Срочные грамоты оформлялись при участии официального лица — пристава, хранились обычно у дьяков и служили основанием для выдачи бессудных грамот.

27. О бессудных грамотах. В случае неявки на суд ответчика в назначенный срок, наступление которого устанавливается непосредственно дьяками путем рассмотрения срочных грамот. Неявившийся признается виновным без разбора дела, и явившейся стороне подьячим выдается бессудная, а не срочная грамота. Бессудная грамота выдается на восьмой день после назначенного срока.

В статье предписывается (при неявке ответчика в суд в назначенный срок, что устанавливалось дьяками) выдавать истцу на восьмой день после срока, указанного в срочной грамоте, бессудную грамоту. Это делать мог только дьяк, а не подьячий, что усиливало значение центрального суда.

28. О приставных грамотах. За оформление приставной грамоты по делу с ценой иска в один рубль из суммы езда взыскивается по алтыну в пользу печатника за приложение печати и дьяка — за подпись. При увеличении или уменьшении суммы езда пошлины взыскиваются из того же расчета. Приставная по делу, в котором цена иска меньше суммы езда, дьяком не подписывается. Приставные подписываются дьяком обязательно в присутствии недельщиков. Сумма езда не зависит от того, сколько истцов участвуют по долям в оплате езда, и определяется в зависимости от расстояния до города, указанного в приставной грамоте.

В статье регламентируется порядок выдачи *приставных грамот,* т. е. грамот, выдававшихся приставу и разрешавших ему брать на поруки ответчика при вызове его в суд, производить обыски или иные действия, необходимые для расследования по делу или приведения в исполнение приговора. Пошлина за выдачу приставной грамоты взыскивалась из суммы *езда,* получаемого недельщиком. Под *ездом* понималась пошлина за поездку пристава, недельщика за пределы города. В целях предупреждения злоупотреблений со стороны должностных лиц сумма *езда* оставалась неизменной независимо от числа истцов, участвующих в оплате *езда*, и устанавливалась в зависимости от расстояния до пункта, куда направлялся недельщик (см. комментарий к ст. 30). Приставная грамота выдавалась только в том случае, если цена иска превышала затраты, необходимые для отправки пристава за ответчиком. Таким образом, малоимущее население, чаще всего обращавшееся в суд с исками небольших размеров, фактически лишалось возможности прибегнуть к помощи пристава.

29. Площадная пошлина недельщику за вызов в суд в пределах Москвы устанавливается в размере 10 денег и увеличивается вдвое, если недельщик производит расследование по делу. За поручительство вознаграждение брать запрещается. Сумма езда зависит от расстояния и увеличивается вдвое, если недельщик производит расследование по делу.

30. Указ о пошлинах недельщику за выполнение обязанностей вне пределов города. Пошлины устанавливаются в следующем размере: от Москвы до Коломны полтина, до Каширы полтина, до Хотуни 10 алтын, до Серпухова полтина, до Тарусы 20 алтын, до Алексина 25 алтын, до Калуги рубль, до Ярославца полтина, до Вереи полтина, до Боровска полтина, до Вышегорода полтина, до Кременска 20 алтын, до Можайска полтина, до Медыни 25 алтын, до Вязьмы полтора рубля, до Звенигорода 2 гривны, до Воротынска 40 алтын, до Одоева 40 алтын, до Козельска рубль с четвертью, до Белева то же, до Мезецка 40 алтын, до Оболенска полтина, до Дмитрова 10 алтын, до Радонежа четверть, до Переяславля 20 алтын, до Ростова рубль, до Ярославля рубль с четвертью, до Вологды 2 рубля с полтиной, до Белоозера 2 рубля с полтиной, до Устюга 5 рублей, до Вычегды 7 рублей, до Двины и до Колмогор 8 московских рублей, до Владимира рубль с четвертью, до Костромы полтора рубля, до Юрьева рубль, до Суздаля рубль с четвертью, до Галича 2 рубля с полтиной, до Мурома полтора рубля, до вотчины Стародубских князей полтора рубля, до Мещеры 2 рубля, до Нижнего Новгорода 2 рубля с полтиной, до Углича рубль, до Бежецкого Верха полтора рубля, до Романова рубль с четвертью, до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Зубцева и до Опок рубль, до Хлепни 40 алтын, до Ржева рубль с четвертью, до Великого Новгорода 2 московских рубля с полтиной.

31. Поездка с приставной грамотой и выдача ответчиков на поруки осуществляется лично недельщиками. Им разрешается посылать с приставной грамотой только лиц своей фамилии, а не людей, нанятых для выполнения какой-либо работы. Во время поездки с приставной грамотой запрещается брать вознаграждение за поручительство. Указ о недельщиках. В том городе, где проживает недельщик, ему запрещается выполнять служебные обязанности по всем делам, а также посылать вместо себя каких-либо лиц.

32. Убытки, причиненные волокитой, и расходы за срочную, правую или бессудную грамоту, взыскиваются выигравшим по суду дело со стороны, признанной судом виновной.

33. Неделщикам запрещается просить и брать вознаграждение как для судей за разбор дела, так и в свою пользу за поручительство.

34. Недельщик, которому поручено допросить вора, должен вести допрос добросовестно, не заставляя вора оговаривать кого-либо, и сообщить результаты допроса великому князю или судье. Недельщик, посланный для ареста воров, обязан производить арест добросовестно, не потакая никому. Запрещается отпускать арестованных воров, брать с них взятки, а также арестовывать посторонних людей.

35. Недельщику запрещается без обращения в вышестоящую инстанцию отдавать на поруки или подвергать «продаже» воров, находящихся у него под арестом.

36. В случае передачи вора на поруки любое дело должно поступать в суд без волокиты. Запрещается волокита при выдаче крестьянам бессудных грамот или при перенесении срока явки в суд, а также получение чего-либо за выдачу бессудных грамот. Если срок явки в суд откладывается с согласия обеих сторон, то недельщик получает с них одну пошлину («хоженое»). По взысканию езда устанавливается поручительство до окончания расследования дела. После решения по делу езд взыскивается со стороны, признанной судом виновной. Если истец или ответчик не поедет в суд лично, а пошлет вместо себя кого-либо для изменения срока явки в суд, то недельщик взыскивает пошлину («хоженое») только одну и с того, кто послан изменить срок.

По мнению С.В. Юшкова и Л.В. Черепнина, в этих статьях содержатся ранее изданные правительством Ивана III указы «О езду» и «О недельщиках», целиком вошедшие в Судебник.

В ст. 29 говорится о пошлине недельщику за выполнение обязанностей в пределах города, так называемом *хожоном.* Упоминание в статье *площадной* пошлины указывает, по мнению А.В. Черепнина, на постоянный штат московских площадных недельщиков, подобных позднейшим подьячим Ивановской площади. Статья предусматривает различные пошлины в зависимости от обязанностей недельщиков. За вызов ответчика в суд в пределах Москвы с него взыскивалась пошлина в размере 10 денег. Если же недельщик производил и расследование по делу, она (как в пределах одного города, так и при езде) увеличивалась вдвое. Наряду с установлением пошлин за производство расследования статья запрещает недельщикам брать *поминки* — вознаграждение за передачу ответчиков на поруки.

Статья 30 устанавливает размер вознаграждения недельщика за проезд от Москвы до других пунктов Русского государства. Сумма *езда* зависела от расстояния и колебалась от 8 рублей до 10 алтын.

Статья 31 предписывает недельщикам выполнять свои обязанности лично или с помощью своих племянников и людей. Под *племянниками* понимались родственники. Являясь, как правило, представителем мелких или

средних землевладельцев, недельщик имел в своем хозяйстве зависимых от него людей, т. е. холопов, за действия которых он отвечал как господин. Должностные функции феодала могли выполняться всеми членами его «фамилии». Вместе с тем недельщикам запрещалось перепоручать свои обязанности *урочникам,* т. е. посторонним, нанятым для выполнения определенного дела, урока, людям, за действия которых недельщик не мог нести полной ответственности.

Одновременно в статье определяется порядок осуществления недельщиком своих обязанностей. Ему запрещается брать вознаграждение за назначение поручителей при выезде на расследование и *ездити* с приставными в своем городе. Высказанное Л.В. Черепниным предположение, что эта фраза может означать запрещение повышенного вознаграждения *(езд* вместо *хожоного),* не согласуется с положением статьи о запрещении недельщику осуществлять расследование в месте своего жительства. Именно этим, по мнению В. Н. Татищева, достигалось пресечение злоупотреблений и предупреждение пристрастных действий со стороны недельщика. Представляется, что такое объяснение является более правильным и вытекает из самого текста статьи.

Статья 32 устанавливает взыскание убытков и расходов, причиненных волокитой, т. е. затяжкой, проволочкой дела (большей частью в целях вымогательства) со стороны, проигравшей дело, оставляя безнаказанным виновное в этом должностное лицо, в частности пристава.

Статья 33 (как и ст. 1 Судебника) запрещает недельщикам брать *посулы* (взятки) как в свою пользу, так и в пользу судей, хотя еще и не устанавливает ответственности за такой вид преступления.

Статья 34 предписывает *пытати татя бесхитростно,* т. е. добросовестно, справедливо, без предвзятого мнения и злого умысла, запрещая ему клеветать на кого-либо. О результатах допроса недельщик обязан был доносить великому князю или судье, по чьему поручению он рассматривает дело. Как видно из статьи, в обязанности недельщика входил не только допрос данного ему судьей татя, но и розыск преступника. К этим случаям, надо полагать, и относится характеристика недельщика как лица, которое «хватает злодеев и держит их в тюрьмах». Возможно, что недельщики специально посылались для вылавливания татей, лихих людей, разбойников в наиболее неспокойные местности. При розыске татей также предписывалось не попустительствовать им. Запрещалось отпускать найденных татей за взятку и, злоупотребляя правами недельщика, арестовывать невинных, не причастных к преступлению людей. Как видно из ст. 35, в обязанность недельщика входило также содержание татей под стражей до передачи их дела в суд. Находящихся под арестом татей запрещалось без обращения в вышестоящую инстанцию ни отдавать на поруки, *ни продавати,* т. е. выдавать истцу в холопы до отработки долга.

Статья 36 устанавливает обязанность недельщика не задерживать передачу дела в суд, особо запрещая волокиту при выдаче бессудных грамот или перенесения срока явки в суд.

Отражая стремление правительства ограничить произвол должностных лиц, статья содержит запрет недельщику получать двойное вознаграждение за одно и то же действие, а именно при перенесении срока явки в суд *обема исцем вместе,* т. е. одновременно, на один срок, недельщику *взяти одно хожоное* с *обеих сторон, а опроче того ему не взяти ничего.* Также при *отписании срока* кем-либо по поручению стороны пошлина взыскивалась только одна. Уточняются и условия взимания езда, который взыскивается по окончании дела с виноватого. Если пристав получил вознаграждение со стороны, которая была признана победившей, последняя приобретала право регрессного иска к проигравшему дело. Однако закон не доводит дело до конца, ибо не устанавливает конкретных санкций за нарушение предписаний. На практике подобные нарушения карались, очевидно, чаще всего отстранением от должности.

37. Указ наместникам о городском суде. Недельщик или заменяющий его человек, приехавший с приставной грамотой в город или волость, обязан предъявить приставную грамоту наместнику или волостелю, или их тиунам. Если обе стороны подсудны суду того же города или волости, то недельщик обязан доставить их к наместнику, волостелю или их тиунам.

Статья 37 начинает раздел судебника, в котором регламентируется порядок действий местных судебных органов — наместников и волостелей (ст. ст. 37—45, 64, 67). По мнению С.В. Юшкова и Л.В. Черепнина, этот текст был составлен ранее и вошел подобно «Указу о езду» в Судебник.

Наместники и волостели обычно чинили суд и расправу над населением не лично, а через тиуна, являющегося, как правило, их холопом. Приезжавший в город или волость с приставной грамотой недельщик обязан был предъявить грамоту наместнику, волостелю или их тиунам, и в случае, когда оба истца, как именуются здесь истец и ответчик, подсудны суду одного города или волости, т. е. имеют одну подсудность, обоих *исцов поставити пред наместником или пред волостелем, или пред их тиуны.* Действовать самостоятельно на территории наместничества без санкции наместника недельщик не имел права.

Вместе с тем Судебник, отражавший политику Ивана III, направленную на укрепление позиций дворянства и ограничение своеволия боярства, распространяет нормы, регулирующие деятельность центрального суда, на местный суд и берет под контроль деятельность органов наместничьего управления.

38. При осуществлении суда боярами или детьми боярскими, пользующимися правом решать наиболее важные дела, должны присутствовать представители местной администрации (дворский, староста) и верхушки посадских людей и черных крестьян («лучшие люди»). Без этих лиц не могут осуществлять суд и наместник, и волостель. Наместникам, волостелям, их тиунам и людям, сборщикам пошлин запрещается за производство суда брать взятки для себя или своего господина. За производство суда, если истец докажет свой иск, взыскивается с виновного пошлина, размер которой установлен грамотами. При отсутствии грамот пошлина взыскивается в размере суммы иска. Если истец не докажет своего иска и будет признан виновным, с него взыскивается пошлина: наместникам 2 алтына, а тиунам 8 денег, если сумма иска равна рублю. Если сумма иска выше или ниже рубля, пошлина взыскивается по соответствующему расчету. Размер езда и пошлин, взыскиваемых доводчиком за вызов сторон в суд, расследование дела, производство суда и организацию судебного поединка определяются грамотами. При отсутствии грамоты пошлина в пользу доводчика с тиуном в случае примирения сторон взыскивается в размере половины суммы иска. Если судебным поединком разрешаются дела по обязательствам из договоров займа или дела о личном оскорблении, то пошлина взыскивается в размере, равном сумме иска. Если судебным поединком разрешаются дела о поджогах, убийстве, разбое или воровстве, то побежденная сторона обязана уплатить требуемую другой стороной сумму иска. Помимо этого, побежденная сторона подвергается наказанию и «продаже» по усмотрению наместника.

В этой статье предписывается обязательное участие в суде кормленщиков с боярским судом (см. комментарий к ст.ст. 17—18) представителей местной администрации, а также верхушки посадских людей и черных крестьян. *Дворский* следил за землеустройством, выполнением феодальных повинностей, делил землю на выти между тяглыми крестьянами, был обязательным участником «*разъездов»* земли.

Лучшие или *добрые* люди представляли население не по выбору, а по своему положению в местном обществе. Обычай, когда в судебном разбирательстве принимали участие представители общины, был закреплен ст. 19 Белозерской уставной грамоты — *наместником и тиуном без добрых людей не судити суд,* а затем в настоящей статье судебника. Присутствовавшие на суде *лучшие* люди, число и функции которых еще не определялись, контролировали суд кормленщиков, ограничивали их произвол, что способствовало укреплению единой централизованной системы судебного аппарата. Симптоматично то, что участие *лучших* людей было обязательно в судах наместников, державших кормление с боярским судом, рассматривавшим наиболее важные и опасные для государства дела.

Остальное содержание статьи определяет порядок взимания пошлин при рассмотрении дела в местном суде и повторяет фактически ст.ст. 1-7

Судебника в отношении центрального суда с той лишь разницей, что для местного суда размер пошлин определяется по уставным грамотам наместничьего управления, среди которых были Двинская (1397 г.) и Белозерская (1488 г.) уставные грамоты.

39. Указ о ворах. Если обвиненный в воровстве, разбое, убийстве, злостной клевете или в ином каком лихом деле окажется ведомым лихим человеком, он карается смертной казнью, а из его имущества удовлетворяются убытки, понесенные истцом. Оставшаяся часть имущества поступает наместнику и его тиуну. При отсутствии у обвиненного имущества для удовлетворения убытков, понесенных истцом, он не может быть выдан стороне до отработки или выплаты долга, а должен караться смертной казнью.

Статья 39 повторяет ст. 8 Судебника, за исключением упоминания о боярине и дьяке, которые заменяются здесь наместником и тиуном.

40. О правой грамоте. За выдачу правой грамоты боярином или боярским сыном, которым предоставлено право решать наиболее важные дела, а также их тиунами взыскивается пошлина за приложение печати из расчета с рубля по 2,5 алтына, а дьякам за написание правой грамоты из расчета с рубля по 3 деньги. За выдачу правой грамоты тиуном взыскивается за приложение печати пошлина из расчета с рубля по 2,5 алтына в пользу тиуна и его господина и дьяка из расчета с рубля по 3 деньги. За выдачу правой или отпускной грамоты с холопа или рабы взыскивается пошлина боярином или сыном боярским, пользующимися правом решать наиболее важные дела, за приложение печати по 2,5 алтына с человека, а дьяком за написание грамоты по 3 деньги с человека.

41. Тиуну, исполняющему обязанности судьи, запрещается выдавать холопу правые или отпускные грамоты без утверждения господином.

42. Об отпускной грамоте. Отпускная грамота, выданная без утверждения ее боярским или наместничьим судом, пользующимся правом решать наиболее важные дела, а также без подписи дьяка является недействительной, за исключением отпускной, написанной собственноручно господином холопа.

В статьях (на основе ст.ст. 15, 17, 18, 23) содержится решение вопросов о порядке «отпуска» холопов органами наместничьего управления. Во главе их стояли не только бояре, получавшие от князей города и волости, кормление с судом и данью, но и дети боярские — представители низшего

разряда служилых по *отечеству,* т. е. по происхождению. Они отправляли суд через своих холопов, одним из которых был тиун.

Согласно ст. 40 тиун от имени *государя своего* творил суд и расправу над местным населением, взыскивал пошлины. Вместе с тем тиун находился в личной зависимости от кормленщика, который отвечал за его действия.

Поэтому ст. 41 специально подчеркивает, что тиун без санкции кормленщика не имел права выдавать правую и отпускную грамоты на холопа. Необходимость доклада в вышестоящую инстанцию при выдаче отпускной грамоты зафиксирована в ст. 42, повторяющей эту норму, но уже в отношении сына боярского.

43. Наместникам и волостелям, не имеющим права решать наиболее важные дела, а также тиунам великого князя и боярам, которым предоставлено право решать все дела, запрещается без согласования с вышестоящей инстанцией отпускать холопов и рабынь на волю и выдавать отпускные грамоты, а также выпускать из-под стражи воров и убийц, передавать в холопство до отработки или выплаты убытков, наказывать и выпускать из-под стражи лихих людей.

Здесь не просто повторяется ст. 20 о порядке выдачи грамот по холопьим делам, а значительно ограничивается право должностных лиц наместничьего управления в решении наиболее важных дел. В отличие от ст. 20, запрещавшей выдачу правых и беглых грамот кормленщиками без боярского суда, ст. 43 запрещает решать дела о холопах, а также об отпуске их на свободу, отдаче «головой» до искупа и других мерах в отношении татей и душегубцев и всякого лихого человека тиунам великого князя и тиунам боярина, у которого кормление с боярским судом.

44. О приставах. Пристав, находящийся при суде наместника, за выполнение своих обязанностей взыскивает пошлину в виде хоженого и езда, размер которых устанавливается грамотами. При отсутствии грамот размер хоженого в городе устанавливается в 4 деньги, а езда из расчета за версту по деньге. При расследовании дела размер пошлин увеличивается вдвое.

В ст. 44 определяется порядок вознаграждения приставов. Пошлины им, как видно из ст. 22 Белозерской уставной грамоты, регулируются уставными грамотами наместничьего управления. При отсутствии таковых *хожоное* берется в размере 4 денег, а пошлина за *езд* взыскивается так же, как и в ст. 29, определяющей вознаграждение недельщиков, т. е. в зависимости от расстояния. При расследовании дела пошлина увеличивалась вдвое. Распространение норм, относящихся к центральному суду, на мест-

ный суд имело своей целью устранение произвола на местах и установление единообразия в порядке судопроизводства.

45. По требованию пристава, посланного по искам к наместникам, волостелям, боярам или детям боярским и их тиунам или тиунам великого князя и доводчикам, последние обязаны своевременно явиться на суд, а при неявке лично послать кого-либо вместо себя.

Статья 45, имея в основе ст. 13 Двинской уставной грамоты и ст. 23 Белозерской уставной грамоты о праве обжалования действий должностных лиц наместничьего управления, устанавливает обязанность кормленщика являться на суд в центральные органы в срок, указанный *срочной грамотой.* Последняя давалась ответчику на основе приставной. *Приставная грамота,* подписанная недельщиком, давалась приставу и содержала указание «дать ему на поруки такого-то, от имени такого-то, в таком-то иске». Приехав на место, пристав должен был *накинуть на ответчика срочную,* т. е. сообщить ему срок явки в суд и потребовать от него поручительства о явке в суд в указанный срок. Срок назначался по усмотрению суда, с учетом имеющегося по этому поводу законодательства. Так, наместников можно было вызывать к суду лишь по окончании срока их кормления. Срок вызова крестьян обычно падал на период с 1 октября по 1 апреля, т. е. не на *деловую пору.* При невозможности кормленщика приехать самому ему разрешалось послать кого-либо вместо себя.

46. О торговцах. Если кто-нибудь купит что-либо на рынке, за исключением лошади, не зная того, у кого купит, а о покупке будет известно двум или трем добрым людям, то, если при претензии на купленное с чьей-либо стороны эти люди подтвердят, что спорная вещь действительно была куплена при них на рынке, покупатель считается оправданным и освобождается от присяги.

47. Если кто-нибудь купит что-либо на чужой земле, а другое лицо предъявит претензии на эту вещь, и два свидетеля или два-три добрых человека надлежаще подтвердят, что вещь была действительно куплена при них на рынке, то покупатель считается оправданным и освобождается от присяги. При отсутствии свидетелей дело разбирается судом.

В этих статьях определяется порядок доказывания добросовестного приобретения вещи.

Статья 46 несколько перерабатывает и уточняет нормы ст. 56 и частично ст. 46 Псковской Судной грамоты. Не дифференцируя еще порядок заключения договора купли-продажи в зависимости от объекта, Судебник

оговаривает, что речь идет о покупке новых вещей *опроче лошади*. Это свидетельствует о том, что сделка купли-продажи лошадей — в то время основной тягловой силы — требовала иного оформления. Действительность сделки купли-продажи, совершенной на торгу в отношении новых вещей, подтверждалась показаниями двух-трех *людей добрых.* По Псковской Судной грамоте требовалось 4—5 человек, которые здесь впервые в русском законодательстве именовались свидетелями. Статья 46 также понимает под *добрыми* людьми свидетелей, которые подтверждали, что пред *ними купил в торгу.* Показания свидетелей являлись бесспорным видом доказательств, не требующим принесения покупателем присяги.

Статья 47 распространяет этот порядок доказательства правомерности владения и распоряжения вещью и на случай купли-продажи но *чюжей земли.* Вслед за Псковской Судной грамотой Судебник воспринимает термин «свидетели». Но если по ст. 47 Псковской Судной грамоты для освобождения покупателя от ответственности достаточно было принесения им присяги в том, что имущество приобретено законным путем, то, по Судебнику, дело решается на основе показаний свидетелей, в присутствии которых совершена покупка, и лишь при отсутствии их допускалась присяга (*а не будет у него свидетелей, ино ему правда дати*). Ограничение применения присяги объяснялось недоверием к этому виду доказательства со стороны господствующего класса. Эта линия неуклонно проводилась судебной практикой. Так, например, если ответчик не имел свидетелей или письменных доказательств для подтверждения своего права, суд отказывал в применении *целованиа* в качестве доказательства даже в том случае, если обе стороны были согласны на него.

48. О свидетельских показаниях. Если свидетель показывает против ответчика в делах о личном оскорблении, грабежах или по обязательствам из договоров займа, дальнейший порядок решения спора зависит от воли ответчика: либо он вступает в судебный поединок с послухом, либо, начав поединок, под присягой согласится добровольно на уплату суммы иска. Истец в последнем случае считается выигравшим дело без принесения присяги, а ответчик обязан уплатить пошлины за судебный поединок и освобождается от наказания. Если ответчик до начала судебного поединка под присягой добровольно согласится на уплату суммы иска, он платит пошлину судьям, а от уплаты пошлин за судебный поединок освобождается.

49. Если ответчик, который должен участвовать в поединке со свидетелем, является престарелым, малолетним, имеющим увечья, или попом, или монахом, или монашкой, или женщиной, он может выставить наймита. Свидетель заменить себя наймитом не может. Причиненные оправданной стороне или ее свидетелю убытки возмещаются признанным судом виновным.

50. Если свидетель не явится в суд, независимо от того, мог ли он дать показания по делу или нет, с него взыскивается сумма иска и все убытки и пошлины. Если неявка свидетеля вызвана неверным указанием приставом срока, свидетель мог предъявить иск к приставу.

51. Если свидетель дает показания против истца, последний признается проигравшим дело.

52. Если истцом является женщина, или малолетний, или престарелый, или больной, или имеющий увечья, или поп, или монах, или монашка, или если свидетели будут давать показания против этих лиц, то такие лица могут нанять наймитов. Истец и послухи могут приносить присягу, а наймит обязан биться. Против чужого наймита истец или ответчик может выставить своего наймита либо биться сам.

В статьях регламентируется порядок свидетельских показаний. В Судебнике 1497 года, в отличие от Русской Правды, свидетели не разделяются на послухов и видоков. Аналогично ст. 20 Псковской Судной грамоты, послух является в XV веке свидетелем факта, очевидцем, о чем ясно говорится в ст. 67 Судебника: *А послухом не видев не послушествовати.* Послухами могли быть все, в том числе и холопы. Необходимым условием свидетельских показаний была личная непричастность к делу и совершеннолетие. Однако показания свидетелей расценивались по-разному в зависимости от их социальной принадлежности. Согласно ст. 22 Новгородской Судной грамоты холопы могли послушествовать только на холопа. «Свидетельство одного человека из благородного сословия, — отмечал Герберштейн, — значит более, чем свидетельства многих людей низкого состояния». Наиболее часто послухами, особенно по земельным спорам, являлись старожильцы, именуемые также *знахарями.* Это были старые люди, имеющие репутацию *добрых,* т. е. благонадежных, людей, помнивших все подробности данной земельной тяжбы. Они могли сказать судье: *Яз, господине, помню за тридцать, пятьдесят или семьдесят лет.* Послухами могли быть также прежние владельцы спорного имущества, составители письменных документов на него, дьяки и должностные лица — разъездные *мужи, отводчики* (лица, участвовавшие в отводе земель) и даже сами судьи. Свидетель должен был явиться на суд в определенный ему должностными лицами (доводчиками, праветчиками, ездоками, приставами, недельщиками) срок. От явки его освобождали лишь болезнь или служба. Однако и в этом случае он должен был прислать свое письменное свидетельство. Поскольку послушество признавалось бесспорным видом доказательства, судебная практика знала случаи отвода послухов ввиду их заинтересованности в разрешении тяжбы. Так, по спорному делу о половине села Граворoново свидетели были отведены противной стороной, потому

что с одним из послухов ответчик был в неприязненных отношениях и судился, а два других являлись родственниками истца.

В ст. 48 на основе ст. ст. 20, 28, 29, 107 Псковской Судной грамоты определяется порядок проверки свидетельских показаний в делах о побоях, грабеже или по обязательствам из договоров займа. Порядок решения спора, как свидетельствует Р. Ченслер, зависел от ответчика, который мог доказывать свою правоту путем судебного поединка с послухом или через принесение присяги. Указывая на возможность замены *полем* свидетельских показаний, Герберштейн сообщает: «Если истец приводит свидетелей, то спрашивают обе стороны, желают ли они положиться на их слова. На это обычно отвечают: «Пусть свидетели будут выслушаны по справедливости и обычаю». Если они свидетельствуют против обвиняемого, то обвиняемый немедленно вступается и возражает против свидетельств и самих лиц, говоря: «Требую назначить мне присягу, вручаю себя правосудию божию и требую поля и поединка». И, таким образом, им, по отечественному обычаю, назначается поединок». Если ответчик, *став у поля, у креста положит,* т. е., присягая во время судебного поединка, признает требования истца, истец освобождается от принесения присяги (*бес целовании свое возмет),* а ответчик уплачивает пошлины за судебный поединок и освобождается от дополнительных наказаний, назначаемых судьей для лиц, побежденных в судебном поединке (а *вины ему убитые нет).* Если ответчик признавал требования истца до начала судебного поединка, он оплачивал пошлину судьям, и полевых *ему пошлин нет.* Статья 49 развивает установленный еще Псковской Судной грамотой (ст. ст. 21, 36, 119) институт представительства на *поле.* Судебник 1497 года расширяет круг лиц, могущих участвовать в процессе не лично, а через наймитов. Если эти лица прибегали к помощи наймитов, выступая в качестве ответчиков, то послух истца не мог выставить своего наймита против наймита ответчика *(а послуху наймита нет).* Следует отметить, что в отличие от Псковской Судной грамоты, именовавшей стороны в процессе единым словом *истец,* Судебник, уточняя юридическую терминологию, вводит понятие истца и ответчика.

Статья 50 устанавливает материальную ответственность свидетеля за неявку в суд (в размере суммы иска, убытков и пошлин) независимо от того, мог ли свидетель дать показания по делу или нет. Если неявка свидетеля вызывалась неверным указанием срока явки, то свидетелю предоставлялось право оспаривать перед судом правильность срока, определенного ему *праветчиком.* Установление ответственности за неявку свидетелей обусловливалось усилением роли этого вида доказательств за счет вытеснения таких их видов, как поле, присяга, ордалии. Свидетельские показания являлись решающими при возбуждении дела.

Статья 51, аналогично ст. 22 Псковской Судной грамоты, устанавливает, что неподтверждение послухом обстоятельств, приведенных истцом,

лишало истца права на удовлетворение иска: *а послух не говорит перед судиями в ысцевы речи, и истець тем и виноват.*

Статья 52, аналогичная ст. 36 Псковской Судной грамоты, уточняет отдельные аспекты института представительства по сравнению со ст. 49. Так, если в ст. 49 определяется порядок представительства в отношении ответчиков, то в ст. 52 говорится об учинении иска с их стороны *(а на котором чего* взыщет *жонка, или детина мал, или кто стар).* В этом случае ответчик и послухи также могли выставить своих наймитов. Привлечение наймита влекло за собой изменение в порядке процесса; если истец и послухи могли очистить себя присягой, в отличие от Псковской Судной грамоты, где присягу приносил только истец, то для наймитов было обязательно биться на *поле (а исцем или послуху целовати, а наймитом битися).* Этим и объясняется тот факт, что в качестве наймитов часто выступали холопы своих господ.

53. Если сторона вызовет другую через пристава в суд по делам об оскорблении словом или действием или по обязательствам из договоров займа, и, если обе стороны не захотят судиться, они могут примириться, доложив об этом судье. В этом случае судья не подвергает их продаже, взыскивая с них лишь езд и хоженое.

В отличие от ст. 3 Двинской уставной грамоты и ст. ст. 37 и 80 Псковской Судной грамоты, предусматривающих примирение сторон до обращения в суд, данная статья фиксирует возможность мирного решения конфликта и после начала судебного разбирательства: *А кто кого поймает приставом.* Примирение допускалось по делам, непосредственно не затрагивающим интересы государства: при обвинении в бою, в лае (оскорблений словом) или в займах. В случае прекращения дела стороны уплачивали судебному приставу *хоженое* и *езд,* т. е. пошлины, связанные с началом дела (см. комментарий к ст. ст. 29—30). Вместе с тем в целях контроля за всеми делами со стороны государственной власти мировое соглашение считалось действительным только после утверждения его судьей.

54. Если наймит уйдет до окончания обусловленных работы или срока, он лишается своего вознаграждения.

Статья определяет условие договора личного найма, получившего в середине XV века значительное распространение в связи с развитием товарного производства, городов и ростом числа людей, лишенных средств производства и продающих свою рабочую силу. Эти люди, поступавшие к феодалу для работы по найму, *наймиты,* положение которых регулировалось уже Псковской Судной грамотой, обязывались работать на своего хозяина в течение определенного срока или до выполнения всего *дела своего* (см. ст. 40 Псковской Судной грамоты). Но если по Псковской Судной

грамоте ушедший самовольно наймит имел право на получение платы за последний год работы, независимо от проработанного времени, то, по Судебнику, наймит, ушедший до окончания срока договора, терял право на получение какого бы то ни было вознаграждения: *А наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен.*

55. О займах. Если купец поедет торговать и займет у кого-либо деньги или товар, а в пути у него этот товар погибнет не по его вине — потонет, сгорит или будет отнят войском, то, выяснив дело, боярин приказывает дьяку великого князя выдать купцу грамоту об уплате суммы, взятой взаймы, в рассрочку и без процентов. Если кто-либо, взяв что-нибудь для торговли, пропьет или погубит взятое без условий, не зависящих от воли человека, то он выдается истцу в холопство до отработки или уплаты долга.

Статья 55 детализирует ст. 54 Русской Правды Пространной редакции с учетом экономического развития Руси и ростом товарно-денежных отношений. Судебник уточняет права и обязанности купца, который, *идучи в торговлю* (вместо *шед кде любо,* как было записано в Русской Правде), использует в своих торговых оборотах не только чужие деньги, но и чужой товар. В случае растраты, потери взятого имущества несостоятельный должник отвечает в зависимости от наличия или отсутствия злой воли. Неуплата долга вследствие несчастного случая, происшедшего с виновным (утеряется *товар безхитростно, истонет, или згорить, или рать возметь),* не сопровождалась выдачей кредитору, а влекла лишь обязанность возвратить *исцеву истину.* Судебник дополняет положение Русской Правды о взыскании причитающейся истцу суммы от *лета* — погодно, указанием на то, что сумма иска взыскивается *без росту,* без процентов. Вместе с тем Судебник, отражая развитие русской правовой мысли, опускает имевшееся в Русской Правде религиозное обоснование несостоятельности (*за не же пагуба от бога есть*).

Если невозвращение долга или потеря имущества произошли по вине ответчика (*пропиет, или иным какым безумием погубит товар свой без напраздньства),* то, в отличие от Русской Правды, где наказание передавалось на усмотрение кредиторов *(ждут ли ему, продадят ли, а своя им воля),* Судебник предписывает выдачу виновного истцу *головою на продажу.* По мнению Л.В. Черепнина, это означало выдачу виновного истцу в холопство.

Усиливая роль государственного аппарата в пресечении разного рода злоупотреблений и охране интересов кредиторов, Судебник устанавливает не известный Русской Правде порядок, согласно которому *полетная грамота* выдается только после того, как боярин, расследовав все обстоятельства дела, установит, что несостоятельность возникла в силу независящих от займополучателя причин. Обязательность расследования боярином, т. е.

должностным лицом центрального суда, причин несостоятельности и скрепление *полетной грамоты* великокняжеской печатью гарантировало защиту интересов заимодавцев, в первую очередь купцов и духовных феодалов, являвшихся основными кредиторами.

56. Холоп, попавший в плен к татарам и бежавший из плена, становится свободным, освобождаясь от холопства своему прежнему господину.

В этой статье устанавливается, что холопы, бежавшие из татарского плена, освобождаются от холопства и не подлежат отдаче *старому государю,* т. е. своему прежнему владельцу. Это способствовало пополнению рядов великокняжеских тяглых, городских, а иногда и служилых людей, что соответствовало политике централизованного государства. Возвращение пленных было одной из важнейших забот Русского государства: в XVI веке существовал даже специальный налог — полоняничные деньги — для выкупа пленных. Помимо того освобождение бежавшего из татарского плена холопа могло рассматриваться как награда за участие в борьбе с татарами.

57. О переходе крестьян. Крестьянам разрешается переходить из волости в волость, из села в село лишь в течение одного срока в году: за неделю до осеннего Юрьева дня (26 ноября) и в течение недели после осеннего Юрьева дня. За пользование двором крестьяне платят в степной полосе рубль, а в лесной — полтину. Если крестьянин проживет у господина год, то при уходе он платит четверть стоимости двора, если два года — половину стоимости двора, три года— три четверти, а за четыре года он уплачивает стоимость всего двора.

Статья 57 Судебника, озаглавленная *О христианском отказе,* отразила крупнейший этап в оформлении крестьянской зависимости. В предшествующий период феодального строя, несмотря на зависимость крестьян от землевладельца, крестьяне пользовались еще правом выхода, т. е. свободного перехода от одного владельца к другому. Усиленное развитие феодального землевладения в XIV — XV вв., происходившее за счет захвата или раздачи издавна населенных крестьянством земель в собственность феодалам, дальнейшее развитие производительных сил вызывали невиданную ранее потребность землевладельцев в рабочих руках. Землевладельцы стали ограничивать выход крестьян, устанавливая невыгодные для них сроки выхода и обязанность уплаты всех долгов. Первоначально это относилось к наиболее зависимым от землевладельца категориям — старожильцам, серебренникам, половникам. Возник вопрос о закреплении крестьянского населения за землевладельцами. Переход крестьян в другое

княжество затрагивал не только интересы мелкого феодального собственника, но и князя, который в лице ушедших терял плательщиков дани.

Поэтому в XIV веке князья вносили в договоры между собой обязательство не переманивать друг у друга чернотяглых крестьян, т. е. людей, составлявших основную массу тяглецов. Так, жалованная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты о привилегиях людям новгородского Юрьева монастыря, живущим на Волоке, относящаяся к первой половине XIV века, гласит: *А архимариту тяглых людей волоцких не приимати; такоже и из очины князя великого из Москвы людии не приимати. А кто детей моих, или братьи моее мое данье порушит, а то судит ему бог и святый Геворгий в страшное свое пришествие, а князю великому дасть сто рубля...*

Различные грамоты отчетливо показывают, что пополнение вотчин и поместий рабочими руками могло происходить за счет покупки или переманивания крестьян одними феодалами у других. Заинтересованные в росте хозяйств своих феодалов великие князья оказывали льготы феодальным хозяйствам, пополняемым *новопорядчиками,* при условии, если эти новопорядчики взяты не из владения самого князя-жалователя – великого или удельного. *Тутошних людей волостных в ту деревню отцю моему митрополиту не приимать. А кого отец мой митрополит перезовет в ту деревню людей из ыных княженеи, а не из моево великого княжениа, и тем людем пришлым на десять лет ненадобеть им моя дань...* – гласит жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича митрополиту Фотию от 1420—1421 гг. Так началось ограничение свободного передвижения крестьян. С середины XV века появляется ряд грамот великого князя, выдававшихся по просьбе отдельных крупнейших феодалов (особенно церковных). Просьбы эти сводились, во-первых, к установлению единого для всех феодалов срока отпуска и приема крестьян, а именно: к узаконению установившегося на практике Юрьева дня. О том, что Юрьев день был уже общепринятым сроком (по Судебнику две недели: одна — до 26 ноября, другая — после этой даты) перехода крестьян, свидетельствуют жалобы великому князю на землевладельцев, продолжавших *отказывать* (принимать) крестьян ... *не о Юрьеве дни, иных о Рожестве Христове, а иных о Петрове дни.* Во-вторых, наряду с установлением общего срока перехода, грамоты закрепляли и другое требуемое феодалами условие — обязательство уходящего крестьянина вернуть имеющуюся за ним задолженность, *серебро (а отказати серебреника и половника о Юрьеве дни, да и серебро заплатит).*

Еще более стремились землевладельцы к закреплению за собой основной рабочей силы — старожильцев. Именно эта категория крестьян, как более связанная с землей, данным хозяйственным комплексом, в первую очередь подверглась такому закрепощению. Отдельные феодалы добивались от великого князя грамот, запрещающих вовсе отпуск крестьян-старожильцев. Так, уже в жалованной грамоте великого князя Василия II

Васильевича от 1455—1462 гг. Троице-Сергиеву монастырю говорится: *... которово их хрестьянина ис того села и из деревень кто* к *собе откажет, а их сторожилца, и яз князь велики, тех крестьян из Присек и из деревень не велел выпущати ни х кому.* Жалованная грамота предоставляла монастырю право вернуть на свои земли людей, ушедших *... из их сел в мои села, великою князя, или в села в моее великее княгыни и в боярские села.* Одновременно грамота закрепляла за монастырем всех живущих в его угличских селах крестьян (*... а которые люди живут в их селех нынеча, и яз, князь великый, тех людей не велел пущати прочь...).* Аналогичные ограничения крестьянского перехода были подтверждены Иваном III и позднейшими грамотами (1488 – 1490 гг.). Издание княжеских грамот способствовало установлению единых условий и времени крестьянского перехода, без соблюдения которых *отказ не в отказ.* Для розыска крестьян, ушедших с нарушением правил перехода, и возвращения их на старые места землевладельцы пользовались услугами приставов. Так, в ответ на жалобу игумена Троице-Сергиева монастыря об уходе крестьян из монастырских сел несвоевременно *сее зимы о Зборе* (примерно в феврале) великий князь выделил монастырю пристава для розыска ушедших крестьян и возвращения их на прежние места жительства (*... и где пристав мои их наедет в моих селех или в слободах, или в боярских селех и в слободках, и пристав мои тех их хрестыан монастырьских опять выведет в их села в Шухобалские, да посадит их по старым местом, где хто жил, до Юрьева дни до осеннего*).

Судебник 1497 года удовлетворил требование господствующего класса, законодательно оформив повсеместное ограничение крестьянского выхода. Возможность такого выхода ограничивалась также тем, что каждый уходящий крестьянин обязан был внести *пожилое,* т. е. определенную условную сумму. Выплата пожилого являлась обязательной для всех крестьян, независимо от наличия или отсутствия у них задолженности по отношению к землевладельцу. Размер *пожилого* зависел от того, находился ли двор в степной или лесной полосе. Это различие, по мнению А.Л. Шапиро, обусловливалось тем, что в лесной местности легче было поставить двор, постройки, а потому уход крестьянина от землевладельца наносил последнему меньший ущерб. Правомерен и его вывод, что пожилое не компенсировало землевладельцу ущерб от переходов. Но это, как представляется, есть лишнее подтверждение тому, что помещики предпочитали иметь заселенные крестьянами земли, нежели получение пожилого. Вместе с тем именно выплата пожилого, которое было весьма обременительно для крестьянина, ограничивало возможности его перехода. Таким образом, Судебник 1497 года в сравнении с грамотами XIV — XV вв. сделал новый шаг по пути закрепощения крестьянства. Особенно ясно это выражено во второй части статьи, которая направлена на ограничение выхода наиболее подвижной и многочисленной массы сельского населения, так называемых *новопорядчиков* или новоприходцев, т. е. крестьян *похо-*

жих, переходящих с земли одного землевладельца на землю другого по истечении годичного или иного небольшого срока. Установление размера *пожилого в одну четверть двора* для крестьян, проживших за землевладельцами лишь один год, почти исключало возможность выхода для крестьян *новопорядчиков,* а обязанность уплаты размера всего пожилого для крестьян, проживших четыре года, фактически стирала разницу между *старожильцем и новопорядчиком.* Таким образом, ранее свободные разряды сельского населения прикреплялись к земле.

58. Об иностранцах. При исках иностранцев друг к другу порядок решения спора устанавливается по воле ответчика: он может принести присягу в том, что он не виноват, или, присягнув, добровольно уплатить сумму иска, причем истец получает уплачиваемое после принесения им присяги.

В ст. 58 определяется порядок разрешения споров между *чюжоземцами* — иностранцами. Укрепление торговых связей в конце XV века и приток в связи с этим иностранных купцов, между которыми возникали тяжбы, потребовали специального постановления Судебника о порядке рассмотрения всех возникающих между иностранцами споров *(а который чюжоземец на чюжоземце чего взыщет*). Основным видом доказательств в этих случаях устанавливалась присяга – крестное целование, что объясняется, вероятно, своеобразием правовых и религиозных воззрений иностранцев и тем, что им трудно было найти свидетелей.

59. Попа, дьякона, монаха, монахиню, церковного старосту и вдову, находящихся на иждивении церкви, судит святитель или его судья. Если судится светский человек с духовным, то суд должен состоять из духовных и светских представителей. Если вдова не находится на иждивении церкви, а живет своим хозяйством, она не подлежит духовному суду.

Здесь Судебник основывается на ст. 109 Псковской Судной грамоты, определявшей юрисдикцию церковного суда. Являясь одним из крупнейших феодалов, церковь обладала судебной властью, которую осуществляла через суды епископов, где судьей был епископ или назначенные им наместники, и монастырские суды, в которых судьей был игумен или назначенные им *прикащики.* Так же, как и кормленщики, епископы и игумены получали вознаграждение с подсудного им населения. Ведению церковных судов подлежали духовенство, а также патронируемые церковью люди *(которые питаются от церкви божиа).* Отражая политику централизации судебной власти и ограничения пределов компетенции круга людей, подсудных церковному суду, Судебник изымает из церковного суда дела, совершенные лицами разной подсудности. Например, когда одна сторона подсудна светскому, а другая — церковному суду (*а будет простой человек с церковным),* тогда назначается *суд вопчей. Вопчей* или *сместной* суд

состоял из представителей обоих судов, которым подсудны спорящие. Например, в разборе споров между крестьянами духовных и светских феодалов участвовали представители от духовного и светского суда. Не подлежали *святительскому,* т. е. церковному суду, и вдовы, живущие своим хозяйством. Помимо ограничения компетенции церковных судов по субъектам церковные суды ограничивались еще и по категориям дел. К ведению церковных судов относились преимущественно дела по личным искам — разбор брачных и семейных дел, между родителями и детьми, дела о наследстве. Наиболее важные уголовные дела — *душегубство* и *разбой с поличным,* хотя бы и совершенные лицами, подсудными церковному суду, подлежали рассмотрению исключительно государственными органами. Так, в жалованной грамоте Звенигородского князя Юрия Дмитриевича Савво-Сторожевскому монастырю от 1404 года говорится: *А ведает игумен Сава сам свои люди во всех делех и судит сам во всем, или кому игумен прикажет, опричe душегубства...* Даже менее опасные уголовные дела, совершаемые духовными лицами (например, кража), подлежали рассмотрению в государственных судебных органах.

60. Если человек умрет, не оставив завещания, то при отсутствии у него сыновей все его имущество и земля передается дочери, а при отсутствии дочери наследует ближний его рода.

В статье определяется порядок наследования в случае отсутствия духовной грамоты — завещания. Сохраняя характерное для русской феодальной собственности положение — сестра при братьях не наследница, — Судебник, в отличие от ст. ст. 92—93 Русской Правды Пространной редакции, предусматривавших выморочность имущества, законодательно подтверждает бытовавший на практике порядок передачи наследования по женской линии и расширяет круг наследников привлечением *ближнего от его рода,* т. е. боковых родственников, аналогично ст. 15 Псковской Судной грамоты. Отражая начавшийся с XIV века рост феодального землевладения и дальнейшее укрепление феодализма, Судебник значительно усиливает защиту феодальной собственности и ее основы — земли. Таким образом, в законодательстве наряду с нормами о движимом имуществе — *статном* — формулируются нормы и относительно недвижимого имущества — земли: порядок наследования и распоряжения ею в условиях борьбы великокняжеской власти с удельно-княжеской оппозицией шел по пути расширения поместной системы, связанной со службой великому князю, государству.

61. Об изгородях. Расходы по установлению изгородей между селами и деревнями распределяются между владельцами поровну. Если из-за отсутствия или плохого огораживания произойдет потрава, убытки платит тот, кто ставил изгородь. Владелец покосов, удаленных от сел и де-

ревень, не обязан ставить изгородь; изгородь ставит владелец той пахотной земли, которая смежна с отдаленными покосами.

62. О межах. Если кто-нибудь перепашет межу или повредит межевые знаки у боярина и монастыря на земле великого князя или у великого князя на боярской и монастырской земле, или у боярина на боярской или монастырской земле, или у монастыря на боярской земле, он подвергается битью кнутом и с него взыскивается рубль в пользу истца. Если перепашет или перекосит межу крестьянин у крестьянина своей же волости или села, то волостель или посельский взыскивает с виновного штраф в 2 алтына и вознаграждение в пользу потерпевшего от перепашки в зависимости от человека и количества перепаханного по своему усмотрению.

63. Разбирательство дел о землях. По искам о земле боярина к боярину, монастыря к монастырю, боярина к монастырю или монастыря к боярину устанавливается исковая давность в три года. По искам о земле чернотяглого крестьянина к чернотяглому, или помещика к помещику, получивших землю от великого князя, или черно-тяглого или сельского крестьянина к помещику, или помещика к чернотяглому или сельскому крестьянину также устанавливается исковая давность в три года. По искам о землях великого князя к боярам или монастырям устанавливается исковая давность в шесть лет. Спорные земли передаются до суда под наблюдение пристава.

В ст. 61, отражающей борьбу феодалов с пережитками общинных сервитутов, говорится о необходимости установления изгородей между граничившими землями во избежание потравы скотом посева. Раскладывая расходы по установлению изгородей *по половинам,* т. е. поровну между смежными владельцами, статья возлагает расходы за причинение потравы не на владельца скота, а на того, *чья огорода,* т. е. на того, чья изгородь оказалась неисправной. В статье устанавливается, что обязанность ставить изгородь возлагается на владельца той пахотной земли, которая смежна с покосами.

В ст. 62 предусматривается ответственность за повреждение или уничтожение межевых знаков и запашку чужой земли. Воспроизводя в основном ст. 18 Белозерской и ст. 4 Двинской уставных грамот о наказании за нарушение межевых знаков, ст. 62 усиливает охрану земельной собственности феодалов. Охране подлежат земли не только великого князя, но также *боярина и монастыря.* Статьей вводится новый для данного преступления вид наказания. Если раньше нарушители подлежали разного рода штрафам, то по данной статье виновного в повреждении межевых знаков или перепашке земли собственника-феодала предписывалось *бити кнутием, да исцу взяти на нем рубль.* Это же преступление, но совершенное крестьянами *промежу себя,* влекло за собой денежный штраф (*за боран по два*

алтына) и возмещение убытков пострадавшему, размер которых устанавливался *посельским* по принципу *посмотря по человеку и* по *ране и по рассуждению.* Встречающееся в статье выражение *за боран по 2 алтына* является особой формулой денежной оплаты, возникшей в результате замены натуральных поборов денежными. С XV века натуральный оброк в ряде мест вытесняется денежным, и всякого рода поборы часто исчисляются параллельно в натуральном и денежном счете. Так, в жалованной грамоте 1462 года великий князь указывает монастырским крестьянам: *А на Петров день дают моему наместнику или волостелю боран да десятеро хлебов, а нелюб боран, ино десять денег; а нелюбы хлебы, ино по дензе за коврригу.* Постепенно слово *боран* стало означать поборы, взыскание, налоги, штрафы (*кто у кого межу переорет, межевой боран два алтына; кто у кого пустош или пожню перекосит, перекосной боран по восьми денег*). Боран означал также пошлину и административный сбор: *А кто перейдет из села в село или из деревни в деревню, перехожий боран взять с обе стороны...* В связи с тем, что слово «боран» означало разного рода поборы, возникла и пословица – *на мир боран прибыл.*

В ст. 63 срок давности по земельным искам определяется как основа для закрепления права на земельные участки. Вопрос об источниках этой статьи является спорным, ибо сроки исковой давности на Руси, особенно Северо-Восточной, были различными. Первое упоминание о давности связывают с постановлением великого князя Василия Дмитриевича (1389—1425), на которое ссылается в жалованной грамоте от 1483 года его внук Иван III: *Как дед мой учинил, князь великий, в своей вотчине в великом княжении суд тогды о землях и о водах за пятнадцать лет, так и мне, князю великому, послати своего боярина. А хто будет отец наш митрополит в нашей вотчине и отцу нашему послать своего боярина и они, ехав в слободку, также учинят исправу в пятнадцать лет землям.* Псковская Судная грамота, различавшая давности исковую и приобретательскую, устанавливает единый срок 4—5 лет (ст. 9), и, наконец, в Правосудии Митрополичьем говорится о трехлетнем сроке. Как справедливо замечает С. В. Юшков, необходимо учитывать само понятие давности и ее сроки. В первом случае статья Судебника не является нововведением, поскольку давность была известна еще Правосудию Митрополичью (памятнику, относившемуся еще к XIII веку). Что же касается сроков давности, — а это основное, — в ст. 63 устанавливаются два срока, чего не знал ни один прежний закон. Основываясь на практике митрополичьего суда, статья вводит трехлетнюю давность по искам частных лиц. Этот срок обусловливается тем, что «использование земли в севообороте (трехлетнем) является фактом, в достаточной степени свидетельствующим о полном хозяйственном овладении участка».

Вместе с тем, отражая стремление великокняжеской власти ограничить общинные сервитуты и сосредоточить распоряжение земельной собственностью в своих руках, Судебник увеличивал срок исковой давности

по земельным спорам до 6 лет, если иск был направлен на изъятие у неправомочного владельца великокняжеской земли. Увеличение срока исковой давности в этом случае объясняется, по мнению Л.В. Черепнина, тем, что «основная масса неразрешенных судебных тяжб касалась, как показывают правые грамоты, именно земель великокняжеских крестьян, захваченных крупными феодалами — боярами и монастырями. Именно по этой линии шла главным образом борьба за землю. Отсюда — несколько повышенный срок давности в отношении именно этой категории дел». В случае подачи иска срок исковой давности приостанавливался, а земли до разрешения спорного вопроса судом передавались под наблюдение пристава. Последний должен был их *досуживати,* т. е. следить за тем, чтобы эти земли не подвергались незаконным захватам и наездам со стороны кого-либо из тяжущихся. Это означало, что спорные земли находились временно в распоряжении великого князя и часто отдавались для обработки их той или иной стороне до разбора дела.

64. За пересмотр дел с виновного взыскивается пошлина в размере 2 гривен; с суммы иска меньше рубля пошлина не берется. Пошлина не берется с судных списков, с холопов и по земельным делам. Пошлина берется за каждый судебный поединок. Если кто-нибудь докажет, что судный список основан на ложных фактах и потребует нового расследования, назначается пересмотр дела. В этом случае с виновного взыскивается подвойским пошлина в размере 4 денег.

Статья определяет порядок пересмотра дел по жалобе сторон, так называемый *пересуд,* упоминаемый ст. 3 Новгородской Судной грамоты и договорной грамотой Новгорода 1470—1471 гг. с польским королем Казимиром. В отличие от доклада, когда дело поступало на рассмотрение вышестоящей инстанции независимо от желания сторон, пересуд наступал лишь по жалобе стороны и мог быть прекращен, если во время доклада обе стороны признают правильность судного списка. *Пересуд* допускался не по любому делу, а лишь в тех случаях, когда одна из сторон *оболживит,* т. е. подвергнет сомнению, судный список (протокол судебного заседания), а также при решении дела *полем* (*а с поля со всякого пересуд).* По делам *менши рубля,* а также по искам о холопах и земле пересуд не назначался. За *пересуд* с лица, призванного виновным, взыскивалась пошлина. Она именовалась *правой десяток* и поступала в пользу *подвойского.* Пересуд часто трактуется лишь как судебная пошлина, а не вторичный пересмотр дела. Неправильность такого ограничения отмечена последними исследованиями Судебника.

65. Если в городе будет два наместника или в волости два волостеля, они и их тиуны взыскивают пошлины, установленные Судебником, в размере,

определенном на одного наместника, волостеля или тиуна, и взысканное делят пополам.

Статья 65 (примыкая непосредственно к ст. ст. 18, 20 Судебника) уточняет порядок взимания пошлин при наличии в одном городе (или волости) нескольких наместников или волостелей. Такое положение являлось, с одной стороны, пережитком периода феодальной раздробленности, когда один город принадлежал нескольким князьям, каждый из которых мог держать особого наместника. Отсюда название *третчик,* т. е. наместник городской трети. С другой стороны, назначение в один город двух или более наместников вызывалось трудностью исполнять обязанности одному лицу в большом уезде, а также стремлением правительства дать кормление большему числу лиц, особенно по мере увеличения численности служилых людей, которые в челобитных государю просили *пустить покормиться.* Если доходов, получаемых с города, было недостаточно для двух наместников, то одного *сводили,* т. е. переводили в другое место, возлагая управление на одного *(Здеся мне бил челом Яков Захарьичь, что вам обема на Костроме сытым быти не с чего; и* яз *... тебя есми пожаловал — придал другую половину Костромы, с правдою).* Ограничивая произвол должностных лиц, Судебник в развитие ст. 4 Уставной грамоты о душегубстве 1456—1462 гг., где порядок взимания наместниками, *третчиками* и другими должностными лицами пошлин определялся еще по добровольному соглашению сторон в виде *посула,* предписывает брать пошлины в одинарном размере, т. е. из расчета на одного наместника, с тем чтобы они потом были поделены пополам в том случае, если в городе *сидели* два наместника.

66. О полной грамоте. Холопом становится человек, продавший себя в полное холопство, поступивший в тиуны или ключники в сельской местности, независимо от того, оговаривает он свою свободу или нет. Холопство распространяется на его жену и детей, живущих вместе с ним у одного господина. Дети, живущие у другого господина или самостоятельно, не становятся холопами. Поступление в ключники в городе не влечет за собой холопства. Холопом становится тот, кто женится на рабыне, или выходит замуж за холопа, или передается в приданое, или в силу завещания.

В данной статье (имеющей в своей основе ст. 110 Русской Правды) определяются источники полного холопства. Упоминания о полном холопстве находятся в духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича 1358 года и в договоре Дмитрия Донского с Михаилом Александровичем 1375 года. Оно имеет сходство с *обелем* Русской Правды, *челядью дерноватой* и *людьми неотхожими* Новгородской земли. В отличие от устано-

вившегося мнения, что Судебник 1497 года, отражая стремление феодалов к ограничению полного холопства и замене его зависимым крестьянством, ограничивает источники холопства, Е.И. Колычева дает иную интерпретацию этой статьи. Она считает, что Судебник в вопросе источников холопства является более консервативным, чем Русская Правда. Это утверждение автор основывает включением в Судебник нового источника холопства — *по холопе роба*. Однако, как справедливо отмечает сама Е.И. Колычева, вряд ли можно считать этот источник полностью новым. И раньше вольная жена холопа находилась в фактической зависимости от холоповладельца, ее свобода, так же как и оговоренная свобода холопа, через несколько лет попросту забывалась. Установление нормы по холопе роба является, по всей вероятности, не столько расширением источников холопства, сколько отражением норм уже существующего семейного феодального права. В остальном же нельзя не отметить, что Судебник не просто повторяет известные Русской Правде источники холопства, но устанавливает обстоятельства, ограждающие от него. Так, в Судебнике сохраняется холопство в случае продажи по полной грамоте, но при поступлении на должность тиуна или ключника холопство возникает лишь для вступившего в эту должность в сельской местности. При этом оно распространялось не на всю его семью, а лишь на жену и тех детей, которые будут жить с отцом у одного господина. Кроме того, холопство сельских ключников к XV — XVI вв. становится по сути службой по какой-либо из специальностей. На основании анализа новгородских писцовых книг Б.Д. Греков сближает их положение не с холопами в узком смысле, а с крепостными крестьянами. Об особом положении верхушки холопов, занимавших административно-хозяйственные должности, являвшиеся одним из путей формирования служилого класса помещиков, и тем самым перестающие быть источником пополнения института холопства, говорит и Е.И. Колычева, признавая постепенное изживание полного холопства.

67. О взятках и о свидетельских показаниях. Надлежит объявить по рынкам в Москве, во всех городах Московской и Новгородской земли и во всех волостях о запрещении истцам и ответчикам обещать судьям и приставам взятки за разбирательство дела, а свидетелям давать показания, не зная дела, повелев им говорить правду. В случае обнаружения впоследствии ложности показания свидетеля с него взыскиваются все убытки и расходы, понесенные потерпевшим.

В этой статье предписывается публичное объявление *(прокликать по торгам)* о запрещении взяток и лжесвидетельства. Данное установление сходно с положением ст. 1 Судебника, в котором судьям запрещается брать *посулы* и решать дела, исходя из своих выгод.

68. О пошлинах за судебный поединок. По прибытии на поединок окольничего и дьяка они выясняют у истцов и ответчиков, кто является их стряпчими и поручниками. Установив это, они приказывают последним находиться у места проведения поединка, но без доспехов, дубин и жердей. Если у места проведения поединка находятся посторонние люди, то окольничий и дьяк удаляют их. Если эти люди откажутся уйти, с них взыскивается вся сумма иска и пошлины, а сами они передаются на поруки и предаются суду великого князя.

В ст. 68 определяется порядок проведения судебного поединка — поля. Наряду с уточнением обязанностей окольничьего и дьяка — должностных лиц, организующих поле, — в статье упоминается о стряпчих и поручниках, т. е. лицах, сопровождавших стороны и охраняющих их во время участия в судебном поединке. Участие этих лиц было необходимо потому, что «поединок проходил в присутствии доброжелателей и друзей обеих сторон, которые смотрят на поединок, не имея при себе никакого оружия, кроме дубин, которыми они время от времени и пользуются. Ибо если доброжелатели одного из бойцов увидят, что ему делается какая-нибудь обида, то тотчас бегут для отражения этой обиды, то же делает и другая сторона, — и, таким образом, между ними происходит схватка, интересная для зрителей, потому что дерутся в потасовку, кулаками, батогами и дубинами с обозженным концом» (Герберштейн С.). Стряпчие и поручники должны были находиться у места проведения поединка. Однако доспехи, дубины и *ослопы,* т. е. орудия боя, стряпчим и поручникам держать у себя запрещалось. Для обеспечения порядка при решении спора полем нельзя было присутствовать *опришным*. За отказ *опришных* покинуть поле с них взыскивалась сумма иска и пошлины, а сами они передавались на поруки и подлежали преданию великокняжескому суду как злоумышленники — соучастники.

Текст перевода Судебника 1497 года публикуется по сборнику «Судебники XV-XVI веков» под общ. ред. академика Б.Д. Грекова (М.-Л.,1952. С. 19-21). В тексте опущены пометки по внешнему виду Судебника, имеющиеся в «Сборнике». Комментарий и введение – по «Российскому законодательству X-XX вв.», под общ. ред. О.И. Чистякова (Т. 2. М.,1985. С. 34-53, 62-97).

СУДЕБНИК 1550 г.

ВВЕДЕНИЕ

Судебник 1550 г. (Судебник Царя Иоанна IV Грозного) является основным нормативным актом России периода развития централизованного государства и становления сословно-представительной монархии. В отличие от Судебника 1497 года текст Судебника 1550 года дошел до нас более чем в 40 списках.

Первая публикация текста Судебника 1550 года связана с именем В. Н. Татищева. В 1734 году он преподнес рукопись Судебника 1550 года императрице Анне Ивановне, а снятую копию передал в Академию наук, где она и пролежала более 30 лет. Лишь в 1768 году текст Судебника 1550 года с примечаниями Татищева к большинству из статей и дополненный указами правительства с 1550 по 1607 гг. (Судебник государя царя великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным статским советником и астраханским губернатором Ва-сильем Никитичем Татищевым) был издан Г. Ф. Миллером.

В советское время вышло академическое издание Судебника 1550 года (подготовка текста к печати Р. Б. Мюллер, комментарий Б. А. Романова). В 1955—1956 гг. под редакцией Л. В. Черепнина вышли третий и четвертый выпуски «Памятников русского права», охватывавшие периоды образования и укрепления Русского централизованного государства. В них были опубликованы тексты Судебников 1497 и 1550 годов (введения и историко-правовые обзоры к ним подготовлены А. Г. Поляком).

Судебники эти в дореволюционной литературе не стали предметом специального монографического исследования. О них, как правило, говорилось в общем плане в трудах по Истории России или отдельным отраслям русского права. Строев и Калайдович расценили князя Ивана III как «законодателя», а Ивана IV лишь как «исправителя» его законов. Вместе с тем учеными отмечается большая полнота и определенная система Судебника 1550 года, имеющего новые, по сравнению с Судебником 1497 года, статьи. Однако эти разночтения они объясняют не причинами централизации государства, а ошибками переписчиков.

Судебнику 1550 года дореволюционная историография уделяла несколько большее внимание. Самое раннее его толкование было дано В. Н. Татищевым. В «Разговоре дву приятелей пользе науки и училищах», написанном в 1733 году в виде вопросов и ответов, Татищев на вопрос о существовании в России законов до Уложения 1649 г. отвечает утвердительно и излагает фактически историю развития русского законодательства. При этом он полагал, что в Галиче, на Волыни и Полоцке русские законы были

и что князья разных земель имели собственные письменные законы, но только от «незнания пользы и недостатка прилежности» их потеряли. При комментировании Судебника 1550 года Татищев говорит о наличии этих законов как промежуточных источников между Русской Правдой и Судебником 1550 года. Интересно, что, не зная еще о существовании Судебника 1497 года (ибо рукопись его была обнаружена лишь в 1817 году), Татищев вслед за перечислением местных законов называет и законы, изданные Иваном III.

В. Н. Татищевым составлено несколько редакций примечаний к Судебнику 1550 года.

В историко-правовом плане Судебник 1550 года исследовал Н. В. Калачов. К числу источников Судебника 1550 года Н. В. Калачов относит в качестве основного акта Судебник 1497 года, а также составлявшиеся на его основании уложения, или уставные грамоты, даваемые великими князьями различным областям государства для вершения ими суда (а также грамоты губные, таможенные, жалованные). В них, по мнению Калачова, проявилось органическое развитие русского законодательства. В качестве законодателя выступает мудрое правительство царя Иоанна. По своему содержанию Судебник 1550 года, согласно Н. В. Калачову, — это кодекс, определяющий, в основном, судопроизводство. Малочисленность же норм гражданского и уголовного права в Судебнике он объясняет господством еще в этих областях права обычного. Несмотря на такое ограничительное толкование содержания памятника, Н. В. Калачов начинает обзор Судебника с характеристики вопросов государственного права, государственного управления и «государственных состояний». В области гражданского права он выделяет право вещное, обязательственное, семейное и наследственное. Подчеркивает тесную связь гражданского и уголовного права во времена Судебников.

Вопрос об источниках и значении Судебников решался по-разному Дворянско-буржуазная историография рассматривает Судебник 1550 года как исправленный «по старине» Судебник 1497 года, дополненный грамотами и указами, вышедшими после издания первого Судебника, а также воспринявший текст не дошедшего до нас Судебника Василия III.

В советской историко-юридической литературе наиболее крупные специальные исследования Судебника 1550 года принадлежат И.И.Смирнову и Б. А. Романову, Точки зрения ученых об источниках и значении Судебников в основном совпадают. На основе анализа грамот за период с 1497 по 1550 гг., содержащих ссылки на Судебник, И. И. Смирнов приходит к выводу, что все они имеют в виду лишь Судебник Ивана III, и выдвинутая К. Ф. Калайдовичем гипотеза о существовании Судебника Василия III не имеет под собой никаких оснований. Этот вывод, подчеркивает И. И. Смирнов, чрезвычайно важен для анализа Судебника 1550 года, выяснения характера его связи с Судебником 1497 года и определения направления, в котором шла переработка последнего. Одним из важ-

нейших источников Судебника 1550 года явилось законодательство, охватывающее период времени между первым и вторым Судебниками. Кодификационная работа по созданию Судебника 1550 года означала отбор из предшествующего законодательства тех законов, которые соответствовали политике правительства Ивана IV. Тщательный источниковедческий анализ позволил автору сделать широкие исторические обобщения, рассмотреть эволюцию правовых норм в связи с историей общественных отношений.

Сравнивая статьи Судебников, посвященные крестьянскому «отказу», И. И. Смирнов приходит к выводу, что Судебник 1550 года занимает в этом вопросе консервативную позицию. Он, в отличие от Судебника 1497 года, юридически оформившего новый этап в истории крепостного права, ограничивается подтверждением старой нормы. С точки зрения И. И. Смирнова, Судебник 1550 года издан в интересах дворянства. Такая оценка данного акта вызвала сомнения у ряда историков, считавших, что обострение в России в XVI в. классовой борьбы заставило представителей феодальной реакци искать в дворянстве опору и поддержку для совместных выступлений против крестьянства и посадских людей. Это обусловило наличие определенного компромисса! между двумя группами господствующего класса, что было закреплено Судебником 1550 года и Стоглавом. Именно эту точку зрения проводит Б. А. Романов, отмечая большую научную ценность исследования И. И. Смирновым Судебника 1550 года как первого опыта изучения памятника во всей его целостности и с подлинно марксистских позиций. Б. А. Романов, солидаризуясь с выводом И. И. Смирнова относительно Судебника Василия III, более детально останавливается на порядке составления и принятия Судебника 1550 года. Аналогично И. И. Смирнову Б. А. Романов рассматривает также вопросы управления и вопросы гражданского права.

Помимо работ, посвященных специально Судебникам, характеристика их как памятников права дается в связи с освещением вопросов социально-экономического и политического развития.

Исследуя реформы Ивана Грозного середины XVI в., А. А. Зимин считал, что самым крупным начинанием правительства. было составление в июне 1550 г. нового законодательного кодекса, который заменил устаревший Судебник 1497 г. Из 99 статей нового Судебника 37 были совершенно новыми, а в остальных текст предшествующего кодекса подвергся кардинальной переработке. А. А. Зимин исследовал важнейшие вопросы социального законодательства — землевладение и положение зависимого населения (крестьян и холопов, а также проблему центрального и местного управления). Отметив, что нововведения Судебника 1550 года касаются главным образом наместничьего управления, А. А. Зимин критиковал высказанное И. И. Смирновым положение о возросшем значении приказов и дьяков. А. А. Зимин полагал, что Судебник Ивана IV не содержит никаких данных, чтобы говорить об оформлении приказной системы к 1550 году.

Общее направление Судебника 1550 года А. А. Зимин, в отличие от И. И. Смирнова, рассматривает подобно Б. А. Романову как компромисс между боярством и дворянством. Реформы середины XVI в. не подрывали важнейших социально-экономических основ могущества боярской аристократии, в первую очередь ее землевладения. Родовитые боярские фамилии попрежнему занимали видное место при дворе, в Боярской Думе и в централизованном аппарате власти. Правительство А. Адашева, сложившееся в обстановке повсеместных народных движений, стремилось консолидировать силы всего класса феодалов, а потому и не могло пойти на завершение борьбы с боярским сепаратизмом.

Значение и сущность Судебника 1550 года в свете реализации реформы в области управления и суда раскрывается в работе Н. Е. Носова. Полемизируя с И. И. Смирновым, трактующим нормы Судебника 1550 года как антибоярские, Н. Е. Носов усиливает тезис Б. А. Романова о неразрешенности в тот период внутриклассовых антагонизмов и рассматривает Судебник 1550 года как компромисс трех, казалось бы, не столь уж лояльных друг другу общественных сил — боярства, дворянства и посадских людей. Исследуя и подробно комментируя статьи Судебника, посвященные местному управлению и суду, Н. Е. Носов приходит к выводу, что лейтмотивом всей переработки норм Судебника 1497 г. о наместничьем суде, осуществленной в Судебнике 1550 г., был вопрос о роли и месте в этом суде земского представительства в лице старост и лучших людей, иначе говоря вопрос о взаимных обязанностях, правах и ответственности наместников, земских представителей и населения как друг перед другом, так и перед правительством. И все это было подчинено главной цели — урегулировать отношения между кормленщиками и широкими слоями местного населения — посадскими людьми и волостными крестьянами. Таким образом, отмечает Н. Е. Носов, созыв собора «примирения» 1549 года, основные решения которого нашли законодательное закрепление в Судебнике 1550 года, предопределил начало земской реформы, а следовательно, и превращение самого Русского государства в сословно-представительную феодальную монархию.

Б. Д. Греков обращает особое внимание на статьи, отражающие правовое положение крестьян и холопов Появление ст. 57 Судебника 1497 года и развивающей ее ст. 88 Судебника 1550 года о крестьянском отказе, так же как изменение по сравнению с Русской Правдой правового положения *полных* и *докладных* холопов, Б. Д. Греков объясняет тем, что хозяйство на Руси с конца XV в. превращается из замкнутого, оброчного, обслуживаемого главным образом трудом челяди, в большую организацию, где основным производителем стала крестьянская масса. В соответствии с этим Судебники ограничивают источники полного холопства за счет развития *кабального*, т. е. долгового, и определяют положение всех категорий крестьян в отношении права их выхода. Последний ограничивается установлением единого срока выхода и выплатой пожилого.

Выяснение вопроса о *пожилом* дано А. Л. Шапиро. Пожилое являлось как раз такой повинностью, какая соответствовала формам земельной собственности и внеэкономического принуждения, господствовавшим в России XV — XVI вв. Землевладелец не являлся тогда собственником крестьян, но был собственником всех земель, находившихся в их пользовании. Для феодального хозяйства и права характерна поэтому ответственность крестьянина перед господином за состояние своего крестьянского хозяйства. Тут-то и возникали специфически феодальные, юридические основания для взимания пожилого при запустении двора.

Характеристика законодательства XV — XVI вв. о холопах и крестьянах и, в частности, Судебников 1497 и 1550 гг. имеется в работах Е, И.Колычевой, В. М. Панеяха, Ю. Г. Алексеева.

В работе Е. И. Колычевой прослеживается эволюция полного, старинного и докладного холопства в связи со становлением крепостничества. Подробно останавливаясь на порядке оформления наследственного холопства, отличии полных и докладных грамот, отпуске холопов на волю, изменении института наследственного холопства и его правового положения по пути слияния с крестьянством, Е. И. Колычева дает подробные комментарии соответствующих статей Судебников. В отличие от установившейся по этому вопросу точки зрения о сравнительно быстром изживании на Руси холопского труда как невыгодного, Е. И. Колычева, прослеживая факты использования в земледелии холопов, слиянии их с крестьянством, приходит к выводу о заинтересованности землевладельцев, особенно мелких, в труде холопов. В силу этого, по ее мнению, правительство вплоть до второй половины XVI в. стремилось ограничить отпуск холопов на волю. Эволюция институтов холопства затрагивала в первую очередь изживание полного, т. е. документально оформленного, холопства. Это и нашло, по мнению Е. И. Колычевой, отражение в статьях о холопстве в обоих Судебниках.

В. М. Панеях в своих комментариях статей Судебника 1550 года, имеющих отношение к холопству, приходит к выводу, что характерная для этого времени тенденция к изживанию холопской формы зависимости проявлялась преимущественно не в изменении юридического положения полного холопства, а в переводе в число кабальных лиц вольных, но прослуживших более полугода, т. е. в увеличении служилого, кабального холопства. Процесс изживания холопства и слияния его с крепостным крестьянством шел весьма медленно. На всем протяжении XVI и начала XVII вв. холопство продолжало оставаться важным элементом в социальной структуре общества. Это, по мнению В. М. Панеяха, с одной стороны, удовлетворяло запросы дворянско-помещичьих группировок, заинтересованных в развитии именно кабального холопства, а с другой — сохраняло интересы родового боярства. Ю. Г. Алексеев подтвердил правильность характеристики Б. А. Романовым ст. 78 Судебника 1550 года о 15-рублевом

максимуме. Его следует понимать не как крестьянское пожилое, а как форму служилой кабалы.

Источниковая база любого памятника феодального права находится в непосредственной связи с той или иной стадией развития феодальных отношений, регулируемых отдельными актами. Если возникновение Судебника 1497 года связано с формированием Русского централизованного государства, требовавшего создания общерусского феодального права, то Судебник 1550 года явился памятником, направленным на ликвидацию последствий боярского правления и дальнейшее развитие и укрепление экономических и политических позиций тех социальных групп, на которые опиралось правительство Ивана IV — дворян-помещиков, а также верхов посада. Однако усилившиеся к середине XVI в. антифеодальные выступления широких народных масс — восстание в Москве 1547 года, восстания посадских людей и крестьян во многих других городах Русского государства — требовали консолидации всех сил феодалов.

Основные принципы этой политики были изложены в речи Ивана IV 27 февраля 1549 года на заседании Боярской Думы совместно с Освященным собором. Обвинив бояр в нанесении ими насилий и обид, Иван IV настаивал на «примирении» высшего духовенства и боярства со служилой массой помещиков. Прощая прежние обиды, Иван IV счел необходимым издать новый Судебник, который должен был укрепить «поисшатавшиеся» и «порушенные» за время боярского правления законы, исправить их «по старине». Несмотря на «примирение», нельзя отрицать того, что Судебник 1550 года стоял на страже интересов детей боярских и дворян, сталкивающихся с интересами княжеско-боярской аристократии.

Как и в Судебнике Ивана III, более 30 статей Судебника 1550 года являлись новыми. Оба Судебника имели уже определенную систему норм:

1) нормы о суде центральном (ст. ст. 1—36 Судебника 1497 года и 1—61 Судебника 1550 года), из которых часть относится к уголовному праву;

2) нормы о суде местном (соответственно ст. ст. 37—45 и 62—75);

3) нормы материального, преимущественно гражданского права и процесса (ст. ст. 46—66 и 76—97);

4) дополнительные статьи (ст. ст. 67—68 и 98—100), посвященные процессуальному праву.

Судебник 1550 года представляет новый шаг в развитии юридической техники того времени. Он состоит из глав и статей, которые большей частью тематически сгруппированы (например, ст. ст. 76—97, относящиеся к гражданскому праву). Аналогично предыдущему Судебнику в нем уделяется основное внимание нормам, регулирующим судоустройство и судопроизводство. Но это не дает оснований характеризовать Судебники как неполные кодексы, свидетельствующие о слабом развитии русской правовой мысли. Просто многие институты и целые отрасли права в тот период

регулировались специальными актами или даже системой актов, например семейное право, отнесенное к церковной юрисдикции.

Неправомерно также сопоставление Судебников как имеющих большее или меньшее значение в развитии русского права. Каждый из них отражает свою ступень в истории Русского государства. И первый, и второй Судебники, выражая интересы централизации, упорядочили судебный аппарат, определив его подсудность, основанную на подчинении нижестоящего суда центральной власти.

Судебник 1550 года значительно усиливает роль центральных судебных органов. Предусматривается территориальной характер суда «по приказам» (ст. ст. 7, 72). Возрастает значение великокняжеского суда, сосредоточившего контроль за судом удельных князей по делам, совершенным на территории Московского уезда (ст. 100).

Сохраняя систему кормлений, Судебник 1550 года усиливает контроль центральных судебных органов за нижестоящими органами. Это обеспечивалось прежде всего расширением института доклада. Он становится обязательным не только по наиболее опасным уголовным делам, но, согласно ст. 71, является обязательным для всех наместников, устраняя фактически кормление с боярским судом.

Одновременно усиливалась взаимосвязь и зависимость кормленщиков от органов местного самоуправления, в частности губных учреждений. На одну ст. 38 Судебника 1497 года, предусматривавшую участие на суде кормленщиков дворского, старост и лутших людей, приходится 4 статьи (62, 68—70) Судебника 1550 года, подробно определявших роль и функции судных мужей в процессе. Сохраняя за наместниками и волостелями право творить немедленный суд и расправу над лихими людьми, Судебник вместе с тем подтверждает значение губных органов. Проявлением процесса усиления роли центральных органов и, в частности, судебных, являются и нововведения Судебника 1550 года о судебной ответственности наместников и волостелей за взяточничество и волокиту, установление санкций за нарушение порядка судебного рассмотрения, определение новых видов преступлений. Изменение социально-экономических условий обусловило появление статей, регулирующих новое соотношение классовых сил и состояние внутриклассовой борьбы.

Продолжая и углубляя политику централизованного государства, Судебник 1550 года усиливает защиту прав служилого дворянства и детей боярских. Он вводит ст. 85, ограничивающую право выкупа родовых вотчин; отменяет выдачу тарханных грамот и предусматривает отобрание старых (ст. ст. 43, 91); запрещает кабалить детей боярских (ст. 81); вводит льготы для учинения исков и заключения сделок служилыми людьми; освобождает дворянство от подсудности бояр-наместников, предоставляя ему право судиться непосредственно царем. Увеличивается размер пожилого и вводятся дополнительные пошлины, затрудняющие возможность крестьянских переходов по правилу Юрьева дня. Устанавливается право

«отказавшегося» крестьянина на посеянный им у прежнего феодала хлеб при условии, что он уплатит за этот надел подати в казну. Проводится принцип ответственности феодала за своего крестьянина, в силу чего крестьянину, замешанному в лихом деле и взятому на поруки землевладельцем, выход от него разрешается лишь в том случае, если будет поручительство со стороны нового владельца. Еще А. Н. Филиппов высказал предположение, что этими нормами Судебник пытался уничтожить привилегированность крупных землевладельцев и подчинить их общим нормам закона. В целях дальнейшего обеспечения землевладельцев рабочей силой Судебник 1550 года подтверждает и развивает статью о крестьянском отказе.

Отражая постепенное вытеснение холопского труда крестьянским, Судебник ограничивает источники полного холопства. Невозможность мелких хозяйств сохранить свою экономическую самостоятельность породила новую форму зависимости — кабальное холопство. Эта форма зависимости заключалась в обязанности свободного, но взявшего денежную ссуду человека, *за рост служити*, т. е. работать на своего господина-кредитора. Сходное с закупничеством Русской Правды, кабальное холопство усиленно развивалось с XV в. Однако Судебник 1497 года еще не содержит никаких норм о нем. Включение в Судебник 1550 года ст. 78 о кабальном холопстве было направлено на вытеснение ставшего невыгодным полного и докладного холопства и втягивание в сферу отношений феодальной эксплуатации новых групп еще не закрепощенного населения. Получило более четкую регламентацию правовое положение наймитов и посадского населения.

Расширилась область обязательственного права. Так, заем подразделился на два вида — с кабалою и без кабалы; были определены условия действительности *полетной* грамоты (ст. 90); уточнялся порядок заключения договоров купли-продажи (ст. 93), особенно при торговле лошадьми (ст. ст. 94— 96). Судебник не только установил порядок заключения сделок между купцами и чюжеземцами в интересах развития торговли, но и отразил начало борьбы с закладничеством (ст. 92).

Принятый в период обострения классовой борьбы Судебник 1550 года выделяет новые, особо опасные виды преступлений, непосредственно направленные против государственных основ и интересов господствующего класса. Увеличивается также количество составов должностных преступлений и преступлений против порядка управления и суда. Помимо лжесвидетельства, караемого торговой казнью (ст. 99), вводится неизвестное первому Судебнику преступление — подписка, т. е. подлог судебных актов (ст. ст. 4, 5).

Среди имущественных преступлений проводится попытка разграничения грабежа и разбоя, татьбы и мошенничества, впервые вводимого в Судебнике.

Соответственно предусматривается усиление карательных мер. Впервые вводится тюремное заключение — предварительное и как мера наказания. В целях устрашения увеличивается применение торговой казни. Если в Судебнике 1497 года она упоминается лишь в одной статье (ст. 10), то в Судебнике 1550 года она встречается уже в шестнадцати статьях.

Значительно большее внимание по сравнению с Судебником 1497 года уделяется вопросам судопроизводства. Расширение и уточнение процессуальных норм идет по пути подчинения частных интересов государственным, сосредоточения расследования наиболее опасных для господствующего класса дел в руках центральной государственной власти, введения основ губного самоуправления и усиления розыскного процесса.

Впервые в русском законодательстве вводится положение о том, что закон обратной силы не имеет, определяется порядок издания новых законов и обязательность вершения всех дел, за исключением дел церковной подсудности, по Судебнику. При отсутствии закона предписывается издание нового, который становится дополнением Судебника.

ТЕКСТ И КОММЕНТАРИИ К СУДЕБНИКУ 1550 Г.

Лета 7058 июня царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси со своею братьею и з боярами сесь Судебник уложил: как судити боярам, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком, и всяким приказным людей, и по городом намесником, и по волостем волостелем, и тиуном и всяким судьям.

1. Суд царя и великого князя судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком. А судом не дружити и не мстити никому, и посула в суде не имати. Также и всякому судье посула в суде не имати.

В статье определяется порядок боярского суда, дополняется состав судей представителями как высшей (казначей, дворецкий), так и служилой бюрократии (дьяк), сохраняется без изменений декларация Судебника 1497 года о запрещении посулов и необходимости справедливого суда.

2. А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк просудитца, а обвинит кого не по суду без хитрости, или список подпишет и правую грамоту даст, а обыщетца то в правду, и боярину, и околничему, и дворецкому, и казначею, и дьяку в том пени нет; а исцом суд з головы, а взятое отдати назад.

Статья, имея в своей основе ст. 19 Судебника 1497 года, не ограничивается указанием на необходимость пересмотра неправильного судебно-

го решения, а специально оговаривает случай, когда неверное решение вынесено судьями *безхитростно*, т. е. вследствие добросовестного заблуждения, ошибки или неопытности судьи. Ошибочное решение аннулируется, а все неправомерно полученное - возвращается. При этом стороны получают право на пересмотр дела. Судьи за такое решение ответственности не несут, ибо в их действиях нет состава преступления.

3. А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет и обвинит не по суду, а обыщетца то в правду, и на том боярине, или на дворецком, или на казначеи, или на дьяке взяти исцев иск, а пошлины на царя и великого князя, и езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правой десяток, и пожелезное взяти втрое, а в пене что государь укажет.

В статье впервые намечается состав должностного преступления, а именно - вынесение неправильного решения в результате получения взятки. В этом случае судьи несут материальную и уголовную ответственность. Они обязываются возместить истцу сумму иска и все судебные пошлины в троекратном размере. Что касается уголовной ответственности, то, в соответствии с феодальным правом-привилегией, наказание в отношении высших должностных лиц определял глава государства. В дальнейших статьях устанавливается уголовная ответственность для более низких чинов судебного аппарата.

4. А которой дьяк список нарядит или дело запишет не по суду, не так, как на суде было, без боярского, или без дворецкого, или без казначеева ведома, а обыщетца то в правду, что он от того посул взял, и на том дьяке взяти перед боярином вполы да вкинути его в тюрму.

По статье дьяк, составивший за взятку подложный протокол судебного заседания либо неправильно записавший показания сторон или свидетелей, уплачивал половину суммы иска. Другую половину возмещал боярин, который, будучи высшим по должности лицом, должен был следить за своим подчиненным. Дьяк, кроме того, подлежал тюремному заключению.

5. А подьячей, которой запишет не по суду для посула без дьячег приказу, и того подьячего казнити торговою казнью, бити кнутьем.

Согласно данной статье, подьячий составивший за взятку подложный протокол судебного заседания либо неправильно записавший показания сторон или свидетелей, подвергался торговой казни.

В целом, статьи 2 - 5 впервые в законодательстве отграничивают судебную ошибку от преступления по должности, наказуемого в зависимости от ранга должностного лица.

6. А хто виноватой солжет на боярина, или на околничего, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка, или на подьячего, а обыщетца то в правду, что солгал, и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казнью биги кнутьем, да вкинути в тюрму.

В статье впервые вводится наказание за ложное обвинение должностных лиц в неправосудии и предоставляется право на обращение с челобитьями в вышестоящую инстанцию, т. е. к государю. Также предусматривается ответственность за ложное обвинение судей в умышленном неправосудии. Жалобник, совершивший фактически ябедничество, наказывался сверх вины (т. е. помимо вынесенного ему приговором наказания) дополнительно битьем кнутом и тюремным заключением. Ябедничество наказывалось строже, чем умышленное неправосудие. Это способствовало ограничению потока челобитных.

7. А к которому боярину, или к дворецкому, или к казначею, или к дьяку придет жалобник его приказу, и ему жалобника своего приказу от себя не отсылати, а даватн ему жалобником своего приказу всем управа, которой будет жалобник бьет челом по делу. А которому будет жалобнику без государева ведома у правы учинити не мочно, ино челобитье его сказати царю государю. А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк жалобника своего приказу отошлет, а жалобницы у него не возмет и управны ему или отказу не учинит и царю государю челобитья его не скажет,и учнет тот жалобник бити челом государю, что ему управы не учинили, и государь ту его жалобницу отошлет х тому, чей суд, и велит ему управу учинити, и бояре ему, или дворецкий, или казначей управы не учинят же, и тем, которые управы не учинят, бытк от государя в опале. А которой жалобник бьет челом не по делу и бояре ему откажут, и тот жалобник учнет бити челом, докучати государю, и того жалобника вкинути в тюрму.

Статья является уточнением и развитием ст. 2 Судебника 1497 года. Начиная с XVI в. из состава Боярской Думы назначались специальные лица для расследования того или иного дела, что положило начало созданию ряда приказов - Разрядного, Поместного и др. Таким образом, каждому судье были теперь известны в точности пределы его компетенции, т. е. приказы уже определились. Статья 7 не только обязывает судей давать управу жалобщику своего приказа или направлять его в соответствующий приказ по подсудности, а о наиболее важных делах докладывать государю, но и устанавливает ответственность за несоблюдение этих обязанностей. Форма

и степень наказания определяются государем (*быти от государя в опале*). Лицо оставалось в опале до определения вида наказания или пока не наступит помилование. Опала обычно касалась высших кругов населения.

Одновременно с ответственностью судей за отказ в правосудии, статья вводит наказание для жалобщика*, который бьет челом не по делу,* т. е. приносит жалобу на судей, отказавших ему в иске ввиду его незаконности. Вынесенное с соблюдением установленной подсудности определение об отказе в иске считалось окончательным. Если же жалобщик настаивал на принятии жалобы на судей, то он подлежит тюремному заключению.

8. А имати боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку в суде от рублевого дела на виноватом пошлин, хто будет виноват, ищея или ответчик, и боярину, или дворец кому и казначею на виноватом одиннатцать денег, а дьяку семь денег, а подьячему две денги. А будет дело выше рубля или ниже рубля, и им имати пошлины по розчету, а болши им того не имати. А от записки подьячему не имати ничего. А возмет боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк, или подьячей, или неделщик на ком что лишек, и на том взяти втрое. А хто учнет бити челом на боярина, или на дьяка, или на подьячего, или на неделщика, что взяли на нем сверх пошлин лишок, и обыщетца то, что тот солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрму.

В статье определяется размер пошлин, которые полагались должностным лицам. Подьячим запрещалось брать пошлины за составление записки.

9. А досудятца до поля, да не став у поля помирятца, и боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку, и подьячему имати по тому ж указу, а околничему, и дьяк, и неделщику пошлин полевых не имати. А возмет боярин, или околничей, или дворецкой, или казначей, или дьяк, или подьячей [или неделщик] лишок болши того, и обыщетца то, и на том взяти втрое. А обыщетца то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрму.

10. А у поля став помирятца, и боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку имати пошлины по тому ж розчету; а околничему имати полевых пошлин четверть рубля, а дьяку четыре алтыны, а подьячему денга, а неделщику имати четверть рубля, да неделщику же имати вязчего два алтына; а болши им того не имати. А хто возмет лишок, и на том взяти втрое. А обыщетца то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрму.

В статье 9, так же, как в аналогичной ей ст. 5 Судебника 1497 года, не определяется порядок взимания пошлин в случае примирения на поле

до начала поединка, на практике пошлина взималась с обеих сторон. Если *стоя у поля* истец с ответчиком мирились, недельщики взымали с обеих сторон пошлины по 10 денег. Ограничение пошлин имело своей целью не столько внешне декларировать возможность населения обращаться со своими жалобами к центральной власти, сколько предоставить ей право сосредоточения в своих руках и окончательного решения судебных дел. Нововведением статьи является установление ответственности должностных лиц за превышение установленных пошлин. Взятый лишек в суде или на любой стадии проведения поля возвращался должностными лицами в тройном размере. По показаниям иностранцев, судьи и дьяки, изобличенные в *лихоимстве*, могли быть подвергнуты телесному наказанию, сопровождавшемуся бесчестьем. Виновному привязывали к шее кошелек, серебро, мягкую рухлядь, жемчуг, даже соленую рыбу, или другую вещь, взятую им в подарок. За ложное обвинение должностных лиц в произвольном увеличении пошлины предписывается *жалобника казнити торговой казнью и отправить его в тюрьму*, т. е. подвергнуть тому же наказанию, что и при оговоре в неправосудии (см. ст. 6).

11. А побьютца на поле в заемном деле или в бою, и околничему полтина да за доспех убитого три рубля, а дьяку четверть рубля, да неделщику полтина, да неделщику ж вязчего четыре алтыны без дву денег, а подьячему две денги. А не станет хто у поля или от поля збежит, ино околничим и дьяку и неделщику имати на том, как и с мирового дела; а избные пошлины с рубля по гривне; а болши им того не имати. А возмет хто лишок, и на том взяти втрое. А обыщетца то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрму.

Статья, имея в своей основе статьи 6 - 7 Судебника 1497 года, перераспределяет виды и суммы пошлин за организацию поединка. Пошлины за поле получали непосредственные организаторы его - окольничий, дьяк, недельщик. При этом размер пошлин, по сравнению со ст. 10, предусматривавшей примирение у поля, увеличивался вдвое. Вводилось также дополнительное вознаграждение окольничему (3 рубля) за доспехи побежденного. Поле начиналось по заявлению стороны. Неявка одной из сторон или бегство с поля вели к прекращению дела. Пошлины в этих случаях взимались как при мировой сделке.

12. А побьютца на поле в пожеге, или в душегубстве, или в розбое, или в татбе, ино на убитом исцово доправити, да околничему на убитом полтина да за доспех убитого три рубли, а дьяку четверть рубля, а неделщику полтина ж, да неделщику ж вязчего четыре алтына без дву денег, а подьячему две денги. А убитого дати на поруку: как его государь по-

пытает, ино его поставити перед государем; а не будет по нем поруки, ино его вкинути в тюрму, доколе по нем порука будет.

Статья, определяя порядок решения полем наиболее опасных дел (поджог, убийство, разбой, воровство), сохраняет положение ст. 7 Судебника 1497 года о том, что побежденный, кроме удовлетворения иска, подвергается наказанию по усмотрению судьи.

Новым является положение, предусматривающее для побежденного необходимость найти поручителей, при их отсутствии он подлежал тюремному заключению. Такой порядок действовал в случае, когда побежденным оказывался ответчик. Если побежденным был истец, то, согласно ст. 62, его ответственность ограничивалась уплатой пошлин.

13. А к полю приедет околничей и дьяк, и околничему и дьяку вспросити исцев, ищей и ответчиков: хто за ними стряпчеи и поручники; и кого за собою стряпчих и поручников скажут, и им тем велети у поля стояти; а доспеху и дубин и ослопов стряпчим и поручником у себя не держати. А бой полщиком давати околничим и дьяком ровен. А которые будут у поля опричние люди, и околничему и дьяку от поля их отсылати; а которые прочь не пойдут, и им тех отсылати в тюрму.

В статье, повторяющей ст. 68 Судебника 1497 года о порядке проведения поля, подчеркивается обязанность окольничих и дьяков обеспечить равенство сторон в поединке. В этих целях статья усиливает репрессивные меры в отношении опричных, посторонних людей, отказ которых покинуть поле влечет для них тюремное заключение.

Нельзя не обратить внимания на то, что в статьях 8 - 13 (наряду с ответственностью должностных лиц за неправосудне и лихоимство) предусматривается ответственность (и значительно большая - от торговой казни до тюремного заключения) за ложное обвинение в должностных преступлениях. Таким образом фактически формируется понятие нового состава преступления — преступления против судебной власти.

14. А битися на поле бойцу з бойцом или небойцу с небойцом, а бойцу с небойцом не битца; а похочет не боец з бойцом на поле битись, ино им на поле битись. Да и во всяких делех бойцу з бойцом, а небойцу с небойцом, или бойцу с небойцом по небойцове воле на поле битись по тому ж.

Являясь законодательной новеллой, статья развивает норму предыдущей статьи о необходимости равенства сил польщиков. Никакие другие (социально-правовые) различия не принимались во внимание. В обеспечение равенства сил статья вводит правило: *А битися на поле бойцу з бойцом или небойцу с небойцом*. Исключения, вероятно, имевшие место на практи-

ке, допускались только при том условии, если *небоец* вступал в поединок с бойцом по своей воле или даже инициативе.

15. А ищея пошлетца на послуси в заемном деле без кабалы или в какова деле ни буди, и послуси став да меж собя порознятца: иные молвят в ысцовы речи, а иные в ысцовы речи не молвят; и которые молвят в ысповьв речи, а попросят с ними те послухи поля, которые не молвят в ысцовы речи, ино им присужати поля; а убьют на поле послуси те, которые послушествовали в ысцовы речи, тех послухов, которые в ыецовы речи не послушествовали, ино исцево и пошлины имати по списку на ответчикех и на тех полусех, которые не послушествовали в ысцовы речи. А которые послуси не послушествовали в ысцовы речи убьют на поле тех послухов, которые послушествовали в ысцовы речи, ино имати пошлина по списку на ищее и на тех послусех, которые ему послушествовали. А не попросят поля те послуси, которые посслушествовали в ысцовы речи, с теми послухи, которые не послушествовали в ысцовы речи, или послухи не договорят в ысцовы речи, ино тем ищея виноват. А по кабале порознят послуси и дьяк, ино по тому же.

Статья конкретизирует и дополняет ст. 51 Судебника 1497 года о лишении истца права на удовлетворение иска, если выставленный им послух не говорит в *ысцевы речи,* т. е. не подтверждает какие-то факты, приводимые истцом. В случае расхождения в показаниях свидетелей они сами могут просить поле. Нежелание послухов, поддерживающих истца, участвовать в поединке расценивалось как выступление против истца, который оказывался *в том и виноват*. В статье предусматриваются также разногласия, могущие возникнуть между свидетелями (всеми или некоторыми), подписавшимися на заемном обязательстве, и дьяком, его скреплявшим. И в этом случае спор решался *по тому же*, т. е. поединком между спорящими сторонами.

16. А кого послух опослушествует в бою, или в грабежу, или в займех, ино судити на ответчикову волю: хочет, с послухом на поле лезет или, став у поля у креста, на целованье ему или без целованья даст; а вины в том ответчику и пошлин полевых убитых нет; а побьютца на поле, и пошлины судные и полевые взяти по указу на убитом.

Статья дополняет ст. 48 Судебника 1497 г. указанием на обязанность уплатить судные и полевые пошлины при судебном поединке между послухом и противной стороной.

17. А против послуха ответчик будет стар, или мал, или чем увечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка, и тому против послу-

ха наймит, а послуху наймита нет. А которой послух чем будет увечен без хитрости, или будет в послусех поп, или чернец, или черница, или жонка, тем наймита наняти волно же. А что правому или его послуху учинитца убытка, и те убытки имати на виноватом.

В статье объединяются ст. 49 и часть первая ст. 52 Судебника 1497 года, в которых сторонам и послухам при определенных условиях разрешается выставлять наемного бойца вместо себя для участия в судебном поединке. Однако замена послуха наймитом допускалась лишь в том случае, когда послух *будет увечен безхитростно*. Можно предположить, что данное нововведение было ответом на незаконные действия сторон, пытавшихся обеспечить свои интересы за счет противопоставления послуху более сильного в физическом отношении наймита. Это служит еще одним убедительным примером вырождения института суда божьего, поскольку бой перед лицом суда, призванный удостоверить правоту спорящих, ведется наемными руками, т. е. полностью утрачивается религиозно-нравственная подоплека поля - *за правым сила.*

18. А послух перед судью не придет, есть ли за ним речи, нет ли, ино на том послухе исцово и убытки и все пошлины взяти; а с неделщиком и с праведчиком о сроце тому послуху суд.

В статье, повторяющей ст. 50 Судебника 1497 года об ответственности свидетеля за неявку в суд, упоминается наряду с праведчиком - недельщик как представитель органов центрального управления.

19. А на ком взыщет жонка, или детина, мал или стар, или немощен (или чем увечен), или поп, или чернец, или черница, ино им наймита наняти волно, а ответчику против наймита наймит же; а исцу и ответчику крест целовати, а наймитом битися. А похочет истец или ответ чик сам битися с наймитом, и он бьетца.

В ст. 19, аналогично ст. 52 Судебника 1497 года, допускается возможность замены сторон наймитами и определяется порядок их участия в поле.

20. А кто взыщет человекех на трех или на четырех по жалобнице, а напишет в жалобнице человек десять или пятнадцать, или болши или менши, и те два или три за себя и за иных товарыщев отвечают, а за иных не отвечают, и за которых по жалобнице отвечают, ино тех судити в их жеребьех. А за которых людей не отвечают по жалобнице, ино в тех их жеребьех велети посылати пристава. А будет по тех людей ходила приставная, ино по той срочной в их жеребьех давати безсудные.

Здесь и в последующих статьях впервые в русском законодательстве разрабатывается вопрос о солидарной и долевой ответственности.

В статье предусматривается случай, когда истец указывает в исковом заявлении 10 или 15 ответчиков, а на суд являются 3 - 4. Прибывшим предоставляется право отвечать только за себя в своей доле или в долях тех ответчиков, которых они укажут. За остальными ответчиками, доли которых явившиеся на себя не берут, посылают пристава со срочной грамотой. Если они не являлись а суд, то истцу выдавалась на их долю бессудная грамота.

21. А на которого из них ездок накинет срочную на одного, и тот срочные своей товарыщем своим, которые с ним в срочной писаны, не покажет, и на которых его товарыщев выляжет в их жеребьех безсудная грамота, ино тем людей с тем дати суд, хто им срочные не показал.

Срочную грамоту достаточно вручить одному из соответчиков, который обязан сообщить о ней другим. Если он этого не сделал, и на соответчиков была выдана бессудная грамота, то они имели право иска на своего товарища, не предъявившего им срочной грамоты.

22. А которые люди учнут искати на намесникех или на волостелех и на их людех по жалобницам и которые намесники или волостели за своих людей по жалобницам не за всех учнут отвечати, а исцы учнут искати на намесникех на волостелех и на их людех всего своего иску по жалобнице и без тех, за которых людей не отвечают, и по тем их жалобницам судити во всем иску по жалобницам и без тех людей, за которых не отвечают.

В отличие от предыдущих, предусматривавших возможность выбора ответчиками долевой или солидарной ответственности, в статье устанавливается солидарная ответственность наместников и волостелей за действия их людей - тиунов, праветчиков, доводчиков. Наместники или волостели должны отвечать за тех или иных подчиненных в полном размере предъявленных исковых требований. Эта норма имела своей целью ограничение произвола кормленщиков, была начальным этапом по пути упразднения наместничьего управления.

23. А которых людей исцы учнут примешвати к намесничим людем или к волостелиным людем городцких людей или волостных, а намесничи или волостелины люди за тех городцких людей или за волостных отвечати не похотят, и намесничих и волостелиных людей судити в их вытех, а на тех городцких или на волостных людей в их

вытех давати пристава; а до намесничих и до волостелиных людей в тех вытех дела нет.

В статье устанавливается долевая ответственность по искам к должностным лицам наместничьего управления и местным жителям. Если наместники или волостели *за тех городских людей или за волостных отвечати не похотят*, то их судят лишь в их *вытях* (долях). *Выти* городских и волостных людей выделяются в отдельный иск, рассматриваемый как новое судебное дело.

24. А которые люди иногородцы учнут бити челом на намесников или на волостелей о обидных делех, как те намесники или волостели, едучи на жалованье, и на жалованье живучи, или едучи з жалованья, кого чем изобидят, и тем людем иногородцом приставов по тех намесников и по волостелей и по их людей и до съезду з жалованья давати, а велети тем намесником и волостелем присылати в свое место к ответу людей своих. А которые иногородцы не учнут о тех своих обидных делех бити челом на намесников или на волостелей и на их людей до году, и тем людем тогды приставов и суда на намесников и на волостелей и на их людей не давати.

В статье развиваются нормы, связанные с упорядочением системы кормлении. Беря свое начало от ст. 13 Двинской уставной грамоты и ст. 45 Судебника 1497 года, статья устанавливает ответственность наместников за *обидные дела*, т. е. разного рода насилия или несправедливости по отношению к иногородцам. Иногородцы (в отличие от чюжеземцев - иностранцев) - жители других, иных городов Русского государства, не подсудных суду данного наместника. В большинстве случаев это купцы, ездившие с товарами из города в город. В обеспечение их интересов им давался льготный срок для вызова наместника в суд. Если подчиненные наместнику лица могли вчинять иск только после съезда наместника с жалования, то иногородцам предоставлялось право обжаловать действия кормленщиков в течение всего времени несения последними своих обязанностей. Обжалование действий наместника на общих основаниях должно было производиться иногородцами не позднее, чем в течение годичного срока с момента окончания срока обязанностей кормленщика.

25. А которой ищея взыщет бою и грабежу, и ответчик скажет, что бил, а не грабил, и ответчика в бою обвинити и безчестье на нем взяти; а в пене, посмотря по человеку, что государь укажет; а в грабеже суд и правда, а во всем не обвинити. А скажет, что грабил, а не бил, и на том грабеж доправити, хто скажет грабил; а в пене, посмотря по человеку, что государь укажет; а в бою суд и правда. А в ыных делех судити по тому ж, хто в чем скажетца ви-

новат, то на нем взяти; а в пене что государь укажет, посмотря по человеку; а в достали суд и правда, крестное целованье.

В статье впервые в русском законодательстве содержится стремление разграничить два состава преступления: грабеж как открытое похищение вещи и разбой как хищение, связанное с насилием. При этом побои не теряют своего оскорбительного характера, почему за них и полагается *бесчестие*. Дела о грабеже возбуждались в порядке обвинительного процесса. Исход дела предрешало добровольное признание обвиняемого. Он мог признать обвинение целиком или частично. В непризнанной части прибегали к свидетельским показаниям. Что касается наказания, то оно определялось государем, *посмотря по человеку*, т. е. в зависимости от социальной принадлежности обвиняемого.

26. А безчестие детем боярским, за которыми кормленья, указати против доходу, что на том кормленье доходу по книгам, а жене его безчестья вдвое против того доходу. А которые дети боярские емлют денежное жалованье, сколко которой жалованья имал, то ему и безчестье, а жене его вдвое против его жалованья. А дьяком полатным дворцовым безчестье что царь и великий князь укажет, а женам их вдвое против их безчестья. А гостем болшим безчестья пятьдесят рублев, а женам их вдвое против их безчестья. А торговым людем и посадцким людем и всеи середним безчестья пять рублев, а женам их безчестья против их безчестья вдвое. А боярскому человеку доброму безчестья пять рублев, опричь тиунов и довотчиков, а жене его вдвое; а тиуну боярскому или довотчику и праведчику безчестья против его доходу, а женам их вдвое. А крестъянину пашенному и непашенному безчестья рубль, а жене его безчестья два рубля. А боярскому человеку молодчему или черному городцкому человеку молодчему безчестья рубль же, а женам их безчестья вдвое. А за увечье указывати крестьянину, посмотря по увечью и по безчестью; и всем указывати за увечье, посмотря по человеку и по увечью.

В статье дифференцируется ответственность за нанесение бесчестья в зависимости от сословной принадлежности лица. Штраф за бесчестье колеблется от рубля до пятидесяти. Сумма штрафа за бесчестие представителей группы феодалов зависела от занимаемого ими служебного положения и получаемого вознаграждения. Последнее могло состоять из корма, норма которого определялась в уставных грамотах для каждого уезда, или денежного жалования, получаемого за управление тем или иным городом и постепенно заменявшего корм

Особо выделялись *дьяки полатные и дворцовые*, сумму за бесчестье которых определял сам царь и великий князь. *Дьяки полатные и дворцовые* - представители высшей служилой бюрократии в отличие от местной администрации - детей боярских, тиунов, доводчиков, праведников, пред-

ставителей служилого холопства. Высшим представителем боярской челяди, происходившим из холопов, являлся боярский человек добрый. Если сумма бесчестья тиунов, доводчиков и праведчиков определялась их доходом, то бесчестье *боярского доброго человека* рассматривалось как бесчестье средних жителей посада и равнялось 5 рублям.

Боярский человек молотчий приравнивался к *черному городцскому* и крестьянину пашенному и непашенному, т. е. черносошному, занимавшемуся земледелием, промыслом или торговлей. Сумма за их бесчестье определялась в один рубль. Таким образом, высшая категория холопов относилась к холопству лишь формально. Горожане хотя и были одной из активных сил, содействовавших политическому сплочению великорусской народности, но находились вне феодальной иерархии и упоминались вслед за боярами и княжескими слугами. Однако особое значение городской верхушки для развития товарно-денежного производства обусловило выплату гостям большим самого высокого штрафа - 50 рублей, а торговым и посадским людям; т. е. купцам и торгово-ремесленному населению, - 5 рублей. Во всех случаях штраф за бесчестье жены уплачивался вдвое против бесчестья ее мужа. Оскорбление действием могло дойти до причинения увечья. Закон определяет ответственность и за него, хотя и в наиболее общей форме.

27. А которой чюжоземец взыщет чего на чюжоземце ж, ино того воля, на ком взыщут: хочет сам отцелуетца, что в том не виноват, или у креста положит, чего на нем ищут, и истец, поцеловав крест, да возмет. А которой человек здешнего государьства взыщет на чюжоземце или чюжоземец на здешнем человеке, и в том им дати жеребей: чей ся жеребей вымет, тот, поцеловав, свое возмет или отцелуетца.

Статья дополняет ст. 58 Судебника 1497 года указанием на порядок разрешения споров между иноземцами и русскими. Основываясь на международных соглашениях русских княжеств с другими государствами, исключающих применение поля, статья предоставила обеим сторонам право присяги. Если в исках между чужеземцами право принять или предложить присягу принадлежало ответчику, то в исках между иноземцами и русскими право принесения присяги решалось жребием. Если вынет жребий истец, то, присягнув, *поцеловав, свое возмет*, если ответчик, то *отцелуется* (то есть присягой отведет от себя обвинение). Решение торговых споров при помощи жребия, создававшего благоприятные условия для иноземцев, содействовало развитию торговых отношений, укреплению международных связей.

28. А которое будет дело судит царь и великий князь, или дети царя и великого князя или бояре, и которой суд не кончаетца, оставят его в обговоре, и дьяку исцевы и отвечиковы речи велети записати перед собою; или о чем ся пошлют на послушество, и дьяку то велети записывати перед собою ж; да те ему дела держати у собя за своею печатью, доколе дело кончаетца. А которые дела дадут дьяки подьячим с черна начисто переписывати, и дьяком к тем жалобницам и к делом по ссставом руки свои прикладывати. А как подьячей с черна начисто дело перепишет, и дьяку те дела все справити самому, да к тем делом дьяку рука своя приложити; и держати те дела дьяку у собя за своею печатью. А подьячим дел у собя никоторых не держати; а вымут у подьячего список или дело не за дьячею печатью, а руки дьячие у того списка или у дела или у жалобницы не будет, и тот иск и пошлины и езд взяти на дьяке, а подьячего бити кнутьем; а вымут у подьячего список или дело за городом или на подворье, и тот иск взяти на дьяке, а подьячего казнити торговою казнью да выкинути ис подьячих, и ни у кого ему в подьячих не быти.

В данной статье, сходной со ст. 7, определяющей порядок учинения управы судьями центрального ведомства, детально разрабатывается система делопроизводства во всех инстанциях. В случае приостановления дела до представления дополнительных доказательств дьяки должны записанные ими речи истца и ответчика держать у себя. При поручении подьячим переписать дело начисто, дьяк обязан, проверив правильность переписанного, приложить к нему свою руку. Во избежание изъятий или перестановок отдельных листов дела из столбца по *ссставам* ставились дьяками подписи так, чтобы каждая оказывалась на двух соседних листах. Подписанные таким образом, и заверенные печатью дела хранились у дьяка. Во избежание подлога подьячим запрещалось держать дела у себя и выдавать их сторонам без соответствующего оформления. В противном случае, истец без возобновления процесса получает просимое за счет не уследившего за подьячим дьяка. Подьячий же несет уголовную ответственность как за должностное преступление. При этом наказание подьячего разнится в зависимости от того, выдан ли этот документ в приказе, *или за городом или на подворье*, т. е. по пути домой или дома. Дважды повторенная в статье фраза *а вымут у подьячего список или дело*, дает основание полагать, что кто-то заинтересован в выимке, выхватывании, вытаскивании списка или дела и стремится осуществить это с помощью подкупа, посула или угроз и даже силы. Вынесение списка или дела из приказа для передачи его стороне подтверждает злую волю передававшего, его сговор со стороной, либо свидетельствует о нарушении им порядка хранения документов, запрещающего вынос их из приказа. Отсюда новая дополнительная для русского законодательства мера наказания - увольнение с должности с запрещением занимать такую должность и в дальнейшем. Аналогичное наказание пре-

дусматривается ст. 32 в отношении злоупотребляющего своим положением недельщика.

29. А которые дела судят бояре, и тот суд велети дьяком записывати перед собою; а исцом у записки не стояти. А будет надобе на которое дело исца или ответчика вспросити, ино его к себе позвати, да вспросив его, от записки отослати. А как дело их запишет дьяк, и того дела перед ысцы не чести, а прочести его бояром.

В статье впервые в русском судопроизводстве определен порядок оформления протокола судебного заседания. Его составлял дьяк. Судный список писался дьяком начерно. При переписывании протокола набело воспрещалось присутствие заинтересованной стороны. Вместе с тем в случае возникновения неясности и необходимости уточнения данных записи бояре имеют право *вспросити* ту или иную сторону, не разрешая ей, однако, ни исправлять, ни даже знакомиться с текстом. Окончательно составленный протокол читался только судье.

30. А случитца суд сместной, ищея или ответчик судимы будут не одному судье, и хто по кого взведет пристава в какове деле ни буди, и тот ищея возмет у своего судьи за собою сторожа да идет к тому судье просити пристава, у кого в присуде тот, на ком ему искати, да перед тем судьею ищет; а будет тот ответчик, не сходя с суда, против на нем взыщет, и ему перед тем судьею и отвечати. Да и во всяких делех судити смесной суд тому судье, у кого ответчик в присуде. А пошлины обоим судьям имати поуказу, а делитись судьям пошлинами по половинам; а пошлины обоим судьям имати одны.

В статье определяются условия и порядок сместного суда, отличные от прежних, когда дело рассматривалось двумя судьями с той и другой стороны, например, представителями государственной власти и вотчинниками, обладавшими феодальными привилегиями. Судебник 1550 года по существу разрешает этот вопрос по-другому, поскольку теперь дело ведет один судья - тот, которому подсуден ответчик. Общий суд в чистом виде сохранился только в судах между духовными и светскими людьми (ст. 91) и в судах между лицами разных уделов (ст. 100). Сместной суд происходил лишь в том случае, если тяжущиеся хотя и принадлежали к различным ведомствам, но были жителями одной и той же области (княжества). В противном случае иск вчинялся уже в Москве, в одном из приказов.

Основываясь на уставных грамотах XVI в., где было записано, что истцы *за собою емлют своего стороже*, Судебник определил порядок сместного суда. Истец берет у своего судьи сторожа и идет просить пристава к судье ответчика. Сторож следит за исправным получением пошлин,

следуемых судье истца, так как *пошлины обеим судьям имати одне и делити их по половинам.*

31. А хто кого поймает приставом в бою, или в лае или в займех, а на суд ити не похотят, и они доложат судьи, да помирятца, а судье пошлин и продажи на них нет, опричь езду и хоженого. А которые жалобницы зададут судьям и оба исца до суда помирятца, и по тем жалобницам судьям пошлин не имати.

В статье, дополняющей ст. 53 Судебника 1497 года, предусматривается случай примирения сторон на той стадии, когда до пристава они еще не дошли, но жалобы судье уже поданы. В этом случае стороны освобождаются от уплаты пошлины

32. А неделщику на суде на бояр, и на околничих, и на дворецких, и на казначеев, и на дьяков посулов не просити, и самому неделщику посулов не имати. А которой неделщик возмет на судей, на боярина, или на околничего, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка посул, или собе посул возмет, и уличат его в том, и того неделщика казнити торговою казнью, а посула на нем доправити втрое да из недель выкинути.

В ст. 32, продолжающей ст. 33 Судебника 1497 года и ст. 3 Судебника 1550 года, вводится санкция за вымогательство взятки недельщиком. Даже в том случае, если недельщик брал взятку не себе, а для судей, круг которых в статье пополняется указанием на дворецкого и казначея, недельщик подлежал торговой казни, обязывался вернуть сумму взятки в тройном размере и отстранялся от должности. Судьи, получившие взятку через посредничество недельщика, никакой ответственности не несли, что было закономерно для права-привилегии.

33. А пошлины имати от правые грамоты боярину от печати по девяти денег с рубля, а дьяку имати от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишет, имати с рубля по три денги; а болши того не имати. А хто возмет болши того; и уличат его в том, и на том взяти втрое. А обыщетца то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да кинути в тюрму.

34. А докладной список боярину, или дворецкому, или казначею печатати, а дьяку подписывати. А имати от печати боярину, или дворецкому, или казначею с рубля по алтыну, а дьяку с рубля по четыре денги, а подьячему, которой на списке подпишет, с рубля по две денги; а болши того не имати. А хто возмет лишок и уличат его в том, и на том взяти втрое. А обыщетца то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрму.

Данные статьи имеют в своей основе текст ст. ст. 15-16 Судебника 1497 года и дополняют их указанием на ответственность за лихоимство. После перечисления размера пошлин за выдачу грамот должностными лицами следует новый текст: *А болеше того не имати.* Так же, как в ст. ст. 8-11 Судебника 1550 года, регламентирующих судебные пошлины в центральном суде, взятый *лишек* подлежал возмещению в тройном размере, а ложное обвинение должностных лиц в превышении взимаемых пошлин *(лихоимстве)* влекло наказание кнутом и тюремное заключение.

35. А с холопа и с робы от правые грамоты и от отпускные боярину, или дворецкому, или казначею имати от печати з головы по девяти денег, а дьяку имати от подписи з головы по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту или отпускную напишет, з головы имати по три денги.

Статья повторяет ст. 17 Судебника 1497 года.

36. А хто займет денги в кабалу в рост, и на те кабалы отписи без боярского докладу и без дьячие подписи не быти. А боярину от всякие отписи, в колке отпись не быти, от печати имать по три денги, а дьяку от подписи имати по две денги, да подьячему, которой отпись напишет, имати по денге.

В статье уточняется порядок договора денежного займа и вводятся гарантии для добросовестных должников. Учитывая, что в условиях развитого товарного производства особенно нуждалось в деньгах дворянство, не обладавшее достаточно мощным хозяйством, и городское население, вынужденное приобретать сырье и материалы для ремесленного производства, Судебник требует, чтобы уплата по долговым обязательствам проводилась при непременном участии высших должностных лиц, во-первых, и могла быть совершена в рассрочку, во-вторых. Независимо от количества отсрочек, пошлины за подпись и печать, удостоверявшие факт выплаты долга, брались в одинарном размере. В обязанности судебных органов входило не только оформление подписей, но и хранение вносимого по частям долга.

37. А с царева и великого князя суда и детей царя и великого князя суда пошлин на виноватом по тому ж, как и з боярского суда, с рубля по одиннадцати денег, кому государь укажет, а дьяку семь денег, а подъячему две денги.

38. А цареву и великого князя печатнику и детей царя и великого князя печатнику имати от печати от правые грамоты с рубля по

девяти денег, а дьяку с рубля по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишет, имати с рубля по три денги.

39. А з докладного списка царя (и) великого князя доклада и детей царя (и) великого князя доклада имати царя и великого князя печатнику и детей царя (и) великого князя печатнику с рубля по девяти денег, а дьяку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой на списке напишет, имати с рубля по две денги.

40. А с холопа и с робы от правые грамоты имати печатнику з головы по девяти денег, а дьяку от подписи имати з головы по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишет, имати з головы по три денги.

Статьи с 37 по 40 соответствуют статьям 21- 24 Судебника 1497 года. При этом статья 37 дополняется указанием на взимание пошлины в пользу тех, *кому государь укажет* (к числу их относились высокопоставленные чины — *оружеиничий и кравчий*), а также в пользу царских должностных лиц — дьяка и подьячего.

41. А от срочных от подписей имати дьяку с срочные по две денги, а от отписных срочных дьяку имати от подписи с рубля по три денги, а подьячим от подписи имати с рубля по две денги. А похотят оба исца, ищея и ответчик, срок отписати, и они оба платят от подписи и от писма и неделщику хоженое по половинам. А которой ищея или ответчик к сроку не поедет, а пришле сроку отписывати, и тому все платити одному от обеих срочных и хоженое, опричь служильных людей. А будет оба исцы, ищея и ответчик, служилые люди, а пошлют их на службу, а похотят перед тем сроком недели за две или за три до того сроку, на которой день велено им на службе быти, по срочным срок отписати, и тем служилым людем недели за две или за три срок отписывати безпошлинно для службы. А срочные дьяком держати у собя за своею печатью. А как давати безсудные, и дьяком срочные снести в одно место самим, да розобрав срочные самим дьяком по сроком, да велети (им) подьячим безсудные давати и сроки отписывати. А у подьячих дьяком срочных не держати; а которой дьяк учнет срочные держати у подьячих, и у чьего подьячего ищея или ответчик с приставом вымет срочную подписану до сроку, а не за дьячею печатью, и на том дьяке тот иск, что в срочной написан, доправити; а дьяк с (своим) подьячим сам ся ведает.

Статья, устанавливая порядок взимания пошлин за выдачу и отсрочку срочной грамоты, распространяет его на все категории населения, опричь служилых людей. Служилым людям предоставлялось право беспошлинно переписывать сроки явки в суд, сообразуясь со временем призыва на службу. Подтверждая роль дьяков как представителей центрального суда, статья устанавливает их ответственность за нарушение порядка хранения и выдачи срочных грамот. Если дьяк, обязанный держать такие грамо-

ты у себя и выдавать их сторонам только после личной проверки сроков за своей подписью и печатью, перепоручает это подьячему, и тот выдает грамоту до срока (возможно за посул), то всю сумму причиненного ущерба возмещает дьяк. Эта норма аналогична нормам ст. ст. 4 и 28 данного Судебника. Новым в ст. 41 является введение впервые в русском законодательстве права регрессного иска (дьяка к подьячему). Именно как возможность взыскания с подьячего выплаченной дьяком суммы и следует понимать конец статьи: *а дьяк с своим подьячим сам ся ведает.*

42. А безсудные и правые давати за сто верст семым днем, а дале того по тому ж розчету. А пошлин имати от правые и от безсудные царя и великого князя печатнику от печати с рубля по алтыну, а дьяку от подписи с рубля по алтыну ж, а подьячему с рубля по две денги; а болши им того не имати. А хто возмет болши того и уличат его в том, и на том взяти втрое. А хто солжет, и того казнити торговою казнью да вкинути в тюрму.

В статье уточняется, что семидневный срок для явки по вызову суда действует в пределах 100 верст, *а дале того по тому ж расчету*. По истечении указанного срока сторона могла требовать выдачи бессудной грамоты. Статья дополняется также указанием на ответственность должностных лиц за лихоимство и наказания сторон в случае клеветы.

43. А велит государь кому какову дати грамоту лготную, или уставную, или полетнюю с красною печатью, и что возмет печатник от которые грамоты от печати, а дьяку (от) подписи взяти тоже. А торханных вперед не давати никому; а старые грамоты тарханные поимати у всех.

В данной статье устанавливается равенство пошлин, взимаемых печатником и дьяком за выдачу, подписание и удостоверение разного рода государственных грамот: лготную - освобождающую от уплаты податей, оброка или *иных трудех* на определенный срок; уставную - определяющую устройство и порядок деятельности и привилегии органов местного управления; *полетнюю с красною печатью*, предоставлявших должнику рассрочку платежа долга без уплаты процентов. Красная печать, висящая на шнурке, в отличие от черной печати удостоверяла, что снабженный ею законодательный акт, хотя бы и в отношении отдельных местностей и привилегий, исходит от верховной власти (царя и великого князя всея Руси). Но основное содержание статьи заключается в последней фразе, имеющей особый социально-политический смысл и привлекающей до сего времени внимание исследователей. Это запрещение выдачи тарханных грамот и предписание *поимати у всех* т. е. взять обратно выданные ранее. По вопросу о содержании тарханных грамот, отличии их от других, сущности тар-

ханов, затронутых Судебником, проведении их в жизнь нет единого мнения. Бесспорным, однако, является лишь то, что тарханные грамоты давали большие по сравнению с другими грамотами права. Их владельцы - феодалы не только имели право суда над зависимым от них населением, но и освобождались от части или всех главных государственных налогов. Провозглашенная ст. 43 отмена тарханов духовных выражала стремление русского законодательства к ограничению феодального иммунитета и централизации государственной власти.

44. А от приставных имати царя и великого князя печатнику и дьяку у неделщиков по езду, с которые приставные рубль езду, и печатнику имати у неделщика от печати с рубля по алтыну, а дьяку от подписи алтын же с рубля. А будет езду до которого города (рубля) болши или менши, и печатнику и дьяку имати по тому ж розчету. А будет в приставной иск менши езду, и дьяком тех при ставных не подписывати, а того неделщика вкинути в тюрму да сказати царю государю. А без неделщиков дьяком приставных не подписывати а в приставной болши дватцати вытей не писати; а неделщику от приставной (один) езд; от, которого города в которой город приставная написана. А подпишет которой дьяк приставную, а в приставной иск будет менши езду, или подпишет приставную без неделщика, и уличат его в том, и что в приставной иску, и то взяти на дьяке, а в пене что государь укажет.

В статье развивается положение ст. 28 Судебника 1497 года о запрещении нарушать порядок получения *езда* и выдачи приставных грамот без подписи недельщика, если иск *менши... езду*, или в одной приставной оказывалось больше двадцати дел. Для уточнения суммы иска, если он выражался в вещах, последние подлежали оценке. За нарушение предписанных законом правил устанавливались санкции. При этом, в полном соответствии с феодальным правом-привилегией, злоупотребление служебным положением со стороны нижестоящего чина (недельщика) влекло тюремное заключение, срок которого определялся государем. Если же нарушителем правил выдачи приставных был дьяк, то он возмещал стороне понесенный ущерб, а наказание зависело от воли государя.

45. А хоженое неделщику в городе десять денег, а на правду вдвое; а от поруки неделщиком поминков не имати; а езд неделщику имати до которого города по указу, а правды имати вдвое езду; а болши того им не имати.

Здесь дается более обобщенное по сравнению со ст. 29 Судебника 1497 года понятие места действия недельщиков. Замена слов *на Москве* словами *в городе* означает, что недельщики посылались не только из Москвы, но и из других городов.

46. А езду от Москвы до Коломны полтина, до Коширы полтина, до Хотуни десять алтын, доТорусы дватцать алтын, до Олексина полтретьятцать алтын, до Колуги рубль, до Ярославца полтина, до Боровска полтина ж, до Вышегорода полтина, до Кременска дватцать алтын, до Можайска полтина, до Вязмы полтора рубля, до Воротынска сорок алтын, до Козелска рубль с четвертью, до Одоева сорок алтын, до Белева рубль с четвертью, до Мезецка сорок алтын, до Оболенска полтина, до Звенигорода две гривны, до Дмитрова десять алтын, до Радонежа четверть (рубля), до Переславля дватцать алтын, до Ростова рубль, до Ярославля рубль с четвертью, до Вологды полтретья рубля, до Белаозера полтретья рубля, до Устюга пять рублев, до Вятки полосма рубля, до Вычегды семь рублев, до Двины и до Колмогор восемь рублев московская, до Юрьева рубль, до Володимеря рубль с четью, до Суздаля рубль с четью, до Костромы полтора рубля, до Галича полтретья рубля, до Мурома полтора рубля, до Стародубских князей отчины полтора рубля, до Мещеры два рубля, до Новагорода до Нижнего полтретья рубля, до Углеча рубль, до Бежецкого Верху полтора рубля, до Романова городка рубль с четью, до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Зубцова рубль, до Опок рубль, до Хлепни сорок алтын, до Торшку рубль с четью, до Вереи полтина, до Медыни полтретьятцать алтын, до Великого Новагорода полтретья рубля, до Пскова полчетверта рубля, до Смоленска полтретья рубля, до Иваня города полчетверта рубля, до Лук и до Торопца полчетверта рубля; а где будет болши того верст, ино имати по тому ж розчету.

Статья представляет собой несколько видоизмененный по сравнению со ст. 30 Судебника 1497 года “Устав о езду”. Помимо указания о необходимости оплаты всех расходов “московскими” деньгами, статья в подтверждение предыдущей дополняется указанием на то, что оплата недельщиков, посылаемых из других городов, производится по тому ж расчету.

47. А ездити неделщиком с приставными и на поруку давати самим или своих ездоков посылати, а людей им своих с приставными не посылати; а от поруки им самим и их ездоком поклонного, с приставными ездячи, не имати ничего. А в котором городе неделщик живет, и ему в тот город с приставными не ездити, и в свое место не посылати ни в какове деле. А которого неделщика (пустят в недели, и сколко у которого неделщика) будет заговорщиков и ездоков, кому с кем в заговоре делати и кому от кого с приставными ездити, и тому неделщику тех своих ездоков приводити к дьяком, которые дьяки у кормленей будут, да тех своих заговорщиков и ездоков неделщиком у дьяков записывати в книги для того, чтобы неделщики своих заговорщиков и ездоков не отпирали. А какову обиду или продажу ездок кому учинит и уличат его в том, и тот иск взяти на неделщике, от кого тот ездок ездил, а ездока казнити торговою казнью. А дер-

жати неделщику до семи ездоков, а болши семи ездоков неделщику не держати. А которого ездока изымают, а тот ездок в книгах у кормленных дьяков ни у которого будет неделщика не писан, и того ездока казнити торговою казнью; а будут тому ездоку исцы, и тех исцов иски взяти на том ездоке без суда. А как неделщик из недель выйдет, и тем ездоком в том городе от ыных неделщиков не ездити: а которого ездока изымают, а он ездит в том же городе от ыного неделщика, и того ездока казнити торговою казнью да кинути в тюрму; а будут тому ездоку исцы, и те иски все взяти без суда на том неделщике и на ездоке, от которого ездит. А которой ездок в котором городе живет, и тому ездоку ни от какова неделщика в том городе не ездити; а которого ездока изымают, а он в котором городе живет, в том же и с приставными ездит, и хто ему будут исцы, и те иски все взяти (на нем) без суда, а его казнити торговою казнью. А что заговорщик кому учинит какову продажу или обиду и уличят его в том, и те иски все взяти на всем заговоре, а его вкинути в тюрму. А без заговорщиков неделщиком недель не делати.

Если Судебник 1497 года в ст. 31 еще допускал выполнение должностных функций неделыщика с помощью членов его семьи и холопов, то Судебник 1550 года, запрещая это, регламентирует состав, функции и компетенцию аппарата недельщика. Свои обязанности недельщик выполнял с помощью *ездоков* и *заговорщиков*. *Ездоки* нанимались недельщиками для вызова в суд ответчиков и свидетелей из других городов. *Заговорщики*, т. е. лица, вступавшие с недельщиком в заговор с целью совместного несения его служебных обязанностей и получения соответствующего вознаграждения, составляли товарищество. И те и другие подлежали обязательной регистрации в особых книгах. Книги находились у кормленых дьяков, в руках которых сосредоточивался контроль над исполнительной судебной властью. Статья устанавливает ответственность недельщиков за неправомерные действия *ездоков*. Недельщик возмещает иск, а *ездок* подвергается торговой казни. Торговой казни с возмещением всех истцовых убытков подлежал ездок, не записанный в книгах у кормленых дьяков. Продажа или обида, учиненная *заговорщиком*, возмещалась всем *заговором* и влекла за собой тюремное заключение виновного. Таким образом, Судебник разграничивает гражданскую и уголовную ответственность. Обязательное наличие у недельщиков *заговорщиков* обусловливалось, вероятно, не только желанием покончить с произволом и вымогательством должностных лиц. Круговая порука *заговорщиков*, отвечающий за неправильные действия одного из них своим имуществом, являлась своеобразным поручительством за действия недельщиков, служила своеобразным усиленным гарантом возмещения нанесенного ущерба. Вот почему статья гласила: *А без заговорщиков неделщиком недель не делати.* Обязанности *ездоков* ограничиваются сроком кормления недельщика. С окончанием срока, когда *недельщик из недель выйдет*, поступление *ездока* к другому недельщику карается торговой казнью и уплатой без суда (совместно с недельщиком) всех

убытков истцов. Данная норма отражает характерные черты системы кормлений, когда аппарат кормленческого управления рассматривается как неотъемлемая часть двора самого кормленщика. Смена кормленщика влекла за собой смену всех зависимых от него лиц, хотя и бывших его свободными служащими.

48. А в которой город или в которую волость приедет неделщик или ездок с приставною, и ему явити приставная намеснику или волостелю их тиуном; а будет оба исцы того города или волости, а намеснику или волостелю оба будут судимы, и ему обоих исцев ставити перед намесником, или перед волостелем, или перед их тиуны. А не явит неделщик или ездок его намеснику или волостелю приставные , или их тиуном и обоих исцов перед тем намесником или перед волостелем и перед их тиуны не поставит, а будут оба исцы, ищея и ответчик, одного города или одной волости, а ему будут оба судимы, и тот неделщик езду лишен, а довотчику на том неделщике или на его ездоке взяти хоженое.

Статья (где использованы великокняжеские жалованные грамоты кормленщикам первой половины XVI в.) дополняет ст. 37 Судебника 1497 года санкцией недельщику или *ездоку* за вызов в Москву лиц, подсудных суду наместника или волостеля, в обход этих кормленщиков. Недельщик или *ездок*, нарушившие компетенцию наместничьего суда, лишались *езда* и уплачивали *хоженое* местному доводчику, которое последний должен был получить при предъявлении ему недельщиком приставной грамоты.

49. А кого даст неделщик на поруку в какове деле ни буди, и ему исцев и ответчиков не волочити, а ставити их перед судьями; а сроки им крестьяном отписывати и безсудные по срочным давати по сроком по указу безволокитно, а хто станет волочити после срока, и на том взяти тому, кого волочит, проести по три денги на день. А от безсудные неделщиком, оприч пошлин, не имати ни у кого ничего. А коли неделщик срок отпишет обоим исцом вместе, и ему взяти с обеих сторон одно хоженое; а оприч того не взяти ему ничего. А в езду в своем даст на поруку доколе ся дело кончает, и ему езд взяти на виноватом. А которой ищея или ответчик к сроку не приедет, а пришлет в свое место срока отписывати, и неделщику взяти хоженое на одном на том, кто приедет в его место срока отписывати.

50. А хто по кого пошлет пристава, а сам к сроку не приедет, или ответчик на тот срок не станет, и что после срока тому учинитца убытка, что даст пошлин и что живучи проест, и правому те все убытки и проесть взяти на виноватом; а проести имати на человека на голову на день по три денги.

Сохраняя положения ст. ст. 32 и 36 Судебника 1497 года о соблюдении срока со стороны недельщика и пристава и о взыскании с виноватого всех убытков, причиненных отсрочкой судебного разбирательства, статьи определяют порядок исчисления этих убытков.

51. А пересудчиком пересуд имати на виноватом по две гривны, а менши рубля пересуду нет; а с поля со вся кого пересуд; а список хто оболживит да шлетца на правду, и в том пересуд. А подвойским правого десятка четыре денги, а имати на виноватом же.

В статье, повторяющей ст. 64 Судебника 1497 года, исключены слова *а с списка судного и с холопа и с земли пересуда нет*. Это дает возможность предположить, что с увеличением количества дел, связанных с решением поземельных споров и изменением правового положения холопов, возникла необходимость в институте обжалования по этой категории дел, самым тесным образом связанных с защитой интересов феодалов.

52. А приведут кого с поличным впервые, ино его судити да послати про него обыскати. И назовут его в обыску лихим человеком, ино его пытати; и скажет на собя сам, ино его казнити смертною казнью; а не скажет на собя сам, ино его вкинути в тюрму до смерти, а исцево заплатити из его статка. А скажут в обыску, что он доброй человек, ино дело вершити по суду.

В статье прежде всего определяется форма процесса, по которому должен быть судим обвиняемый. При первой краже с поличным обыск предваряет пытку. Если обвиняемого назовут *лихим человеком*, следует его *пытати*, т. е. рассматривать дело розыском. Если скажут, что он добрый, надо *дело врьшити по суду*, т. е. обвинительным процессом. Для определения наказания за первую кражу с поличным одного *облихования*, как было в ст. 13 Судебника 1497 года, недостаточно, и поскольку по правилам розыскного процесса требовалось наличие двух-трех доказательств, *облихованный* подлежал пытке. Собственное признание, совпадающее с данными повального обыска, становилось безусловным доказательством виновности, и обвиняемый подлежал смертной казни. Если пытаемый не признавался (*не скажет на собя сам*), он подвергался пожизненному тюремному заключению с обязательным возмещением иска.

53. А пошлют которого неделщика имати татей и розбойников, и ему имати татей и розбойников безхитростно, а не поноровити ему никому; а изымав ему татя и розбойника, не отпустити, ни посула не взяти; а опричных людей ему не имати. А поноровит которой неделщик татю или розбойнику по посулом, а его отпустит, и уличат его в

том, ино на том неделщике исцев иск доправити, а его казнити торговою казнью да вкинути в тюрму, а в казни что государь укажет.

В статье вменяется в обязанность недельщика поимка не только татей, но и разбойников, дела которых рассматривались розыскным процессом. За отпуск (в результате получения взятки) задержанных, находящихся под следствием, недельщик возмещал истцу причиненный ущерб, подвергался торговой казни и предварительному тюремному заключению до определения наказания государем.

54. А у которого неделщика сидят тати, и ему татей без докладу на поруки не дати и не спродати ему татя. А которой неделщик без докладу, (и) без боярского и без дьячего ведома, татей подает на поруки или татя спродаст, и уличат его в том, и на том неделщике исцев иск доправити вдвое, а того неделщика казнити торговою казнью да кинути в тюрму, а в казни что государь укажет.

В статье устанавливается повышенная санкция за незаконную выдачу на поруки (без обращения в вышестоящую инстанцию) или продажу татя без боярского и дьячего ведома в холопы. В этом случае недельщик возмещал двойную сумму иска и нес уголовное наказание, предусмотренное ст. 58.

55. А которого татя поймают с какою татбою ни буди впервые, оприч церковные и головные татбы, а в ыной в прежней татбы довода на него не будет, ино его казнити торговою казнью, бити кнутьем, да исцев иск до правити, а его дати на крепкую поруку. А не будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрму, доколе по нем порука будет. А не будет у которого татя столко статков, чем исцово заплатити, ино его, бив кнутьем, да исцу в его гибели выдати головою на правеж до искупа; а исца дати на поруку, что ему, доправя свое, отдати его бояром. А не похочет истец по себе поруки дати в том, что ему, доправя свой иск, да того татя привести к судье, и того татя вкинути в тюрму, доколе по нем порука будет. А как по нем порука будет, и тогды на нем за тою порукою, хто его ис тюрмы выручит, исцев иск доправити. И как истец, взяв на нем свое, отдаст его бояром, и бояром велети его дати на крепкую поруку, хто ему будут вперед иные исцы; а не будет по ием крепкие поруки, ино его вкинути в тюрму, доколе по нем порука будет. А судье с того не имати ничего.

В статье, основанной на ст. 10 Судебника 1497 года, подтверждается рассмотрение дел по обвинению в первой краже состязательным процессом. Однако и в этом случае законодатель вводит меры, направленные на предупреждение новых преступлений и первоочередное обеспечение ин-

тересов государства перед интересами потерпевшего. Так, наряду с торговой казнью и взысканием *истцева иска* с виновного, в статье предусматривается выдача его *на крепкую поруку*, т. е. под авторитетное поручительство. При отсутствии такового следует тюремное заключение до тех пор, пока не найдутся поручители. При отсутствии у обвиняемого *статка* для уплаты *истцева иска*, законодатель, вместо отдачи обвиняемого истцу *головою на продажю*, т. е. в холопство до уплаты или отработки нанесенных убытков, вводит новую форму обеспечения — выдачу *головою на правеж до искупа*. *Правеж* длился различное время в зависимости от взыскиваемой суммы. Обычно за 100 рублей долга ответчик подвергался правежу в течение одного месяца. *Правежу* подвергался либо сам ответчик, либо поручитель за него. От правежа освобождались землевладельцы-феодалы. Им предоставлялось право послать на правеж своего человека - крестьянина или холопа, который и отстаивался за своего владельца. При неисполнении судебного решения, даже после правежа, ответчик отдавался истцу *головою... до искупа*. В результате неимущие даже при решении в их пользу фактически лишались возможности добиться исполнения судебного решения. Истец обязывался по получении иска представить виновного судьям. Без такого обязательства виновный истцу не выдавался и должен был ждать удовлетворения своего иска до взятия обвиняемого на поруки каким-нибудь третьим лицом. После удовлетворения материального интереса потерпевшего вопрос об отпуске на свободу лица, совершившего хотя бы одну кражу, решался уже не истцом, а судом. В отличие от Судебника 1497 года в ст. 55 формулируется положение о необходимости поручителей в качестве обязательного условия для оставления такого лица на свободе.

56. А поймают того же татя с татбою вдругие, ино его пытати; и скажет на собя сам, ино его казнити смертною казнью, а исцево заплатити из его статка; а не будет у которого татя с исцову гибель, ино его велети казнити смертною казнью, а исцу в его гибели не выдати. А пытан тать на собя не скажет, ино про него послати обыскати; и скажут про него, что он лихой человек, ино его всадити в тюрму до смерти; а назовут его добрым человеком, ино его дати на крепкую поруку; а не будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрму, доколе по нем порука будет крепкая.

По сравнению со ст. 11 Судебника 1497 года в данной статье закрепляется новый порядок расследования повторных краж. Обязательное применение пытки, смертная казнь в случае собственного признания, пожизненное заключение *облихованного*, который *на собя не скажет*, и необходимость крепкой поруки для признанного в обыске *добрым человеком*, означали введение розыскной формы процесса.

57. А на кого тать взмолвит, и про того обыскати. И будет по обыску в какове в прежнем деле прирочной человек з доводом, ино его пытати; и скажет на собя сам, ино его казнити татиною казнью. А не будет на него довода и в обыску про него лиха не скажут, ино татиным речей не верити, дати его на поруку.

В статье, аналогичной ст. 14 Судебника 1497 года об оговоре со стороны татя, содержится дополнение, указывающее на необходимость производства обыска (вместо прежнего *опытати*), применения в случае *облихавания* пытки и получения собственного признания как безусловного вида доказательств. Таким образом, Судебник 1550 года уже четко определяет, что расследование наиболее опасных для феодальной собственности дел идет розыскным процессом. Устанавливая наказание за кражи и порядок их расследования, ст. ст. 52-57 вводят ряд дополнительных мер, усиливающих охрану феодальной собственности и интересов государства в целом. К ним относятся институт поручительства, как необходимое условие оставления оправданного на свободе, применение пытки и собственное признание, тесно связанное с развитием розыскного процесса. Обращает на себя внимание, что эти институты значительно усилились. Так, Судебник 1550 года подчеркивает необходимость не просто поруки, а крепкой поруки, т. е. авторитетного поручительства, какое могли дать лица, обладающие прочным положением в обществе. Если раньше пытка и выдача на поруки до производства обыска применялись лишь при оговоре человека татем (ст. ст. 1 - 14 Судебника 1497 года), то по Судебнику 1550 года пытка была обязательна при обвинении в квалифицированной краже. В этом случае она являлась одним из основных способов выяснения обстоятельств дела.

58. А на кого взмолвят дети боярские человек десять или пятнадцать добрых, или черных людей человек пятнатцать или дватцать добрых жо крестьян и целовалников по крестному целованью, что он тать, а довода на него в прежних делех не будет, у кого крал или татбу плачивал, ино на том взяти исцову гибель без суда, а его дати на крепкую поруку; а не будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрму, и без крепкие поруки его ис тюрмы не выпущати. А мошеннику та же казнь, что и татю. А кто на оманщике взыщет и доведут на него, ино у ищеи иск пропал. А оманщика, как ни приведут, ино его бити кнутьем.

В статье повторяется ст. 12 Судебника 1497 года об оговоре в воровстве со стороны добрых людей, являвшемся абсолютным доказательством для взимания с оговоренного *исцовой гибели без суда*, уточняется состав *добрых людей* и усиливается ответственность оговоренного. Прежде всего увеличивалось количество *добрых людей*, привлекаемых к *облихованию*. Вместо 5 - 6 требовалось уже от 10 до 20 человек. Кроме того, проводилась

резкая дифференциация между показаниями детей боярских и черных людей. В полном соответствии с феодальным правом-привилегией показания 10 - 15 детей боярских приравнивались к показаниям 15 - 20 добрых крестьян. Это фактически сосредоточивало решение вопроса об обвинении подозреваемого в руках дворянства.

В этой же статье впервые появляется термин *мошенничество*, который трактуется как карманная кража (от слова *мошна* - кошелек). Однако большинство исследователей признает, что именно ст. 58 Судебника 1550 года впервые проводит различие между воровством и мошенничеством. Действительно в этой же статье наряду с мошенником упоминается *оманщик* - обманщик, который при доказательстве его вины подлежит торговой казни.

59. А доведут на кого разбой, или душегубство, или ябедничество, или подписку, или иное лихое какое дело, а будет ведомо(й) лихой человек, и боярину того велети казнити смертною казнью, а исцево велети заплатити из его статка; и что ся его статка за исцовым останет, и то отдати в прогоны. А не будет у которого у лихово столко статка, чем исцово заплатити, и боярину того ли хово в ысцеве гибели исцу не выдати, а велети его цареву и великого князя тиуну московскому да дворскому казнити смертною казнью. А боярину и дьяку и неделщику от того не имати ничего.

В статье выделяется новый вид должностного преступления — *подписка*. Кроме того, статья предусматривает возмещение *прогонов*, т. е. приказных убытков и расходов лишь при наличии истцова *статка*, и предписывает *не имати ничего* из имущества казненного в пользу боярина, дьяка и недельщика.

60. А на кого доведут татбу или душегубство или иное какое лихое дело, оприч розбою, в котором городе или волости, а будет ведомдой лихой человек, и намеснику или волостелю велети того казнити смертною казнью, а исцево велети доправити из его статка; а что статка от исцева останетца, и намеснику и его тиуну то имати собе. А не будет у которого лихово статка, чем исцева заплатити, и ему того лихово исцю в его гибели не выдати, а велети его казнити смертною казнью, а на исце намеснику или волостелю (и) их тиуном не имати ничего. А приведут кого в розбое или на кого в суде доведут, что он ведомой розбойник, и намесником тех отда(ва)ти губным старостам. А старостам губным, оприч ведомых розбойников (у наместников) не вступатися ни в что. А татей им судити по царевым и великого князя по губным грамотам, как в них написано.

В статье, сохраняющей в соответствии со ст. 39 Судебника 1497 года смертную казнь *ведомому лихому человеку*, вводится новый, возникший уже после Судебника 1497 года, порядок рассмотрения этих дел. Из компетенции наместников изымаются и передаются в ведение губных старост дела о разбое. Татебные дела рассматриваются уже не судом наместников, а *по царевым великого князя губным грамотам, как в них написано*. Участие наместников в суде над татями ограничивается лишь получением с татей продажи, прибытка. Мера же наказания определяется губными старостами. В отличие от Судебника 1497 года меры наказания татей конкретизируются и усиливаются. Если за первую кражу, не подтвержденную доводом, *облихованный* тать, согласно ст. 12 Судебника 1497 года, уплачивал истцу гибель без суда, то губной наказ предусматривает для него битье кнутом и изгнание *из земли вон*. Вторая кража влекла, помимо наказания кнутом и изгнания, отсечение руки, а третья - смертную казнь, чему предшествовало битье кнутом. Основываясь на принципе устрашения, чтоб *на то смотря другим не повадно было так делать,* предписывалось *казненных повесити в тех местех, где которого татя поймают с татбою*. Таким образом, Судебник 1550 года идет по пути ограничения объема деятельности органов наместничьего управления. Вместе с тем Судебник 1550г. отчетливо проводит линию на укрепление и развитие новых органов в системе местного управления Русского государства. В этом смысле издание Судебника 1550 г. можно рассматривать как важнейший этап в проведении губной реформы, поскольку Судебник своей ст. 60 превращает губные учреждения в органическую составную часть государственного аппарата в масштабе всего государства. Если при этом учесть, что губные старосты в своей деятельности находились под контролем Разбойного приказа, то усиление их веса в управлении за счет ограничения наместников и волостелей означало дальнейшее укрепление централизованного государства, одним из органов которого и являлись губные учреждения.

61. А государьскому убойце, и градскому здавцу, и коромолнику, и церковному татю, и головному татю, и подметчику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку, живота не дати, казнити его смертною казнью. А будет ис тех кому лихому истец, и заплатити исцево из его статка; а что ся его статка останет за исцовым, и то отдати в прогоны. А не будет у которого лихово столко статка, чем исцово заплатить, ино его исцу в его гибели не выдати, казнити его смертною казнью.

В статье, перечисляющей наиболее опасные преступления, вводится два новых состава - сдача города неприятелю и подмет.

62. А бояром и детем боярским судити, за которыми кормленья с судом з боярским; а на суде у них и у их тиунов быти, где дворской — дворскому, да старосте, и лутчим людем, целовалником. А судные дела у намесников и у их тунов писати земским дьяком, а дворскому да старосте и целовалником к тем судным делом руки свои прикладывати. А противни с тех судных дел слово в слово писати намесничим дьяком, а намесником к тем противнем печати свои прикладывати. Да тех судных дел записку земсково дьяка руку з дворского и старостиною и с целовалниковыми руками намесником имати к собе. А противни тех дел намеоником дьяков своих руку (с) своими печатми давати дворскому да старосте и целовалником. А которые старосты и целовалники грамоте не умеют и которые грамоте умеют, тем старостам и целовалником к судному списку земского дьяка руке руки свои прикладывати. А противнем с тех дел намеснича дьяка руке быти у того старосты и целовалников, которые грамоте не умеют, и они его держат у собя спору для. А без дворского и без старосты и без целовалников наместником и их тиуном суда не судити; а где дворского нет и преж сего не бывал, ино быти в суде у намесников и у их тиунов старосте и целовалником; а без старост и без целовалников суда не судити. И посулов намесником и их тиуном и их людем не имати, а на государя своего тиуну и пошлиннику никому посулов от суда не просити. А имати намесником от суда пошлин: доищетца ищея своего в заемном деле или в бою или в лае, и ему имати на виноватом с рубля по гривне, то ему и с тиуном; а не доищетца ищея своего, а будет ищея виноват, и ему имати на ищее с рубля по тому ж, а будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ищее или на ответчик по тому ж розчету. А довотчику его имати хоженое и езд и правду по уставной грамоте; а где не будет грамоты, и ему имати хоженое в городе по четыре денги, а езд на версту по денге, а на правду в городе или в волости вдвое. А досудятца до поля да, став у поля, помирятца, и ему имати с рубля по гривне ж, то ему и с тиуном, да полевых пошлин полтретьятцать алтын. А побыотца на поле, ино на убитом взяти полевых пошлин полтора рубля, а доспеху не имати. А побьютца на поле в пожеге, или в душегубстве, или в розбое, или в татбе, а убьют ответчика, ино на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продаже намеснику и его тиуну. А убьют на поле ищею в пожеге, или в душегубстве, или в розбое, или в татбе, и намеснику на нем имати с его иску четвертная пошлина по полуполтине с рубля, то ему и с тиуном, да полевых пошлин полтора рубля, а доспеху не имати.

В статьях с 62 по 75 регламентируется порядок наместничьего суда как по уголовным, так и по гражданским делам.

В статье 62 значительно развивается и конкретизируется ст. 38 Судебника 1497 года. Упоминаемые еще в ст. 12 Судебника 1497 года целовальники превращаются постепенно в должностных лиц, своего рода присяжных заседателей. В их задачу входит контроль за соблюдением тиунами и волостелями уставных грамот, обычаев и т. д. Первоначально право

держать на суде целовальников давалось в качестве привилегии, потому что выбранные присяжные представляли для подсудимых большие гарантии, чем лучшие люди.

Судебник уточняет степень участия в процессе судных людей и его порядок. Так, чтобы оградить местное население от возможных злоупотреблений со стороны наместников и их людей, вводится обязательное протоколирование. Протокол судебного заседания пишется земским дьяком, удостоверяется *лучшими людьми*, старостой и целовальниками и хранится у наместника - *спору для*. Копия этого протокола, переписанная дьяком слово в слово и скрепленная его печатью, дается *лучшим людям*. Судебник особо подчеркивает необходимость наличия копии судебного протокола у старосты и целовальников, которые *грамоте не умеют*, с тем, чтобы они могли удостоверить при докладе в вышестоящую инстанцию истинное положение вещей. Это составляло их главную обязанность. Не устанавливая количество судных мужей, статья, однако, определяет их категории. Это дворский, староста и целовальники. Если в той или иной местности *дворсково нет и преж сего не бывал*, то участие старост и целовальников обязательно. Они должны быть в целях лучшего обеспечения интересов тяжущихся не только из тех же местностей, что и тяжущиеся, но еще и от каждой стороны. Судные мужи обязывались осуществлять судопроизводство в соответствии с волей законодателя. Не ограничиваясь дополнением о порядке ответственности истца в случае поражения его на судебном поединке, что влекло потерю иска и выплату судебных и полевых пошлин, статья конкретизирует их размер. По сравнению со ст. 38 Судебника 1497 года, где размер пошлин определялся наместничьими грамотами и мог быть различным применительно к разным кормлениям, в ст. 62 вводится единый в общегосударственном масштабе размер наместничьих судебных пошлин. Он определяется с рубля и только в отношении доводчика сохраняется взимание пошлин по уставной грамоте в отношении доводчика. В случае отсутствия грамоты размер пошлины в целях ее унификации и уменьшения составляет уже твердый размер за *хоженое, езд и правду*. Это способствовало упорядочению действий кормленщиков, ограничивало их произвол, содействовало единству судопроизводства.

63. А суд боярской: которому намеснику дано с судом з боярским, и ему давати полные и докладные; а правые и беглые давати з докладу; а без докладу правые и беглые не дати.

Статья изменяет ст. ст. 18, 20, 40 - 42 Судебника 1497 года в сторону уменьшения количества дел, подсудных боярскому суду. За наместниками с боярским судом сохраняется лишь право выдачи полных и докладных грамот, т. е. грамот, которыми лицо по собственной воле отдает себя в вечное холопство. Выдача правых и беглых грамот может производиться только с докладом боярам в Москве, т. е. через вышестоящую инстанцию

(см. комментарий к ст. 77). Таким образом, статья отражает свойственную середине XVI в. тенденцию к уменьшению власти наместников за счет передачи наиболее важных дел в ведение центрального управления.

64. А детей боярских судити намесником по всем городом по нынешним царевым государевым жаловалньм по их вопчим грамотам.

Данная статья одна из центральных по своему значению, ибо в ней наиболее ярко выражена правительственная политика в отношении дворянства, помещиков. Основой статьи было постановление, выработанное на совещании Ивана IV с боярами и освященное собором в феврале 1549 года. Оно заключалось в том, что во всех городах Московской земли наместникам запрещалось судить детеи боярских по всем делам, кроме *душегубства и татьбы и разбоя с поличным*. Во всех других случаях дети боярские получали право непосредственного царского суда, т. е. приравнивались к боярству. Таким образом, наместники лишались судебных прав в отношении детей боярских и должны были судить их *по нынешним царевым государевым жаловалным вопчим грамотам*.

65. А от правые грамоты имати боярину или сыну боярскому, за которыми кормленье с судом з борским, от печати с рубля по полутретья алтына; то ему и с тиуном, да дьяку его, которой (правую) грамоту напишет, имати от писма с рубля по три денги; а тиун его даст правую грамоту, и он емлет на государя своего и на себя от печати по тому ж с рубля по полутретья алтына, а дьяк емлет от писма, которой правую грамоту напишет, с рубля три денги. А с холопа и с робы от правые грамоты и от полные боярину или сыну боярскому, за которым кормленье с судом з боярским, имати от печати з головы по полутретья алтына, а дьяку от писма з головы по три денги.

В статье, повторяющей текст ст. 40 Судебника 1497 года, заменяется в последней фразе эпитет *отпустные* словом *полные*. В отличие от Судебника 1497 года, который предусматривает разрыв зависимости холопа от господина, отпускавшего его на волю, Судебник 1550 года рассматривает обратный случай - оформление похолопления.

66. А наместником и волостелем, которые держат кормленья без боярского суда, полных и докладных не давати, и холопа и робы без докладу не выдати, ни грамоты беглые не дати; також холопу и робе на государя правые грамоты без докладу не дати. А которой намесник или волостель без боярского суда, а выдаст холопа или робу без докладу и правую даст, и та грамота не в грамоту; а что государь

того холопа или робы убытка своего скажет, и то взяти на судье вдвое, а исцом суд з головы.

Статья, определяя компетенцию кормленщика без боярского суда, в отличие от ст. 63, дополняет ст. 20 Судебника 1497 года словами *полных и докладных не давати*, а также вводит санкцию за нарушение установленного порядка. Помимо того, что решение, вынесенное некомпетентным судьей, не имеет юридической силы, судья (в данном случае наместник или волостель) возмещает понесенные господином холопа или рабы убытки в двойном размере, а дело передается на новое рассмотрение другого, вероятно, центрального суда.

67. А тиуну намесничу на кормленье государю на холопа, ни холопу на государя правые грамоты без докладу не дати. А которой тиун государю на холопа или холоп на государя даст без доклада правую грамоту, и тому холопу, которой возмет правую грамоту на государя, дати суд з головы да то дело кончати по суду, а намеснича или волостелина тиуна до царева государева указу вкинути в тюрму, а убытки все взяти правому на тиуне. А даст тиун государю на холопа правую грамоту без докладу, и та правая грамота не в грамоте, а дати суд з головы.

Статья дополняет ст. 41 Судебника 1497 года санкцией за выдачу тиуном правых грамот без доклада наместнику. При этом тиун, выдавший правую грамоту, по которой оправдан холоп, подвергается тюремному заключению и уплачивает убытки. Если же он выдаст правую грамоту, по которой оправдан холоповладелец, то не несет никакой ответственности, только решение его (как и в первом случае) теряет силу. Таким образом, защищая интересы холоповладельца-феодала от возможного сокращения рабочих рук в его дворе, Судебник не доверяет тиунам, происходившим, как правило, из холопов, и ограничивает их действия по сравнению с наместником. Выделение в ст. 67 наместничьего тиуна в особую статью и обособление его уголовной ответственности от ответственности наместника по ст. 66 - существенная новация, подрывавшая старую кормленую природу наместника, хозяйничавшего на наместничестве с помощью своих “людей”, а не правившего там посредством подчиненных ему должностных лиц. Теперь тиун отвечает сам за себя перед центральной властью - через голову наместника.

68. А которому намеснику дан в кормленье город с волостьми, или ему даны в кормление волости, а в которых волостех наперед сего старост и целовалников не было, и ныне в тех во всех волостех быти старостам и целовальником. И случитца кому ис тех волостей перед намесником или перед его тиуном искати или отвечати, и в суде

быти у намесников и у волостелей и у их тиунов тех волостей старостам и целовалником, ис которые волости хто ищет или отвечает. А судные дела писати земскому дьяку тое ж волости. А без старост и без целовалников намесником и волостелем, за которыми кормленья з боярским судом, и за которыми кормленья без боярского суда, и их тиуном такоже не судити. И посула в суде намесником и волостелем и их тиуном не имати.

Статья подчеркивает, что главное назначение наместничьего управления заключается в объединении мест с центром, а не во внутреннем управлении волостями. Последнее должно осуществляться выборной системой органов самоуправления - сотскими, старостами и целовальниками. На их имя присылались жалованные грамоты и всякие указы и Судебники. В их ведении находилось управление налогами и полицией.

Так же в статье развивается институт участия представителей населения в суде наместников. Старосты и целовальники были обязаны участвовать в суде наместника по искам, предъявляемым жителям их волостей. В случае принадлежности сторон к разным волостям на суде должны были присутствовать старосты и целовальники из каждой волости, составляя иногда целую коллегию. Протоколы суда так же, как и по ст. 62, оформлялись земским дьяком. По мнению ряда исследователей, данная статья имела своей целью не только осуществление контрольных функций над деятельностью наместников, но их постепенное упразднение.

69. А пришлет намесник или волостель или их тиуни список судной к докладу, а будет ищея или ответчик у докладу список оболживит, ино послати на правду по дворсково, и по старосту, и по целовалников, которые у того дела в суде сидели, да велети им того дела и противень списка намеснича или волостелина дьяка руку с намесничею или с волостелиною печатью на исправу с собою привести. Да будет те судные мужи скажут, что суд таков был, и руки у списка их, и противень будет намеснича или волостелина дьяка с тем судным списком з земского дьяка рукою сойдетца слово в слово, и тем тот виноват, хто список лживил, и список на него подписати. А скажут судные мужы, что суд был, да не таков, и список не земского дьяка рука, и руки, скажут, у списка не их, и противень будет намеснича или волостелина дьяка с судным списком не в слово в слово, и по тому списку исцев иск взяти на судье, а пеню судье сверх того, что государь укажет. А будет скажет дворской, и судные мужи, и староста, и целовалники, которые грамоте умеют, что суд был таков, и руки у списка их, а те судные мужы, которые грамоте не умеют, с ними порознятца, скажут, что был суд, да не таков, а которой противень намеснича или волостелина дьяка руку положат, и тот противень с судным списком не слово в слово, и тем виноват судья и судные мужи, которые по списку такали; и взяти исцев иски на судье и на тех судных му-

жех, которые по списку такали, а пеню сверх того что государь укажет. А не станет за списком ищея или ответчик (на срок), а довотчик на него запись поручную положит, и того, которой не стал, по довотчикову слову обвинити; а подписати на него список за сто верст по сроце семым днем; а дале ста верст или ближе, ино подписывати списки после срока по тому ж розчету.

Статья предусматривает порядок утверждения приговора наместничьего суда. Судные списки присылались на доклад в вышестоящую инстанцию либо княжескими чиновниками *по несколько зараз*, либо земским судьей вместе с царской казною. Проверка судных списков начинается только в случае, если вызванные к докладу *ищея* или ответчик список *оболжывит*, то есть оспорят. Статьей предусматривается три варианта проверки.

Если вызванные для дачи свидетельских показаний дворский, староста и целовальники подтвердят, *што суд таков был*, признают подлинными свои подписи под судным списком, который слово в слово сходится со списком, хранимым у судных мужей, то правильность вынесенного приговора считается доказанной. Если судные мужи признают подложность протокола - *суд был, да не таков*, то иск взыскивают с судьи, который сверх того подвергается наказанию. Если же показания грамотных судных мужей *порознятся* с показаниями неграмотных, то закон предписывает верить последним, резонно полагая, что они-то уж не в состоянии подделать копию судного списка.

Поскольку доклад требовал присутствия обеих сторон, неявившаяся сторона по истечении срока, указанного в поручной записи, проигрывала дело. Статья, с одной стороны, продолжает свойственную Судебнику тенденцию к усилению контроля над наместниками, а с другой - свидетельствует о возрастании роли письменных доказательств.

70. А кого намесничи или волостелины люди учнут давати от кого на поруки до суда и после суда, и по ком поруки не будет, и намесничим людем тех людей являти в городе приказщиком городовым, да дворскому, и старосте, и целовалником, а в волости являти старостам и целовалником, которые у намесников и у волостелей и у их тиунов в суде сидят; а не явя тех людей, по ком поруки не будет, намесничим и волостелиным людем к собе не сводити и у собя их не ковати. А кого намесничи или волостелины люди не явя приказщиком, да дворскому, да старосте и целовалником, к собе сведут да у собя его скуют, и хто тем людем род и племя придут на намесничих или на волостелиных людей к приказщиком, да к дворскому, и к старосте, и к целовалником о том бити челом и являти, и приказщиком, да дворскому, и старосте, и целовалником у намесничих и у волостелиных людей тех людей выимати; и кого у намесничих и у волостелиных людей вымут скована, а им не явлена, ино на намесниче или на во-

лостелине человеке взяти того человека безчестье, посмотря по человеку; а чего тот на намесниче или на волостелине человеке взыщет, и тот иск взяти на нем вдвое.

Статья 70 - нововведение, также направленное на упорядочение наместничьего суда путем контроля со стороны выборного управления за действиями наместников и волостелей при производстве ими арестов и дачи на поруки местных жителей. Статья признает незаконным арест и наложение оков на людей, нуждавшихся в поручительстве, без ведома выборных от дворянства властей - *приказщиков городовых*, выполнявших судебные обязанности и присутствовавших на суде наместника в качестве представителей посада, а также дворского, старосты и целовальников, т. е. представителей уездного дворянства

Если родственники арестованных предъявят выборным властям жалобу на незаконный арест, арестованный освобождается ими под поручительство родственников. Подчиненные наместников и волостелей, виновные в незаконном аресте, выплачивают арестованному бесчестье, *посмотря по человеку*, и возмещают в двойном размере нанесенный ущерб. Появление этой нормы позволяет сделать заключение о распространенности (до Судебника 1550 года) таких арестов как приема для всяческого вымогательства и наживы (не говоря уже о сведении любых личных счетов).

71. А намесником и волостелем, которые держат кормленья, и тиуном великого князя, и боярским тиуном, и детей боярских тиуном татя и душегубца и всякого лихово человека без докладу не продати, ни казнити, ни отпустити. А хто татя или душегубца и всякого лихово человека отпустит, или кого без докладу продаст или казнит, и на том судье исцовы иски доправити вдвое, а в государове пене кинути в тюрму до царева государева указу.

Статья, определяя порядок рассмотрения дел в отношении татей, душегубцев и всякого лихого человека, имеет сходство со ст. 43 Судебника 1497 года и ст. 60 Судебника 1550 года. В статье проявляется тенденция, согласно которой правительство стремиться сосредоточить все разбойные дела в едином центральном органе, предоставив ему всю полноту власти в этом вопросе. Отсюда вытекает, что в борьбе с разбоями и им подобными преступлениями применялся розыскной процесс, формы которого были едины как для губного, так и для наместничьего суда. Статья 71 (аналогично ст. 43 Судебника 1497 года) имеет в виду не определение наказания, а ограничение наместничьего суда в отношении дел, наиболее затрагивающих интересы государства. В этом случае ст. 71 дополняется санкцией, предусматривающей оплату убытков в двойном размере и тюремное заключение *до царева государева* указу для кормленщиков, решивших своей властью, без докладу, вопрос о тате, душегубце и всяком лихом человеке.

72. А по городом намесником городцких посадцких всех людей промеж их судити, обыскивая по их животом и по промыслом и по розмету: сколко рублев хто цареву и великого князя подать дает, по тому их, обыскивая, судити и управа чинити. А розметные книги старостам и соцким и десяцким и всем людем тех городов своих розметов земсково дьяка руку за своими руками ежегод присылати на Москву к тем бояром, и к дворецким, и х казначеем, и к дьяком, у кого будут которые городы в приказе; а другие книги своих розметов старостам и соцким и десятцким тех городов, где хто живет, отдавати тех городов старостам и целовалником, которые у намесников в суде сидят. И хто тех городов городцкие посадцкие люди учнут промеж собя искати много, не по своим животом, и про тех исцов сыскивати розметными книгами, сколко он рублев с своего живота подати дает; и будет живота его столко есть, на колко ищет, ино ему дати суд; а будет живота его столко нет, и тех исцев в их искех тем и винити, и пошлины имати по Судебнику, а в цареве государеве пене велети дати на поруку да прислати к Москве к государю. А городцким посадцким людем искати на намесникех и на их людех (по) своим животом и по промыслом и по розмету; а которого году староста и целовалники розметных книг к Москве не пришлют, и в том году на намесника суда не дати. А по волостем волостелем судити черных людей по их жалобницам и управа им чинити безволокитно. А хто взыщет много, не по животом, а ответчик учнет бити челом, а скажет, что тот истец ищет много, а живота его столко нет, на колко ищет, и тем волостелем посылати о том, выбираючи тех жо волостей лутчих людей да целовалника одного или дву посмотря по делу, а велети про то обыскати накрепко: было ли живота его столко, на колко ищет. И скажут в обыску, что живота его столко было, и в том ему дати суд; а скажут в обыску, что живота его столко не было, ино его обинити и пошлины на нем взяти, а в государеве пене, и в ябедничестве дати его на поруку да прислати с обыскным списком к Москве.

Статья 72, являясь новой, определяет порядок суда наместников в отношении посадских, а волостелей - в отношении черных людей с подчинением тех и других контролю со стороны центрального суда. Статья формулирует также нормы гражданского процесса, связывая возможность удовлетворения иска при наличии у истца имущества, не меньшего по стоимости, чем сумма иска. Если же выяснится, что у истца нет имущества на ту сумму, которую он ищет, то истец проигрывал дело, уплачивая судебные пошлины и мог быть обвинен в ябедничестве. Правомерность размеров исков посадских людей определялась *по их животом и по промыслом и по размету,* т. е. в зависимости от ценности имущества, доходов и суммы уплачиваемой ими царской подати. При подтверждении того, что истец взыщет не по *своим жывотом и не по промыслом*, он потерял право на иск. Эти данные о животах и промыслах содержались в окладных - *розметных* книгах. Составление их являлось обязанностью местной админи-

страции. При этом одна копия *розметной* книги, переписанная земским дьяком и скрепленная руками городской администрации - старостой, сотским, десятским - подлежала ежегодной отсылке на Москву, в тот приказ, *у кого будут которые городы*. Таким образом, здесь уточняетсся порядок суда приказов по территориальной подсудности. Другая копия *розметной* книги отдавалась *тех городов старостам и целовалником, которые у наместников в суде сидят*. *Розметные* книги, позволявшие соизмерять сумму иска с *животом* ищущих, препятствовали как корыстным интересам кормленщиков, получавших пошлины пропорционально сумме иска, так и злоупотреблениям посадских людей. Местные власти не спешили вводить такие книги, что и обусловило санкцию - *в том году на наместника суда не дати,* т. е. запрещалась подача челобитных на кормленщиков.

Для определения правомерности иска в волостях, где отсутствовали *розметные* книги, назначалась особая следственная комиссия из *лутчих людей да целовалника одного или дву, по-смотря по делу,* для определения права истца на иск. Уличенные по розметным книгам посадские и по обыскному списку жители волостей брались на поруки и посылались в Москву для определения им уголовного наказания. Таким образом, предусмотренные статьей нормы были направлены не столько на предотвращение несправедливых жалоб на наместников, сколько на то, чтобы устранить от участия в судебном процессе наименее обеспеченных представителей феодального общества, особенно феодально-зависимые его категории. В основу привилегированного положения бралось не сословное начало, а наличие имущественного достатка, что свидетельствует о влиянии товарно-денежных отношений на развитие правовых норм.

73. А которой человек скажет, что у него был живот чюжой, и того обыскати, был ли у него тот живот и было ли столко того живота, и чей скажет тот у него живот был, ино про то обыскати было ли у него столко живота и которым обычаем тот у него живот взят; да по тому дело и вершити.

В ст. 73 (новой, непосредственно связанной со ст. 72) предусматриваются бытовавшие в гражданском обороте случаи несоразмерности иска с *жывотом* ищущих, а именно предъявление иска на большую, чем имущество истца, сумму путем включения в нее чужого *жывота*, якобы находившегося у истца и изъятого во время боя или грабежа. Дело решается с помощью обыска. Обыску подвергается как тот, у кого был *жывот чюжей*, так и тот, на которого истец укажет как на собственника. Выясняются не только принадлежность имущества, его количество у истца и факт грабежа, но и каким образом имущество попало к истцу. Последнее обстоятельство являлось решающим для определения правомерности требований истца или обвинения его в ябедничестве.

74. А на котором городе будут два намесника или на волости два волостеля, а суд у них не в розделе, и им имати пошлины по списку обема за одного намесника, а тиуном их за одного тиуна, и они себе делят по половинам. А которые городы или волости поделены, а случитца у них суд вопчей, и им обема пошлины имати одны, да те им пошлины меж собя делити по половинам же. А возмут те два намесника или два волостеля или два тиуна с одного дела пошлины вдвое, и уличат их в том, и тому, на ком пошлины взяли, на тех намесникех или на волостелех и на их тиунех те пошлины велети взяти втрое.

В ст. 74, уточняющей и развивающей ст. 65 Судебника 1497 года, устанавливается ответственность наместников за неправильное взимание пошлин. Обязанность брать пошлину в одинарном размере двумя наместниками или двумя волостелями предусматривается не только в случае, если *суд у них не в разделе*, но и когда суд *вопчей*, или вернее, сместной, т. е. наместники судят лиц разной подсудности. Пошлины, в полном объеме на каждое должностное лицо, взимаются с них в тройном размере.

75. А хто пошлет пристава по намесника, по боярина, или по сына боярского, или по волостеля, и по их тиунов, и по царева и великого князя тиуна и по довотчиков, и намеснику и волостелем и их тиуном, и великого князя тиуном и довотчиком отвечати к сроку ехати; а не поедут к сроку сами, и им к сроку в свое место посылати к ответу; а не приедут сами к ответу и в свое место отвечати не пришлют после срока за сто верст в седмой день, и тех обинити и исцовы иски по жалобницам и неделщиков езд на тех доправити, да отдати иск ищеям. А срочных по приставным на намесников и на волостелей и на их тиунов не наметывати; а из далних городов росчитати по верстам по тому ж розчету. А з записми не посылати никуды, опич ведомых разбойных дел, и намесников и волостелей и их тиунов и их людей, оприч приказных дел, в которых делех велит государь дати запись. А приставов з записью по намесников и по волостелей и по их тиунов давати, а велети им чинити срок, как сьедет з жалованья, оприч тех записей, которую запись велят дати бояре, приговоря вместе; а одному боярину и дьяку пристава з записью не дати.

В ст. 75, продолжающей и воспроизводящей ст. 45 Судебника 1497 года, определяется общий порядок исчисления срока явки наместника в суд и вводится санкция за неявку. Подтверждая закрепленную еще Двинской уставной грамотой 1397 года и Белозерской уставной грамотой 1488 года ответственность наместника, волостеля или их тиунов по предъявляемым к ним искам, статья регламентирует порядок вызова и явки этих должностных лиц в вышестоящую инстанцию. Для обычных исков, вчиняемых частными лицами, срок явки указанных должностных лиц к суду исчисляется с того момента, как наместник или волостель съедет с жалованья. Это положение отражает не только гарантии истцам в получении

суда над злоупотребившими своим служебным положением кормленщиками, но и делает последним значительную уступку, хотя и вызванную не столько защитой их интересов, сколько стремлением правительства избежать дезорганизации местного управления. Нововведением в ст. 75 является узаконенная ею практика вызова кормленщиков на суд по приставным *с записью*, т. е. с приводом или отдачей на поруки. Выдача записи или определение срока явки наместников в суд производилась в случае привлечения наместников, волостелей и их тиунов по ведомым разбойным делам, разбираемым в порядке следственного процесса, приказным, т. е. служебным делам, связанным с отправлением высших государственных обязанностей, а также по делам уголовным, рассматриваемым в обычном порядке, но обжалованным истцом в вышестоящую инстанцию.

76. А о холопстве суд. По полной грамоте холоп. По ключу по селскому з докладною холоп з женою и з детми, которые у одново государя с ним в одной крепости и которые породилися в холопстве; а которые его дети родились до холопства, а учнут жити у иново государя, или себе учнут жити, то не холопи. А по городцкому ключу не холоп. (По робе холоп); по холопе роба. По духовной холоп. По приданой робе холоп, а по холопе роба. А по тиунству без полные и без докладные не холоп; а по селскому ключу без докладные не холоп. А полному и докладному холопу сына своего слободного, которой ся родил у него до холопства, не продати, а продасться он сам кому хочет, тому же ли государю, у кого отец его служит, или иному кому хочет; а отцу его и матери у полные не стояти и из холопства не взяти, потому что отец его и мати (сами) в холопех; да и в полных и в докладных то писати, что отец у него и мати есть, а у полные не стояли, потому что сами в холопех. А у кого отец в черньцех или мати в черницах, и тому отцу и матери у своего сына и у дочери у полные и у докладные не стояти же и из холопства не взяти; а в полные и в докладные писати, что у него отец или мати есть, а у полные и у докладные не стояли, потому что пострижены; да и не продавати тем детей своих продасться он сам кому хочет.

Статья развивает ст. 66 Судебника 1497 года по вопросу об источниках холопства, оговаривает особый порядок похолопления лиц, занимавших должность тиуна, т. е. регламентирует порядок оформления нового вида (докладного) холопства. Этот вид холопства, уходящий своими корнями в глубокую древность, но юридически оформленный лишь с конца XV в., являлся наиболее недолговечной категорией. Юридическое оформление докладного холопства прекращается уже в первой четверти XVII в. в связи с резким сокращением количества привилегированных слуг-министериалов. Начало ограничения докладного холопства и отразил Судебник. В отличие от ст. 66 Судебника 1497 года, освобождавшей от холопства только по городскому “ключу”, ст. 76 исключает похолопление по

сельскому “ключу”, если оно не санкционировано государственной властью, т. е. не оформлено докладной.

Уточняя порядок происхождения холопства от браков между свободными и холопами, статья вводит новый по сравнению с Судебником 1497 года источник холопства - *по приданой робе холоп*. Женитьба холопа какого-либо феодала на робе, входившей в состав приданого жены этого феодала, включала женившегося холопа в число холопов жены упомянутого феодала.

Статья закрепляет положение о запрещении холопам-родителям холопить своих детей, рожденных на свободе, так же как запрещение чернецам и черницам холопить детей, рожденных до пострижения.

77. А отпускные давати з боярского докладу; а бояром к тем отпускным печати свои прикладывати, а дьяком подписывати. А отпускные давати на Москве бояром да дьяком, да давати отпускные в Великом Новегороде да во Пскове намесником да дьяком, А пошлины имати от отпускные боярину или намеснику от печати з головы по девяти денег, а дьяку от подписи з головы по алтыну, а подьячему, которой отпускную напишет, з головы по три денги. А оприч Москвы да Великого Новагорода и Пскова инде нигде ни в которых городех отпускных не давати. А хто положит отпустную без боярского докладу, и без ноугородцких и псковских намесников докладу, и без дьячие подписи, хоти и государя своего руку, и та отпускная не в отпускную.

Статья 77 существенно ограничивает ст. 18 Судебника 1497 года о выдаче отпускных грамот. Если в конце XV - первой половине XVI вв. правом боярского суда, включавшим выдачу отпускных грамот, обладали более 30 городов, то Судебник 1550 года оставил это право лишь за Москвой, Новгородом и Псковом. Одновременно теряла юридическую силу отпускная, хотя и написанная собственноручно холоповладельцем, но оформленная без боярского доклада. Значительная централизация и ограничение прав наместничьего суда в области отпуска холопов отмечались всеми исследователями. Эта мера представляется направленной скорее на урегулирование исков холоповладельцев друг к другу, чем на то, чтобы затормозить отпуск холопов на волю.

78. А которые волные люди учнут бити челом князем, и бояром, и детем боярским, и всяким людем, а станут на собя давати кабалы за рост служити, и боле пятинатцати рублев на серебряника кабалы не имати. А старые кабалы, которые иманы на волных людей и болши пятинатцати рублев до сего уложенья, а за рост им в тех денгах у них служити, и тем людем кабалы приносити к бояром, и бояром к тем кабалам печати свои прикладывати, а дьяком подписывати; а вперед кто ту ка-

балу оболживит, и та кабала вершити по суду. А имати им кабалы на волных людей, а на полных людей, и на докладных, и на старинных холопей кабал не имати. А хто возмет на полного, или на докладного, или на старинного холопа кабалу, не опытав, или хто на него беглую грамоту возмет, а хто на того холопа положит полную или докладную, или доведет на него которое старинное холопство по духовной грамоте и по иным крепостям, и у того денги пропали; а чей тот холоп был, (а) скажет то, что от него тот холоп бежал, пократчи, и та гибель взяти на том, хто, не обыскав, на чюжево холопа кабалу или беглую возмет; а тот холоп по старому холопству, или по полной, или по докладной, или по духовной тому государю.

В ст. 78 впервые в законодательстве регулируется бытовавший на практике с конца XV в. институт кабального холопства, идущего на смену холопству полному. Закон устанавливает предельную сумму, за которую можно закабалиться - 15 рублей, чтобы кабальный человек имел возможность хоть когда-нибудь расплатиться. Старые кабалы, сумма которых могла быть выше 15 рублей, сохранялись, но должны были соответствующим образом оформляться, после чего вопрос о неправомерности кабалы решался судом. С XVI в. служилые кабалы записывались в специальные кабальные книги. Копии с кабал и пошлинные деньги отправлялись в Москву в Казенный приказ. В книгах фиксировались полный текст служилых кабал, опрос закабаляемых на предмет добровольного или принудительного закабаления, выяснение их прежней деятельности и описание внешних примет закабаляемых. Последнее было особенно необходимо для укрепления владельческих прав на кабальных людей и решения споров между владельцами кабальных холопов. Основным контингентом таких владельцев были помещики и дети боярские. В случае возникавших споров приказ Холопьего суда сопоставлял предъявленную владельцем служилую кабалу с кабальными книгами (*И против кабальных книг тот человек в рожей и в приметы осматривай; и по осмотру тот человек... против кабалы рожей и в приметы сшолся…).* Кабальный передавался владельцу, предъявившему на него служилую кабалу. Служилые кабалы подлежали, как правило, ежегодной перерегистрации для выявления и фиксирования беглых холопов. Кабалы давались только на вольных людей, оставляя их юридически вольными и после заключения договора, тем более, что в отличие от займа, обязательства по служилой кабале прекращались либо со смертью господина, либо, естественно, кабального холопа. Ни права, ни обязанности по служилой кабале не переходили по наследству. Специфической особенностью кабального человека является его право освободиться от зависимости по истечении года посредством выплаты долга, а в начале XVI в. и до истечения года, если кабальный возвращал не только долг, но и 20% от него. Это право было отменено лишь уложением 1597 года, которое выделяет на первый план не заемную, а служилую кабалу (см. комментарий к ст. 82). Вторая часть статьи запрещала брать кабалу на полного или на докладного

или на старинного холопа. Старинными, старыми холопами, как правило, именовались как холопы по рядовым или духовным, так и вообще все потомки рабов, служивших по крепостям своих отцов

Для неразборчивого приобретения дешевой рабочей силы, взявшего кабалу, не проверив предварительно, являлось ли лицо, вступающее в кабалу, свободным человеком, что было особенно необходимо в связи с обращением в кабальное холопство гулящих людей, не только пропадали деньги, но он же возмещал тот ущерб, который нанес господину убежавший холоп. К середине XVI в. количество полных грамот резко сократилось, и к 80 годам полное холопство вытесняется кабальным.

79. А положат на одново холопа две полные или две докладные, и которая будет старее, тому тот холоп, а денги по новой полной или по докладной у того пропали; а снос старого государя взяти на том, хто положит новую полную или докладную, а тот ся ведает с своим знахорем сам; а станет тот на того знахоря бити челом о суде, ино на него дати суд.

Статья 79 новая и связана со ст. 77, регулирующей выдачу отпускных грамот. Передвижение холопского населения, характерное для конца первой половины XVI в., обусловило необходимость решения имевшего место на практике казуса двойного похолопления. В этом случае юридическая сила сохранялась за той докладной или полной, которая будет старее. Новый владелец терял деньги, уплаченные по полной или докладной, и возмещал *снос старого государя*, т. е. иск прежнего хозяина, если бежавший холоп причинил последнему ущерб. Вопрос о сносе решался двояко. Если новый владелец докажет, что принял беглого по какому-либо письменному уверению, не предполагая, что он беглый, он не отвечает по иску прежнего холоповладельца за причиненный ему бежавшим холопом ущерб; в другом случае, если владелец принял заведомо беглого, то принявший обязан отвечать по иску. Вместе с тем новому владельцу предоставлялось право *бити целом о суде со своим знахарем*. При заключении полной грамоты на холопство или служилой кабалы лицо, принимающее другого в холопы, должно было удостовериться через сторонних людей в том, что продающий себя не состоит еще в холопстве у кого-либо. Эти третьи, удостоверяющие лица - *знахори* - становились поручителями, к которым обманутый мог предъявить регрессный иск.

80. А холопа рать полонит, а выбежит ис полону, и он слободен, а старому государю не холоп. А похочет тот холоп к своему к старому государю, и того холопа явити бояром, а дьяку подписати на старой крепости, а пошлины имати з головы по алтыну. А которой холоп побежит з государем своим или один бежит без государя своего, а не рать полонит,

и выйдет тот холоп ис которые земли опять к Москве, и он старому государю холоп по старому холопству, оприч того, нечто кому государь пожалует, даст волную грамоту.

В ст. 80 расширяется перечень случаев освобождения холопа, вернувшегося из плена. Возвратившийся из любого, а не только татарского, плена холоп становится свободным. При желании его вернуться к прежнему господину, старая крепость должна быть подтверждена юридически. Вместе с тем, охраняя интересы феодалов, статья вносит существенное дополнение. Холоп, попавший за границу не в результате пленения, а, возможно, путем бегства за рубеж или с поля боя, независимо от того, один он очутился за границей или с хозяином, остается по возвращении на родину холопом своего старого господина. Исключение составляет тот случай, когда сам господин даст ему вольную.

81. А детей боярских служилых и их детей, которые не служивали, в холопи не приимати никому, оприч тех, которых государь от службы отставит.

В данной статье, не имеющей прецедента в прежнем законодательстве, определяется правовое положение *детей боарьских служилых и их детей*. Эта категория использовалась, как правило, в качестве военных слуг. Именно из них выставлял помещик, согласно военной реформе 1556 года, установленную со 100 четвертей доброй земли норму боевых единиц “на коне и в доспехе полном”.

82. А хто займет сколко денег в рост, и тем людей у них не служити ни у кого, жити им собе, а на денги им рост давати. А хто даст денег в заем в рост, да того человека станет держати у себя, и збежит от него тот человек пократчи, и что снесет, то у него пропало, а по кабале денег лишен.

Ст. 82, являясь новой, как бы противопоставляется ст. 78, отграничивая договор займа от договора личного найма. Уже в 30-х годах XV в. встречаются кабалы, в которых взамен условия выплаты процентов включено условие *за рост служити, за рост косити, за рост пахати*, т. е. зарождается новая форма холопства по служилой кабале. В Судебнике формулируется прогрессивное для своего времени понимание обязательства как права на действие лица, а не как на само лицо. В соответствии с этим статья предписывает, что взявший деньги взаймы обязан лишь выплачивать проценты, которые, обычно для этого времени, составляли 20 на 100, а кредитор, заставлявший должника работать на себя, нарушал тем самым договор займа и терял право на возмещение убытков, принесенных ему побегом должника. Смысл этой статьи заключается в усилении института служилой кабалы. Независимо от того, вовлекает ли она социальные низы

или охватывает более широкий круг населения, в частности детей боярских, данная норма, является отражением развития товарно-денежных отношений в Русском государстве XVI в.

83. А наймит у государя не дослужит уроку своего, а пойдет проч, и он найму лишен. А которой государь наймиту не захочет дайти найму, и уличит его в том наймит, и, на том доправити наем вдвое.

Статья 83 дополняет ст. 54 Судебника 1497 года указанием на ответственность хозяина, не желающего выплатить наймиту причитающееся по договору личного найма вознаграждение. Текст статьи дает основание полагать, что спор между наймитом и хозяином рассматривался в судебном порядке. В случае проигрыша дела хозяин выплачивает требуемую сумму в двукратном размере.

84. А о землях суд. Взыщет боярин на боярине, или манастырь на манастыре, или боярин на манастыре, ино судити за три годы. А взыщет манастырь на боярине, ино судити за три ж годы, а дале трех годов не судити. А взыщет черной на черном, или помещик на помещике, за которыми земля царя и великого князя, или черной селской на помещике, или помещик на черном на селском, ино судити по тому ж за три годы; а дале трех годов не судити. А взыщут на боярине или на манастыре царя и великого князя земли, ино судити за шесть лет; а дале не судити. А которые земли за приставом в суде, и те земли досуживати. А государю и бояром и всем приказным людем по ищеину челобитью судьи на землю не посылати, а послати судью на землю, выбрав одного не по их челобитью; а дву судей на землю не посылати.

В ст. 84, сохраняющей установленные ст. 63 Судебника 1497 года сроки давности по земельным искам, изменяется порядок судопроизводства по ним. Прежде суды для рассмотрения земельных тяжб составлялись из доверенных от каждой стороны лиц и решали вопрос о границах владений. Свидетелями являлись старожильцы, которые приносили своеобразную форму присяги. Отмечая границу, ходили по ней с образом или землей на голове. Статья 84 предлагает приказным людям, боярам и даже государю, т. е. всем центральным судебным органам, посылать не двух, а лишь одного судью и не по желанию сторон, а по выбору судебных органов.

85. А в вотчинах суд. Хто вотчину продаст, и детей его и внучатом до тои вотчины дела нет, и не выкупити ее им; а братья будут или племянники в тех купчих в послусех, и им и их детем и внучатом до

тое вотчины по тому ж дела нет. А не будет братья в послусех или племянников, и братья или сестры и племянники ту вотчину выкупят. А станет тот купец ту вотчину продавати, и тем продавцом вотчина у них купити полюбовно, как ему тот продавец ту вотчину продаст; а не полюбовно ему вотчины не выкупити. А судити о вотчине за сорок лет; а дале сорока лет вотчичем до вотчины дела нет. А до купель дела нет: хто куплю продаст, и детем и братьям и племянником тое купли не выкупати. А хто напишет свою куплю детем своим (после живота своего), ино им та вотчина: то им держати в вотчину, и вперед им та вотчина выкупити по тому ж указу за вотчину. А хто вотчину свою выкупит в те урочные сорок лет, и та ему вотчина держати за собою, а иному ему тои вотчины не продати, ни заложити в чюжой род, а отдати ему вотчина в свой род по тому ж, кого в прежних купчих в послусех нет. А хто купит вотчину чюжими денгами или заложит или продаст, а доведет на него продавец, что он выкупил чюжими денгами и держит ее не за собою, та вотчина прежнему продавцу безденежно. А хто похочет вперед свою вотчину мимо вотчичев заложити у стороннего человека, и тем сторонним людем невотчичем те вотчины в заклад имати, в колке чего та вотчина судит. А возмет хто сторонней человек, а невотчич, вотчину в заклад во много болши тое цены, чего та вотчина судит, и хто вотчин учнет бити челом, что закладывает или уже заложил в чюжей род, и тому вотчичу та вотчина в заклад взяти в меру, чего та вотчина судит. А что тот денег в займы дал лишок болши тое цены, чего та вотчина судит, и у того (те) денги пропали. А хто свою вотчину променит невотчичу, а примет денег, и хто вотчич учнет ту вотчину выкупати, и тому та вотчина выкупити; а земли ему оставити в меру столко, сколко он своей земли применил.

В ст. 85, не имеющей аналога в Судебнике 1497 года, регулируется порядок родового выкупа вотчины. Признавая такое право, статья в то же время ограничивает его. Во-первых, определяется круг лиц, которые имеют право выкупа. Помимо исключения прямого потомства, боковые родичи, *братья... или племянники*, оказавшиеся свидетелями, также теряли право родового выкупа. Продавший вотчину не имел права принудительного выкупа, а мог купить ее лишь полюбовно, *если станет тот купец, ту вотчину продавати*. Во-вторых, право родового выкупа действовало лишь в течение 40 лет. Третье ограничение состояло в изъятии из сферы действия этого права купель, т. е. вновь купленных земель. Право родового выкупа распространялось на них лишь после передачи этих земель по наследству (*после живота своего*). Четвертое ограничение состояло в запрещении выкупа *чюжими денгами*.

Право родового выкупа имеет определенное сходство с залогом. Именно поэтому Судебник говорит о нем в этой же статье. Вотчину можно закладывать как родственникам, так и посторонним лицам, закон только оговаривает размеры залога. При залоге вотчины *мимо вотчичев...* у сторонного человека, сумма заклада не должна была превышать действитель-

ной цены вотчины. Тот, кто *дал... лишек болши тое иены, чево та вотчина судит, и у того те денги пропали*. Это же правило действовало и при обмене вотчин. Если вотчинник, променявший свою вотчину *невотчичю*, имел большее количество земли, чем получил при обмене, то при выкупе родственники менявшегося имели право выкупить этот излишек. Подводя итог указанных в ст. 85 ограничений, ее можно квалифицировать как мероприятие, направленное против княжат и бояр, как выражение антибоярской земельной политики правительства Ивана IV. Эта политика получила дальнейшее развитие в законодательстве XVI в.

86. А промеж сел и деревень городити огорода, по половинам: а чьею огородою учинитца протрава, ино тому платити, чья огорода. А где отхожие пожни от сел и от деревень, ино поженному государю не городитись, городит тот всю огороду, чья к пожни земля ораная пришла. А хто вытравит какой хлеб или пожню, и тот хлеб и пожню платити тому, чья изгорода.

Статья 86 дополняет ст. 61 Судебника 1497 года санкцией за потраву скотом посева. Владелец скота обязан возместить причиненный ущерб тому, чья *изгорода,* т. е. собственнику посева.

87. А хто сорет межу или грань ссечет из царевы и великого князя земли у боярина или у манастыря, или боярской у манастырского, или манастырской у боярского, и хто в тех межу сорет или грань ссекел, ино того бити кнутьем да исцу на нем взяти рубль; а крестьяне меж собя в одной волости или в селе хто у кого межу перерет или перекосит, ино волостелю или посельскому имати на нем за боран два алтына.

Статья 87 повторяет ст. 62 Судебника 1497 года о защите землевладения в уголовном порядке.

88. А крестьяном отказыватись из волости в волость, из села в село один срок в году; за неделю до Юрьева дни осеннего и неделя по Юрьеве дни осеннем. А дворы пожилые платят в полех за двор рубль да два алтына, а в лесех, где десять веръст до хоромного лесу, за двор полтина да два алтына. А которой крестьянин живет за кем год да пойдет проч, и он платит четверть двора; а два года поживет, и он платит полдвора; а три годы поживет, и он платит три четверти двора; а четыре годы поживет, и он платит весь двор, рубль и два алтына. А пожилое имати с ворот. (А) за повоз имати э двора по два алтына; а оприч того пошлин на нем нет. А останетца у которого крестьянина хлеб в земле, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба или с стоячего даст боран два алтына; а по кои места была рожь его в земле, и он по-

дать цареву и великого княэя платит со ржи, а боярского дела ему, за кем жил, не делати. А попу пожилово нет, и ходити ему (вон) безсрочно (воля). А которой крестьянин с пашни продастъся кому в полную в холопи, и он выйдет безсрочно, и пожилово с него нет; а которой хлеб его останетца в земле, и он с того хлеба подать цареву и великого князя платит; а не похочет подати платити, и он своего хлеба земляного лишен.

Ст. 88 является комментарием ст. 57 Судебника 1497 года, причем материал для нее дан практикой применения этого Судебника. Сохраняя прежний срок перехода крестьян, статья увеличивает на два алтына сумму *пожилого* и уточняет порядок его исчисления. Пожилое бралось *с ворот*. При этом не учитывались ни величина участка, ни его застроенность, а главное, личный состав двора, т. е. живет ли за воротами один крестьянин или несколько, но пожилое разнилось в зависимости от местонахождения двора. В *лесех* оно было ниже пожилого *в полех*, потому что устройство двора (возведение избы, дворовых построек) легче было осуществить, если рядом с усадьбой находился лес. Во избежание споров о том, в лесе или в полех стоит покидаемый крестьянином двор, определяется, что лесной полосой считается участок где десять *връст до хоромного лесу*.

Статья вводит ряд дополнительных обязанностей крестьянина, связанных с его переходом. Так, помимо пожилого крестьянин должен был оплатить *за повоз... по два алтына*, т. е. обеспечить следуемую с него в порядке барщины обязанность свезти осенью на двор господина собранный урожай. За возможность снятия урожая с оставленного у землевладельца озимого посева крестьянин уплачивает два алтына. Кроме того, за сохранение права на сбор урожая ушедший крестьянин обязан был платить *подать цареву и великаго князя, а бояръского дела ему, за кем жыл, не делати,* т. е. никакой другой повинности своему бывшему землевладельцу не нести. Нетрудно видеть, что изменение ст. 57 шло по пути введения дополнительных мер, крайне осложнявших крестьянский выход и являвшихся фактически дальнейшим развитием крепостного права, удовлетворением интересов преимущественно среднего и мелкого дворянства. Затрудняя возможность крестьянского перехода, статья вместе с тем предусматривает свободный выход без ограничения сроком и выплаты пожилого попа и крестьянина, продававшегося кому-либо *в холопи в полную*. Новелла о попе не вызывает споров. Защита прав низшего духовенства связывается исследователями с участием в работе по подготовке Судебника 1550 года попа Сильвестра, убедившего Ивана IV в необходимости обеспечить максимальную поддержку этой группе населения, влиятельной в крестьянской массе. Не берется пожилое и с крестьянина, продающегося в холопство, очевидно потому, что с него нечего взять. Цена за холопа в середине XVI в. колебалась от 1,5 до 3 рублей, т. е. была не намного выше, чем само пожилое.

89. А убьют которого крестьянина на поле в розбое или в ыном в котором в лихом деле, и дадут того крестьянина за государя его, за кем живет, или выручит государь его тот, за кем живет, и пойдет тот крестьянин из-за него вон, ино его выпустити; а на отказщика в том деле взяти порука з записью: попытают того крестьянина на том его государе, за кем жил, в ыном в какове деле, и он бы был в лицех.

Статья 89 является новой и находится в непосредственной связи с предыдущей. Она признает за крестьянином, обвиненным в преступлении, но не облихованном, а взятым на поруки своим господином, право отказа. Но отказывающийся крестьянин должен взять у бывшего господина поручительство в том, что при обвинении его в *ыном в каковем деле* он будет представлен в суд.

90. А которой купец, идучи на торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него тот товар утеряетца безхитростно, истонет, или згорит, или рать или розбой возмет, и боярин, обыскав, велит тому дати цареву и великого князя (дьяку) полетнюю грамоту с великого князя печатью, посмотря по животом, платитца исцом в ыстину без росту. А хто у кого, взяв, идучи в торговлю, да пропьет или иным каким безумьем тот товар погубит без напрасньства, ино того выдати исцу головою до искупа. А в розбойном деле дадут кому полетнюю грамоту, и как своего розбою доищетца, или в его иску розбойников поймают, и у того та грамота полетняя не в грамоту.

Статья 90 дополняет ст. 55 Судебника 1497 года указанием на выдачу полетной грамоты в зависимости от достатка купца (*по-смотря по животом*). В случае обнаружения преступников, выданная купцу полетная грамота теряет юридическую силу, потому что в таком случае утраченное купцом имущество возвращается из имущества разбойников.

91. А попа, и дьякона, и черньца, и черницу, и старую вдовицу, которые питаютца от церкви божьи, ино их судити святителю или его судьям; а будет простой человек с церковным, ино суд воптчей; а которая вдовица питаетца не от церкви божьи, а живет своим домом, ино то суд не святителской. А торговым людей городцким в манастырех в городцких дворех не жити. А которые люди торговые учнут жити на манастырех, и тех с манастырей сводити да и намесником их судити. А на манастырех жити нищим, которые питаютца от церкви божьи.

В ст. 91 вводится новое по сравнению со ст. 59 Судебника 1497 года ограничение судебной юрисдикции церкви. В статье запрещается торговым людям жить в монастырях, т. е. становиться их закладниками, и устанавливается подсудность торговых людей наместничьему управлению.

Монастырской подсудности подлежали только нищие, которые *питаются от церкви божией.*

92. А которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино статок весь и земля взяти дочери; а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его роду.

Статья 92 воспроизводит ст. 60 Судебника 1497 года о порядке наследования.

93. А хто купит на торгу что поношено у носящего или с лавки, из тому купити с порукою с рядовою; а хто без поруки купит, и тому тем быти и виновату.

В данной статье, в отличие от ст. 46 Судебника 1497 года, устанавливающей порядок доказывания добросовестного приобретения новых вещей, предусматривается покупка на торгу старых вещей *(что поношено у носящего или с лавки).* Учитывая возможность продажи краденого, закон требует наличия поручительства за продавца. Таким поручительством была рядовая порука со стороны постоянных торговцев рыночного ряда, лавок. При отсутствии поруки купивший терял прав на иск.

94. А хто купит лошадь на Москве или в Московском уезде, и тем те лошади пятнати у пятенщиков на Москве да и в книги писати по старине. А пошлина пятенщиком имати по старине же.

Основываясь на ст. 10 Белозерской таможенной грамоты 1497 года и других грамотах, в статье уточняется порядок оформления договора купли-продажи лошадей. В статье предусматривается обязанность клеймить купленных в Москве и Московском уезде лошадей. *Пятенщик*, т. е. лицо, клеймившее покупаемых лошадей, должен был, кроме того, зарегистрировать договор купли-продажи в специальной книге, за что получал, помимо пятенной пошлины, пошлину, именуемую *писчее* или *записное.*

95. А по городом и по волостем где хто лошадь купит или менит, тут у намесников, и у волостелей, и у их пошлинников и пятнает; а записывати те лошади в книги у целовалников дьяку земскому; а пятенщиком, имати с купца денга, а с продавца денга же. А целовалником и дьяку земскому у тех намесников и у волостелей пятна их образец писати в книги спору для. А хто купит лошадь в своей волости или выменит, а до такова же дни не запятнает и в книги не запишет, и уличат его в том, хто купит или (вы)менит, и на том взяти намеснику или волостелю или пятенщику пропятенья два рубля. А хто поимався за ту лошадь да чего

с тою лошадью взыщет, доколе ее не запятнил, и на том тот иск взяти без суда, хто ее не запятнил. А детем боярским купленые и меновные лошади пятнати по тому ж. А в служебнем походе хто у кого купит лошадь, и хто у него за ту лошадь поимаетца, и тот, хто купил, поставит свидетелей человек пять или шесть на того, у кого купил, а запретца тот, у кого купил, ино им суд. А хто где купит лошадь или выменит не в своем присуде, тот тут и пятнит; а приведет ту лошадь к себе непятнену, и уличат его в том, и на том пропятенья взяти, у кого он в присуде.

В ст. 95, распространяющей порядок оформления договоров купли-продажи лошадей на всю территорию Русского государства, предусматривается должность *пошлинников*, т. е. специальных представителей наместника, собиравших пошлины. Одной из таких пошлин, включавшихся в таможенные откупные грамоты, являлась и пятенная пошлина. По Судебнику она взималась с обеих сторон, тогда как в последующих грамотах только с покупателя. Сделка регистрировалась земским дьяком в присутствии целовальников в течение недельного срока со дня купли-продажи или обмена лошади. В противном случае с покупателя, нарушившего порядок оформления сделки, взыскивался без суда штраф в размере двух рублей. Подчеркивая обязательность установленного порядка для детей боярских, основного контингента русских вооруженных сил, статья особо выделяет порядок заключения таких сделок в *служебнем походе*. Так как в этом случае пятенщик отсутствует, то договор купли-продажи подтверждается с помощью свидетельских показаний. Статья заканчивается указанием на то, что регистрация сделок осуществляется не по месту жительства покупателя, а по месту покупки, что охраняет материальный интерес пятенщиков. Вместе с тем предусматриваются и санкции за злоупотребления должностных лиц.

96. А намесником, и волостелем, и тиуном, и пятенщиком в городех и в волостях непродажных и доморощеных лошадей не пятнати. А хто учнет в городех и в волостях непродажные и доморощеные лошади пятнати, и доведут на него то, и хто на нем чего взыщет в тех лошадех, и те ему убытки платити без суда втрое, а в пене что государь укажет.

Статья 96 запрещает наместникам, волостелям, тиунам и пятенщикам *пятнать* непродажных и доморощенных лошадей, если они не являлись объектом купли-продажи или мены. Такие действия с целью получения за это пошлины влекли эа собой возмещение без суда взятых пошлин в тройном размере и наказание по усмотрению государя.

97. А которые дела преж сего Судебника вершены, или которые не вершены в прежних во всяких делех, сужены и несужены, и тех дел всех не посуживати, быти тем делом всем в землях, и в холопстве, и в

кабалах, и во всяких делех и в тиунстве по тому, как те дела преж сего вершены. А вперед всякие дела судити по сему Судебнику и управа чинити по тому, как царь и великий князь в сем своем Судебнике с которого дни уложил.

В ст. 97 впервые в русском законодательстве вводится положение о том, что закон обратной силы не имеет. Дела, которые *преж сего Судебника вершены*, или *не вершены*, т. е. закончены или не закончены, *сужены и несужены*, прошли судебное разбирательство или только начато производство на основании прежних законов или обычного права, отмене не подлежали, даже если по Судебнику эти дела должны решаться иначе.

98. А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела з государева докладу и со всех бояр приговору вершатца, и те дела в сем Судебнике приписывать.

Впервые в истории русского законодательства определяется порядок издания и опубликования новых законов. При отсутствии в законе указания на порядок решения того или иного дела оно вершится вышестоящей инстанцией - Боярской Думой. Такой прецедент становится по существу новой законодательной нормой. Решения Боярской Думы обычно рассылаются по приказам и областным начальникам и заносятся в указные книги приказов, составляя дополнения к Судебнику.

99. Да велети прокликати по торгом на Москве и во всех городех Московские земли, и Ноугородцкие земли, и Тверские земли и по волостем, чтоб ищея или ответчик судьям и приставом посулов в суде не сулили; а послухом, не видев, не послушествовати, а видев сказати в правду. А послух опослушествует, не видев, лживо, а обыщетца то опосле, ино на виноватом послухе гибель исцева и убытки все, а в вине казнити торговою казнью.

Воспроизводя ст. 67 Судебника 1497 года, комментируемая статья дополняет ее санкцией в отношении послуха, давшего ложные показания. Помимо возмещения потерпевшему причиненного ущерба, лжесвидетель подвергался торговой казни. Торговая казнь в Судебнике 1497 года назначается один раз (в ст. 10). В ст. 99 Судебника 1550 года она встречается в шестнадцатый раз.

100. О суде с удельными князи. (А) взыщет москвитин какова дела на селецких волостелех, которые селца московские за уделными князми, ино судити царю и великому князю; а не отвечает волостель селецкой, и царю и великому князю его обвинити. А взыщет селецкой на селецком, а судит их же волостель. А не будет их князя на Москве, и волостелю к докладу с

Москвы не вести, а ждати князя на Москве. А подведет их волостель с Москвы к докладу к своему князю, а утечет тех исцов один к царю и великому князю и бьет челом царю и великому князю на того волостеля, и царю и великому князю на того волостеля дати пристава; а повезет его через то в удел, и тем его царь и великий князь обинит. А бьет челом царю и великому киязю царя и великого князя сын боярской на уделного человека, и царь и великий князь, воименовав своего судью, и пошлет к своему брату к уделному князю, коли будет князь на Москве, и уделной князь даст своего судью. А суду быти на Москве, хотя б тот человек был в его деле на Москве. А уделного князя сын боярской бьет челом на царева и великого князя человека, ино суду быти такоже на Москве. А бьет челом царю и великому князю жалобник уделного князя человек из его вотчины на царева и великого князя человека, и царь и великий князь даст пристава, да судит царь и великий князь сам. А на москвитине взыщет которого князя уделного городцкой человек, ино судити их намесником московским, а без судьи. А искати москвитину на уделного князя городцком человеке, ино ему ехати с судьею, а судье быти московских намесников. А деловые люди в манастырских станех которого князя, и писцы паря и великого князя пишут их под сотника в дань и во все проторы, а князю над ними суд один. А случитца суд сместной в селцах в манастырских уделному с уделным, или деловым с становым и з городцким, или с селецким и с манастырским, и судьям доложити царя и великого князя, а третьего им в том нет ничего.

Ст. 100 внесла коренные изменения в вопрос о процессе суда по делам между великокняжскими людьми и населением уделов. Эти изменения заключались в ограничении права сместного суда удельных князей и необходимости доклада в Москву о всех делах, совершенных на территории, принадлежавшей им в Московском уезде. Во всех делах, совершенных *на Москве* людьми удельных княжеств, суд осуществлял великокняжеский наместник. За удельными князьями оставалось, вместо прежнего права сместного суда, лишь право на долю в судебных пошлинах. Для этого на суд наместника посылался судья. Судьи удельных князей могли участвовать только в судах по *пенным* делам, т. е. делам, караемым штрафом. По высшим уголовным делам суд судил один московский наместник. Судебник 1550 года отменяет право удельных князей посылать на суд великокняжеского наместника своего судью и последовательно проводит принцип разбора дел в Москве и именно царскими судьями. Так, если *москвитин* взыщет *какова дела* на волостеле удельного князя в селе, лежащем в Московском княжестве то дело разбирается судом не удельного князя, а царя. Осуществление суда между жителями сел, подчиненных волостелю удельного князя, принадлежит волостелю, но доклад с такого суда совершается непременно в Москве: если удельный князь находится в Москве, - то удельному князю, если нет, то великокняжескому наместнику. Царь же осуществляет суд, возникающий по жалобе удельного сына боярского *на царева и великого князя человека*. При исках служилых царских

людей на людей удельного князя и наоборот действует не сместный, а общий суд из двух судей. Место суда находится всегда в Москве, даже если ответчик жил в уделе. При исках удельного городского человека к московскому городскому судят московские наместники. Наоборот, при иске московского городского человека к городскому удельному дела разбирались совместно удельнокняжеским судьей и судьей от московских наместников. *Деловые люди* - ремесленники удельного князя, хотя и записанные царскими писцами, подлежат безраздельному суду своего князя. При тяжбах их с людьми другой подсудности устанавливается уже не третейский, а сместной суд с докладом государю. Исследователи связывают составление этой статьи с событиями 1553 года, т.е. с попыткой бояр во время болезни Ивана IV посадить на русский престол удельного князя Владимира Старицкого. Иван IV не только взял с последнего присягу на верность, но и ограничил судебную власть удельных княжат. Об этом и говорит ст. 100, являясь как бы завершающим штрихом в процессе централизации судебной власти Русского государства.

Судебники XV — XVI вв.» (М.: изд. Академии наук СССР, 1952), Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юрид. лит., 1985.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 3

Русская Правда. Введение 4

Правда Русская Краткой редакции
(по академическому списку) с комментариями 12

Правда Русская Пространной редакции
(по Троицкому I списку) 25

Псковская Судная грамота. Введение 64

Текст и комментарии к Псковской Судной грамоте 75

Судебник 1497 г. Введение 131

Текст и комментарии к Судебнику 1497 г. 134

Судебник 1550 г. Введение 177

Текст и комментарии к Судебнику 1550г. 185